

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САМАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Кафедра общей психологии и психологии развития

К.С. Лисецкий

**ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ
ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ НАРКОТИЧЕСКОЙ
ЗАВИСИМОСТИ ЛИЧНОСТИ**

Самара

Издательство «Универс групп»

2007

*Печатается по решению Редакционно-издательского совета
Самарского государственного университета*

УДК 159
ББК 88.8
Л 63

Рецензенты:

доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАН

В.А. Петровский,

кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой
социальной психологии Самарского государственного университета

С.В. Березин

Редактор

кандидат психологических наук, старший преподаватель
кафедры общей психологии и психологии развития
Самарского государственного университета

Е.В. Литягина

Лисецкий, К.С.

Л 63 Психологические основы предупреждения наркотической за-
висимости личности [Текст] \ К.С. Лисецкий. – Самара : Изд-во
«Универс групп», 2007. – 308 с.

ISBN 978-5-467-00145-6

В данной монографии представлены исследования психологических основ предупреждения наркотической зависимости личности на основании нового перспективного направления – онтосубъектного подхода.

Проблемы возникновения у человека психической и психологической зависимости являются важными и до последнего времени мало исследованными. Речь идет о наркомании, игровой зависимости, зависимости от деструктивных культов и экстремистских организаций. Онтосубъектный подход, разработанный авторами, позволяет глубже понять скрытые предпосылки и противоречия возникновения психической зависимости личности.

Многолетний опыт исследовательской и практической работы позволил авторам создать эффективную программу профилактики наркомании и других зависимостей.

Монография предназначена для студентов-психологов, практикующих психологов, психологов-исследователей, медицинских и социальных работников. Кроме того, рекомендована в качестве учебного пособия по дисциплинам: «Общая психология», «Общий психологический практикум», «Психодиагностика», «Основы психопрофилактической работы».

УДК 159

ББК 88.8

Исследование выполнено при поддержке РФФИ (номер гранта №07-06-26601 а/В), СИЦ РАН (номер гранта 10 РГ/2007).

*Перепечатка материала допускается только со ссылкой
на данное издание.*

ISBN 978-5-467-00145-6 © Лисецкий К.С., 2007

© Самарский государственный университет, 2007

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
Глава 1. Трактовка феномена наркотической зависимости. Ее профилактика в современном мире	12
§ 1.1. Основные понятия	12
§ 1.2. Психологические теории возникновения наркотической зависимости личности	26
§ 1.3. Критика общепринятой концепции профилактики наркотизма	49
§ 1.4. Возможности концепции снижения вреда с точки зрения профилактики наркотизма	56
§ 1.5. Мультипричинность возникновения наркотической зависимости личности.....	63
§ 1.5. Критерии оценки эффективности профилактических программ	80
Глава 2. Генезис наркозависимости личности	84
§ 2.1. «Двоичность» принципа удовольствия	84
§ 2.2. «Заигранная» реальность	92
§ 2.3. Бессилие как «культурная патология».....	100
§ 2.4. Культура вынужденных желаний	112
§ 2.5. Личность как субъект своего организма	125
§ 2.6. Сенсомоторная и личностная составляющие хорошего настроения человека.....	129
§ 2.7. О психофизиологии «Я – превосходящего».....	139
§ 2.8. «Телесное Я» и воспитание	146
§ 2.9. Наркотизация личности: факторы риска и защиты	160
Глава 3. Онтосубъектный подход к пониманию и профилактике наркозависимости личности.....	169
§ 3.1. Беспричинно-следственная связь	169
§ 3.2. Возникновение зависимости личности.....	175
§ 3.3. Наркотическая личность	181
§ 3.4. «Я-концепция» как опыт саморазвития подростка	186
§ 3.5. Проблема субъектности	192
§ 3.6. О происхождении субъектности	197

§ 3.7. Атрибуты и корреляты субъектности	204
§ 3.8. Субъектность личности: собственная и заимствованная.	215
§ 3.9. Характеристики онтосубъектного подхода.....	221
§ 3.10. О сходстве и различии понятий «взросление», «созревание», «развитие» и «локус контроля» личности.....	225
§ 3.11. Психолог как субъект деятельности по профилактике наркомании	241
§ 3.12. Альтернативы зависимости – решение психологических задач взросления	263
Заключение	290
Литература.....	295

ВВЕДЕНИЕ

Сегодня во многих сферах жизни России произошли столь значительные изменения, что философы и социологи заговорили о новом историческом состоянии человека. В этой ситуации пролонгировать имевшие место социальные установки 80-90-х годов в прежнем виде больше не имеет смысла. Подрастающее поколение решает свои жизненно важные задачи в условиях неопределенности нового рода, новых потребностей и новых возможностей.

С одной стороны, такие условия способствуют развитию творческой активности человека, критического мышления, саморазвитию. С другой – это происходит на фоне быстрого расслоения населения России на сверхбогатых и бедных, неустойчивой социальной, экономической и экологической обстановки, дискредитации многих нравственных ориентиров, что вызывает массовый стресс, влияет на духовное и физическое здоровье нации.

Сложились новые условия для личностного развития подрастающего поколения, которые, с одной стороны, задерживают, с другой – ускоряют этот процесс. Можно говорить о появлении квази-потребностей, квази-интересов, о различного рода ранее не наблюдаемых отклонений в поведении молодых людей.

Сравнительный анализ психологических исследований подростков 90-х годов и подростков 2005 года показал характерные различия между ними. В подростковом возрасте чувство одиночества всегда переживается обостренно. У подростков из 80-90-х годов связь одиночества и фактора будущего была маловыраженной. «Одиночество» подростков 2005 года показательно связано с их представлениями о будущем. Пятнадцать лет назад дети знали гораздо лучше, кем они хотят быть, и что для этого им нужно сделать [Собкин В.С.]. Сегодня будущее более размыто, но главное – *непроверяемо в настоящем*. Проблема обостряется нарастающим отчуждением между взрослыми и детьми. Дети по некоторым пара-

метрам сегодня раньше взрослеют, однако, по целому ряду других показателей демонстрируют углубление социального инфантилизма. Наблюдаемое сегодня взросление не личностное, не субъектное, а какое-то уж очень ролевое, показное, внешне демонстративное. Это говорит о значительных изменениях в области мотивационной сферы развивающейся личности, о возникновении новых характеристик разных периодов онтогенеза. Важнейшей стала проблема сохранения личностной устойчивости в условиях неустойчивости и неопределенности, проблема обеспечения нормального развития личности в таких условиях. Новые условия развития личности принципиально отличаются от тех, что классически описаны в учебниках по педагогике и психологии еще К. Ушинским, а также от тех, что определили процесс воспитания в 70-80-х годах XX века. При этом ребенок не стал хуже, он просто стал качественно другим. «Важно организовать интенсивный поиск новых критериев «взросления» растущих людей, определить степень, характер их действия» (Д.И. Фельдштейн). Академическая наука сегодня отмечает глубинные изменения в самом состоянии научных знаний, связанные с расшатыванием характеристик классического мышления, монологичности подходов и окончательности истин.

В связи с этим, подготовка подрастающего поколения требует выстраивания личностно ориентированных моделей образовательного процесса. Однако, такой подход сопряжен с проблемой множественности позитивных и негативных, прямых и косвенных, информационных и субкультурных влияний на сегодняшних детей и подростков, которые не готовы к избирательному восприятию, объективной оценке и осознанному реагированию на многие происходящие события. В связи с этим необходимы результативные пути предупреждения, нивелирования различного рода источников деструктивного влияния на развивающуюся личность. Нужны методы, работающие в общей системе профилактики и коррекции отклонений личностного развития, преодоление различных форм

тревожности, жестокости, агрессивности, химической зависимости. Необходима реальная интеграция всех психолого-педагогических знаний.

Академическая и прикладная психология работают в поисках ответа на вопрос о том, на основе чего и что именно сегодня нужно формировать, развивать в ребенке, подростке, чтобы через ряд лет он стал субъектом человеческого сообщества. Сама постановка вопроса указывает на одно из направлений поиска ответа. Для себя мы определили его так: чтобы ребенок стал субъектом человеческого сообщества, ему (ребенку) нужно соответствующим образом содействовать в становлении и развитии его субъектности.

Несколько лет мы ведем исследования по проблемам психологической зависимости, разрабатываем модели профилактики различного рода аддиктивного поведения. Нами были изучены особенности психологической зависимости от наркотиков, азартных и компьютерных игр, деструктивных культов и др., разработаны и доказаны на практике результативные методы профилактики наркомании.

В последнее время говорят и пишут о наркомании очень много, как в России, так и за рубежом. Общество осознало неизбежность столкновения с этой проблемой огромного числа людей. Личное отношение каждого к наркомании и наркотизму, адекватность понимания специфики рассматриваемого явления определяют эффективность предпринимаемых обществом действий.

С конца прошлого века в России активно стала развиваться область психолого-педагогических, медицинских исследований, направленных на изучение возникновения, развития и последствий употребления подростками и молодежью психоактивных веществ. Выделилось несколько основных направлений исследований. Так, в работах В.В. Гульдана, В.Ю. Завьялова и др. рассматриваются факторы, условия, причины употребления психоактивных веществ. Исследования С.В. Березина, Е.А. Назарова, В.Е. Рожновой, Т.Н. Ры-

баковой, О.В. Шапатиной и др. направлены на изучение роли семьи в возникновении зависимого поведения. В работах В.С. Битенского, П.Б. Ганнушкина, А.Е. Личко, И.П. Пятницкой, Б.Г.Херсонского и др. представлены исследования преморбидной структуры личности. В то же время в работах С.В. Березина, В. Дайка, Р. Крэйга, К.С. Лисецкого, И.П. Пятницкой показано, что преднаркотической личности не существует. Экспериментально выделяется ряд общих черт, свойственных людям, употребляющим наркотики и алкоголь: слабое развитие самоконтроля, самодисциплины; низкая стрессоустойчивость к внешним и внутренним факторам; неумение прогнозировать последствия действий и преодолевать трудности; эмоциональная неустойчивость; неумение найти выход из трудной ситуации и др. Однако, перечисленные черты могут быть приобретенными в процессе наркотизации свойствами личности и не быть представленными в донаркотический период ее жизни. Также эти черты могут быть характерны для множества людей, не имеющих никакого отношения к употреблению наркотиков.

В данной монографии в рамках психологического подхода предлагается новый взгляд на профилактику наркотической зависимости, немедицинское употребление психоактивных веществ (ПАВ) в подростковой и юношеской среде. Предлагаемая модель поможет понять педагогам и психологам, где у подростка может находиться точка опоры, подобная той, которую искал Архимед, намереваясь перевернуть Землю, и как нужно обращаться с «запретными плодами» в период взросления.

В результате проведенных исследований (1996-2007) нам удалось найти более точные ответы на такие важные вопросы, как:

- В чем состоят психологические особенности личности, устойчивой к наркотической контаминации?
- Что представляют собой возрастные и индивидуальные закономерности развития личности подростка, исключающие возможность употребления наркотиков?

- В чем заключаются субкультурные особенности наркотизма?
- Какие семейные предпосылки влияют на наркозависимость и созависимость?
- Каковы психологические механизмы динамики личности, употребляющей наркотики?
- В чем причины низкой результативности сложившихся на сегодня подходов и программ по профилактике наркомании и реабилитации наркозависимых, какие противоречия и заблуждения снижают их эффективность?
- Как повысить результативность деятельности специалистов в области профилактики наркомании и реабилитации наркозависимых?
- Что составляет психологические основы профилактики наркотизма, и каковы ее эффективные модели?

В решении проблем профилактики и реабилитации наркомании наиболее эффективными зарекомендовали себя психологически ориентированные программы. Однако, практикующие психологи, обладающие значительным профессиональным мастерством, оказываются, по различным причинам, неготовыми для работы с наркозависимыми клиентами.

Многие подходы, рекламируемые ранее как стратегические, со временем оказались несостоятельными и неоправданно затратными. С другой стороны, оказались весьма результативными такие формы работы, как группы самопомощи, группы поддержки, реабилитационные общины, личностно ориентированные программы и практики.

Отсутствие более или менее стройной теории психологической зависимости создавало огромную почву для различного рода спекуляций и дезинформации населения. Локальные эффекты имели место в различных подходах и методах, но убедительных оснований, позволяющих хотя бы приблизительно планировать результат, представлено не было.

В таких условиях предлагаемые обществу пути решения проблемы наркомании оказываются либо конъюнктурным блефом (демонстрация социальной активности отдельных лиц в СМИ), либо блефом от невежества, «профанацией по убеждению» отдельно взятых специалистов за государственные деньги.

Поиск основополагающего принципа профилактики наркомании, определяющего смысл отказа подростка от личного опыта употребления ПАВ (психоактивных веществ), до сих пор является весьма проблематичным. Точка зрения, обосновываемая в программе «Подростковая наркомания и СПИД: концептуальный подход» (Москва, 2000), рекомендованная Министерством Образования РФ, со временем вызывает все большие сомнения. Несмотря на высококачественную методическую проработку большинства разделов программы, в ее концептуальной основе обнаруживается противоречие, которое существенно снижает результативность деятельности специалистов, исповедующих предлагаемый подход.

В результате наших многолетних исследований мы пришли к выводу о том, что профилактика наркомании может быть эффективной в том случае, если она проектируется на основе теории, адекватно объясняющей феномен психической зависимости. Отсутствие сколько-нибудь развитой теории психической зависимости уподобляло профилактику наркотизма поискам черной кошки в темной комнате, на фоне смутного ощущения, что ее там может и не быть.

В нашей работе мы предприняли попытку сформулировать основные положения развиваемой нами концепции психической зависимости. Построенные на ее основе профилактические программы уже подтвердили свою эффективность в ходе лонгитюдных исследований большой выборки подростков из группы риска. Однако реализация наших программ показала, что концепция генезиса самоценных форм активности подростка как условия предупреждения наркотической контаминации и других видов аддикции предь-

являет высокие требования к квалификации субъектов профилактического воздействия (психологов, педагогов). Эффективность профилактики пропорциональна уровню квалификации специалиста.

Результативность нашей концепции и практической ее реализации подтверждается десятилетним опытом научно-исследовательской и конкретно-практической деятельности специалистов психологического факультета Самарского госуниверситета.

Наша модель открывает и объясняет некоторые социально-психологические закономерности наркотической контаминации, объясняет феномен генерализованной неудовлетворенности в подростковом возрасте и конструктивные способы ее трансформации. Модель помогает правильно подбирать средства для содействия подросткам в решении их возрастных онтологически значимых внутриличностных конфликтов и задач взросления, формировать у каждого подростка его внутриличностную систему самоподдержки.

На основе предлагаемой концепции разработаны, апробированы и реализуются психопрофилактические и реабилитационные программы различных видов зависимости (аддикции), *осуществляется обучение и повышение квалификации специалистов из различных регионов России.*

ГЛАВА 1. ТРАКТОВКА ФЕНОМЕНА НАРКОТИЧЕСКОЙ ЗАВИСИМОСТИ. ЕЕ ПРОФИЛАКТИКА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

§ 1.1. Основные понятия

Профилактика – в переводе с греческого *profilaktikos* – предохранение, предупреждение, комплекс мероприятий, направленных на охрану здоровья, предупреждение возникновения и распространения болезней человека.

Значение ключевых терминов, таких, как «наркомания», «наркотизм», «аддиктивное поведение», «психоактивные вещества (ПАВ)», мы определили следующим образом.

Наркомания – комплексное заболевание человека, выражающееся в патологическом влечении к наркотическим веществам.

Термин «наркомания» связан с понятием «наркотик» (от греч. *narkotikos* – усыпляющий). Однако терминологическая неопределенность возникает сразу же, как только речь заходит о препаратах, не относящихся к группе опиоя, т.к. среди средств, отнесенных к наркотикам, лишь опиаты и ноксирон обладают снотворным воздействием. Другие же препараты по своей фармакологической активности являются психостимуляторами, психотомиметиками и т.д. В настоящее время термин «наркотическое вещество» («наркотик») применяется по отношению к тем ядам или веществам, которые способны вызвать при их употреблении эйфоризирующее, снотворное, болеутоляющее или возбуждающее действие.

Анализ медицинской литературы позволяет вывести определение наркомании как группы заболеваний, вызываемых систематическим употреблением наркотиков и проявляющихся синдромом измененной реактивности, психической и физической зависимо-

стью, а также некоторыми другими психотическими и социальными особенностями.

В специальной литературе отмечается, что наркотик – это вещество, удовлетворяющее трем критериям:

- медицинский критерий: это вещество оказывает специфическое (седативное, стимулирующее, галлюциногенное и др.) влияние на ЦНС;

- социальный критерий: немедицинское употребление вещества имеет большие масштабы и последствия этого приобретают социальную значимость;

- юридический критерий: данное вещество признано законодательством наркотическим [Березин, Лисецкий, Нарушев, 2005б; Иванец и др., 1995].

В наркологии наркомания рассматривается как болезнь, в процессе развития которой выделяют следующие основные этапы [Пятницкая, 1994].

Синдром психической зависимости, сущность которого в том, что человек перестает чувствовать себя комфортно в жизни и справляться с трудностями без приема наркотика. Наркотик становится важнейшим условием контакта человека с жизнью, собой, другими людьми.

Синдром физической зависимости заключается в постепенном встраивании наркотика в различные цепи обменных процессов в организме. Если наркоман не принимает соответствующее количество наркотика, то он испытывает различные по степени выраженности физические страдания: ломота, сухость кожи (или потливость), т.е. развивается абстинентный синдром. Для его снятия необходимо принять наркотик, дозы которого постоянно увеличиваются.

Синдром измененной реактивности организма к действию наркотика. Важнейшую роль в структуре данного синдрома играет то-

лерантность. Ее возрастание, стабилизацию на высоком уровне, снижение относят к стержневым симптомам наркомании.

В.В. Шабалина указывает, что на разных стадиях развития наркотической зависимости доминируют разные функции [Шабалина, 2001]:

1) познавательная функция (удовлетворение любопытства, изменение восприятия, расширение сознания);

2) гедоническая функция (получение удовольствия);

3) психотерапевтическая функция (релаксация при наличии стрессовых ситуаций или эмоционального напряжения);

4) повышение уровня комфортности;

5) снятие барьеров в поведении, которое пугает;

6) компенсационная функция (замещение проблемного функционирования в сферах сексуальной жизни, общения, развлечений и др.);

7) стимулирующая функция (повышение продуктивности деятельности);

8) адаптационная функция (приспособление к группе сверстников, употребляющих наркотики);

9) анестетическая функция (избегание боли).

Перечисленные функции могут быть реализованы с помощью использования психоактивных веществ, т.е. зависимость (в частности наркотическая) увеличивает адаптивные возможности. При помощи наркотика подросток компенсирует недостаток социально-психологической адаптации.

Т.И. Петракова, Д.Л. Лимонова, Е.С. Меньшикова, изучая мотивацию употребления подростками наркотиков, выявили, что наибольший процент положительных ответов на употребление наркотика подростки дали в ситуациях:

1) когда наркотик использовался как «лекарство» от сильных эмоциональных переживаний: страх, ненависть, обида, досада, одиночество и др.;

2) ответственности за свое поведение, противостояния группе, авторитету;

3) конформизма, демонстрации протеста против мнения старших, склонность к риску, любопытство [Петракова, Лимонова, Меньшикова, 1999].

Ряд исследователей подростковых аддикций определяют причины актуализации психологической готовности к употреблению наркотиков в следующем:

1) неспособность подростка выйти из ситуации, когда удовлетворение актуальных потребностей оказывается затруднительным;

2) несформированность или неэффективность способов психологической защиты;

3) наличие психотравмирующей ситуации, из которой подросток не находит конструктивного выхода;

4) наличие тенденции к конфронтации с опасностью [Березин, Лисецкий и др., 2001а, 2001б].

Наркотизм и аддиктивное поведение, в отличие от наркомании, рассматривается как злоупотребление различными веществами, изменяющими психическое состояние человека до того, как начнут функционировать симптомы психической и физической зависимости. Наркотизм, аддиктивное поведение – начальная (экспериментальная) фаза возможного в дальнейшем заболевания наркоманией.

Термин «наркотизм», распространенный в последнее время [А. Личко, 1972], близок понятию «аддиктивное поведение», однако является более широким, поскольку подразумевает еще и наличие среды (субкультурных элементов), с которой индивид взаимодействует либо по своей воле, либо вынужденно.

Психоактивные вещества (ПАВ) – это вещества, вызывающие многообразные функциональные состояния головного мозга, оказывающие эйфоризирующие, успокаивающие, активизирующие, галлюцинаторные, опьяняющие, одурманивающие и другие действия. ПАВ либо снижает уровень бодрствования, либо повышает его. ПАВ может вызывать радостное, беспечное настроение, подавляет грусть, уныние, отрицательные эмоции.

Профилактика наркомании, наркотизма (немедицинского употребления ПАВ), других видов негативных зависимостей (игромании, деструктивных культов, виртуальных субкультур и др.), по существу – это предохранение от возможного возникновения такого рода зависимостей, а также предотвращение вреда, который они могут нанести человеку.

Зависимость (по определению С.И. Ожегова и др.) – это (1) отношение одного явления к другому как следствия к причине; (2) связанность, ограниченность в действиях, мыслях, чувствах, волеизъявлении; (3) подчиненность чужой воле; (4) отсутствие самостоятельности и свободы.

Логично предположить, что профилактика зависимости должна представлять собой либо исключение причин ее вызывающих, либо, когда таких причин невозможно избежать, формирование независимости от них, устойчивости к их влиянию.

Профилактика скрывает в себе противоречия, существенно влияющие на ее содержание и эффективность. Результативность профилактики зависит не столько от самого предмета профилактики, сколько от мотивации тех, кому профилактика адресована, для кого предназначена. В случае профилактики наркомании мотивация играет определяющую роль. Возможно поэтому профилактика кишечных заболеваний или травматизма всегда результативнее, чем профилактика наркотизма. Редко встречаются желающие ломать себе руки или ноги, портить желудок или сердце. Профилактика в

данном случае предупреждает спрос на то, что и так спроса не имеет. К сожалению, с наркотиками дело обстоит иначе. Во-первых, на ПАВ в подростковой среде есть спрос, во-вторых, неполнота и противоречивость информации, предлагаемой подросткам в процессе профилактических мероприятий, порождает двойной эффект: недоверие к источнику информации и разжигание интереса к психоактивным веществам.

Те, кто сегодня занимаются профилактикой отклоняющегося поведения, не имеют возможности сказать подросткам: «Смотрите – я для вас образец!» К сожалению, также нет возможности сказать: «У меня есть образец» или: «Я знаю, дети, кто должен стать для вас образцом». Увы, сегодня ничего этого нет.

Профилактика профилактике рознь. Практика подтверждает вывод о том, что неквалифицированно заниматься профилактикой наркотизма в подростковой среде **ОПАСНО ДЛЯ ЖИЗНИ ПОДРОСТКОВ!**

Глубокий и обстоятельный анализ подходов и моделей профилактики негативных зависимостей был проделан Н.А. Сиротой. Анализируя современное состояние профилактики негативных зависимостей, мы обнаружили, что количество подходов, которые сегодня прямо или косвенно реализуются на практике, в последнее время значительно возросло.

В зависимости от объяснения причин злоупотребления психоактивными веществами в молодежной среде, пропагандируется или выбирается тот или иной подход к профилактической работе.

1. Подростки не знают и не понимают опасности воздействия ПАВ на человека.

Подход носит название «информационный» и направлен на формирование правильных представлений о наркотиках и последствиях их употребления. Попытки вразумляющего воздействия в

условиях молодежной субкультуры выглядят, как правило, беспомощно.

2. У подростков недостаточно развита эмоциональная сфера. «Запрет на эмоции» – фактор риска. Наркотики раскрепощают эмоции или искусственно их стимулируют.

Эмоционально-развивающий подход необходим и полезен, но не следует забывать, что среди людей с сильно развитой эмоциональной сферой (художники, музыканты) не так мало употребляющих наркотические вещества.

3. Подростки неустойчивы к социальному давлению негативного характера. Укрепляя их устойчивость, мы укрепляем их в отношении наркотиков.

Копинг-стратегии могут защищать их на всю жизнь. Однако, если подросток все-таки начнет экспериментировать с ПАВ, то его социальный интеллект и социальная устойчивость окажутся «орудиями с обратным прицелом». Более того, ограниченность копинг-стратегий заключается в том, что все они рассматривают ситуации сопротивления подростка негативным воздействиям в условиях определенности и понятности происходящего, но как быть, если происходящее имеет «скрытый сценарий», непонятные последствия, неограниченные возможности, когда решение нужно принимать, не понимая всех условий задачи?

4. У подростка недостаточно сформированы необходимые жизненные навыки. Нехватка жизненных навыков провоцирует поиски новых ресурсов, источником которых могут быть психотропные вещества.

Интенсивная социализация в условиях рефлексии воспитывающих взрослых остается системой внешних отчужденных требований. Исполнение подростками внешних требований со стороны взрослых будет «функционировать» только в условиях контроля извне.

5. Подростки начинают употреблять психотропные вещества от нечего делать. Вовлечение молодежи в привлекательные виды деятельности (спорт, путешествия, художественная самодеятельность и т.д.) в качестве альтернативы наркотизму способно отвлечь их от вредных привычек.

Как и все предыдущие, данный подход основан на том, что подросткам чего-то не хватает, что их нужно занять чем-то интересным и тогда все будет хорошо, а наркотики, само собой, разумеется, находятся в конце списка подростковых дел, и к употреблению ПАВ прибегают только те, кому уж совсем делать нечего. Весьма наивная точка зрения.

6. У подростков недостаточно развита потребность в здоровом образе жизни. Если ее развить, то наверняка все изменится к лучшему. Внедряя в учебно-воспитательный процесс различного рода оздоровительные и психологически развивающие технологии, мы обеспечим России здоровое население на все времена. Вопрос о том, кто и как понимает ЗОЖ в различном возрасте, мы уже обсуждали раньше [Лисецкий, Литягина, 2003; 2004].

7. Падение нравственности и бездуховность ведет к наркотизму. Почему одних ведет, а других нет?

Религиозное просвещение и вовлечение детей в духовно-практическую деятельность освободит их помыслы и сердца от дурных желаний. Когда религию пытаются предложить ВМЕСТО наркотиков, в качестве антидепрессанта, как альтернативу ПАВ, – это выглядит либо кощунственно, либо смешно («Почём опиум для народа»? И. Ильф, Е. Петров). Результаты такого подхода обнаруживают себя в непрерывном увеличении количества и разнообразия всевозможных сект и деструктивных культов.

8. Психические расстройства и личностные дефекты ведут к наркотизации.

Психотерапия для таких подростков может послужить надежной защитой от опасных экспериментов с ПАВ. Однако, психотерапия не может быть насильственной, принудительной, т.е. остается ждать, когда дети вместо ПАВ выберут психотерапию.

9. Недостаточность некоторых биологически важных веществ в организме человека или недостаточность физиологической активности для их синтеза часто может служить стимулом к наркотизации.

Компенсация недостающих микроэлементов посредством включения в основную пищу специальных добавок способствует наркопрофилактике. Естественно, возникают вопросы о том, сколько времени должно осуществляться употребление добавок, кто будет определять дозировку и состав добавок? Как правило, все это определяется бизнес-планом предприятия, выпускающего добавки.

10. В последнее время все больше пишут о специальных воздействиях на мозг человека в качестве «лечения» от наркомании. Такого рода подход можно было бы назвать «нейрохирургическим». Слава Богу, что пока все это не используется непосредственно в первичной профилактике наркомании. Однако в СМИ уже встречаются высказывания о достоинствах данного подхода. Различные специалисты рассуждают (и, похоже, пытаются экспериментировать) с электрическими, температурными (замораживание или термообработка) и механическими (удаление частей) воздействиями на отдельные участки головного мозга с целью уничтожить центр удовольствия человека в зародыше и непосредственно на его (мозга) территории.

Как показывает практика, методы, разрабатываемые на основе влияния химического вещества (дофамина) на активность личности, либо ошибочны, либо конъюнктурны.

11. Этно-культурный подход. Подход, заслуживающий, по нашему мнению, наибольшего внимания. Он характеризуется системной стройностью и содержательной определенностью, личностно-развивающим потенциалом и методической обоснованностью. Рассматривая «кризис культуры» и «кризис сознания» на современном этапе культурно-исторического развития не как «тотальный упадок умирающей цивилизации», а как сложившееся рассогласование внешней и внутренней среды человека, этно-функциональный подход весьма эвристичен и перспективен.

В такой интерпретации наркотизация российской молодежи рассматривается как одна из наиболее саморазрушительных попыток «преодолеть» противоречие между своей внешней и внутренней средой, в условиях которого невозможно жить и развиваться. Мировоззрение современной молодежи по большей части состоит из «осколков» разнородных этнокультурных элементов. Кризис такого сознания проявляется, как правило, в чувствах тревоги, неопределенности, страха перед будущим и других признаках психической дезадаптации человека к собственной внутренней и внешней среде. Последствием такого кризиса, считает А.В. Сухарев, является этно-функциональный дезонтогенез [Сухарев, 1998], который проявляется в психических расстройствах у взрослых и задержках психического развития у детей.

Человек всегда зависим от мира природы и культуры, в котором он живет. Среду его обитания характеризуют климатогеографические, антропобиологические и социокультурные факторы. Все, что человека интересует, что он ест или пьет, что делает и чем занимается, может либо стимулировать его активность, либо подавлять ее, т.е. иметь некоторый наркотический эффект. Более того, традиционные культуры, как правило, связаны с тем или иным психотропным веществом, выполняющим функцию положительного подкрепления или антистрессора. Так, вино во Франции,

Италии, Грузии или Греции считать наркотическим веществом никогда никому не приходило в голову. Определенная доза опиума для жителя северной части Индии является естественной и даже необходимой составляющей многих ритуальных мероприятий. Индейцы Америки веками употребляли кактусы (пейотль) или грибы (псилоцибес) и при этом сохраняли физическое здоровье и душевное равновесие. Жители Анд всегда использовали в пищу листья коки как источник силы и лекарство от многих болезней. Северные народы России употребляли определенный сорт грибов – мухоморов, однако, при этом нормально выживали в тяжелейших условиях Крайнего Севера. Когда же в прошлом веке туда были завезены алкогольные напитки (вино и водка), северные народы оказались на грани вырождения. Этот пример красноречиво показывает, что наркотическая зависимость возникает не от любых психоактивных веществ, а только от веществ так называемого «чуждого» происхождения.

По-видимому, «свои» психоактивные вещества в течение длительного времени обрастают «этно-культурной» защитой и поэтому оказываются не столь вредны и опасны. Зависимость, как болезненное пристрастие, возникает скорее всего потому, что «инородное» психоактивное вещество оказывается не компенсированным ни биологическими, ни этно-культурными факторами.

Таким образом, исследователи этно-культурного подхода подтвердили предположение о том, что «механическое» смешение культур и народов может иметь весьма вредные последствия для здорового человека.

Смешение взаимоисключающих устоев и даже мировых религий в голове незрелого человека способствует «размыванию» мировоззрения, мироощущения, мирочувствования – всего того, что объединяет отношение человека к природе, к себе, к другим, к высшим ценностям, воспроизводит внутриличностную рассу-

гласованность и нечувствительность к происходящему. В таких условиях формируется произвольность в понимании добра и зла, представление об их относительности и мнимости. Нарушается способность правильно понимать смысл событий и взаимоотношений.

В период взросления множественность установок, побуждений, противоположных мнений, недостаточность в понимании себя и мира переживается особенно остро. На такой почве легко возникают психические расстройства, «психический инфантилизм», депрессивная симптоматика. Депрессивные переживания усиливают чувства безнадежности, одиночества, неопределенности желаний и побуждений, физические недомогания. Наркотики выступают лекарством от депрессии, средством «лечения» психической дезадаптированности, растерянности в «осколочных» мирах разнородных культурных оснований.

Сторонники этно-функционального подхода считают в качестве главной причины бессилия властей в борьбе со злоупотреблением наркотическими веществами в среде молодежи – обезличивание общественной жизни. Как уже отмечалось, личность современного молодого человека формируется из «осколков» различных культур, а поэтому лишена целостности и самоопределенности. В качестве выхода из сложившихся условий, в том числе в качестве профилактики возникновения наркотических зависимостей, авторы предлагают этнокультурное согласование внешней и внутренней среды человека, живущего в условиях кризиса [Сухарев, 1996; 1998]. По нашему мнению, такой подход следует рассматривать в качестве серьезного методологического основания всей профилактической деятельности.

С методической точки зрения разработчики этно-функционального подхода считают, что этническая функция материала, на котором проводится учебная, воспитательная и психотера-

певтическая работа, может играть как положительную, так и отрицательную роль в психической адаптации *детей младшего школьного возраста*.

Наши взгляды по поводу профилактики возникновения у подростков различного рода негативных зависимостей близки многим положениям этно-функционального подхода. То, что А.В. Сухарев называет этно-функциональной адаптацией ребенка, мы называем решением одной из онтологически значимых задач взросления.

Решение онтологически значимых задач взросления, по нашему мнению, способствует осознанию подростком своих связей и отношений с собственным именем, телом, родителями, жизнью и смертью, временем и вечностью, с Богом (абсолютом) и др., формированию внутриличностной системы самоподдержки.

Отличительная особенность нашей точки зрения от точки зрения разработчиков этно-функционального подхода заключается в объяснении причин наркотизации, о чем будет подробно рассказано в дальнейшем.

Значительное разнообразие в подходах говорит о сложности и многофункциональности профилактической работы. Мыслимо ли – профилактическая деятельность воспитывающих взрослых должна обеспечивать снижение спроса на наркотические вещества, предупреждать возможные расстройства психологического характера у подростков, компенсировать уже имеющиеся личностные дефекты своих воспитанников, повышать устойчивость к деструктивным социальным воздействиям, предохранять от экспериментального поведения в отношении наркотических веществ и противостоять огромному перечню «факторов наркориска» в условиях постоянного повышения угрозы наркотической контаминации.

Наибольшие трудности в практической деятельности педагогов и психологов, занимающихся профилактикой, вызывают две взаи-

мосвязанные проблемы: проблема мотивации и проблема базовых ценностей.

Если помнить, что просветители, как правило, не являются для подростков ни носителями ценностей, ни носителями соответствующего опыта, ни источниками полной и достоверной информации, то становится очевидна нерезультативность всей дорогостоящей и трудноконтролируемой системы профилактики.

Полагая наркоманию «лекарством от страданий», воспитатели невольно провозглашают лозунг о том, что жизнь – это страдание, дорога, состоящая из сплошных трудностей. Подросток воспринимает все это иначе, поскольку живет своей перспективой и поиском собственного смысла.

Изучая методики и программы профилактики наркотизма, статьи и монографии различных авторов и их последователей [Сирота и др., 2001, 2003; Макеева, 1999; Шабалина, 2001 и др.], исследуя особенности восприятия тех, на кого направлены профилактические воздействия, мы обнаружили огромное количество противоречий, скрытых посланий, парадоксов и ошибочных мнений, на некоторые из которых мы хотим обратить внимание читателей. Поразмышляйте над приведенными суждениями, прежде чем заниматься профилактической работой с подростками.

1. Предупреждать зависимость от наркотических веществ – это предостерегать детей от приятных ощущений и простых способов улучшения самочувствия.

2. Взрослые воспитатели, защищая своих воспитанников от давления наркоманской субкультуры, часто оказывают при этом значительно большее давление и тем самым повышают притягательность наркокультуры. Так кто же кого отталкивает?

3. Выбор в форме «запрета», навязанный «невзрослой» личности в условиях контроля со стороны взрослых не позволяет взрости. Навязанный выбор ведет к обратному эффекту.

4. Профилактика – терапия опережающего отвращения к искушению новыми возможностями, лишение возможности выхода личности за границу предрешенного.

5. Некомпетентная профилактика – опережающий запрет, фрустрирующий право личности на риск.

6. Профилактика наркотизма – формирование зависимости от чувства вины и стыда, задолго до преодоления запрета.

7. Профилактика – запрет на телесные «приключения».

8. Профилактика – невольно ориентирует на формирование недоверия к себе, и безусловного доверия к теряющему авторитет взрослому.

9. Профилактика – обещание удовлетворить потребность за счет отказа от ее удовлетворения.

10. Профилактика – запрет на выход за границу «рутинной стабильности», ожидаемого от самого себя поведения.

11. Профилактика – ограничение потребностей, «не ведающих» своих мотивов.

12. Психоанализ о профилактике: «Супер-Эго», вооруженное правом защищать организм за счет «пленения» тела, лишает его чувственно-телесной спонтанности.

Все гораздо серьезнее, чем кажется на первый взгляд...

§ 1.2. Психологические теории возникновения наркотической зависимости личности

Актуальность проблемы аддиктивного поведения личности подтверждается тем, что практически во всех психологических теориях (как классических, так и развивающихся в последнее время) делаются попытки объяснения причин формирования аддиктивного поведения. Однако, теоретическое объяснение процесса формирования аддиктивного поведения, предложение способов избавления от зависимости на практике часто оказывалось

менее эффективным, чем ожидалось в теории [Лисецкий, Литягина, 2004, 2006].

Представители **психоаналитических концепций** считают, что в основе возникновения зависимости лежат неразрешенные конфликты детства и эмоциональная зависимость от взрослых, прежде всего, матери (З. Фрейд, А. Фрейд, Г. Гартман, П. Блос, А. Адлер, Э. Берн, Э. Эриксон, Э. Фромм).

Таблица 1

**Взгляды представителей различных направлений психологии
на возникновение аддиктивного поведения
(в частности, наркомании)**

Источник, причина		Сущность зависимости	Направление
Конфликты детства, эмоциональная зависимость (от матери, взрослых)	Внутрипсихические конфликты детства, дефекты в психосексуальном развитии (анальная, оральная стадии)	Инфантилизм, избегание решать конфликты, удовлетворение потребности в эмоциональном растворении	Психоанализ (З.Фрейд, А.Фрейд, Г.Гартман, П.Блос)
	Эмоциональная зависимость от матери	Игра (формирование жизненного сценария)	Транзактный анализ (Э.Берн)
	Неполноценность, недостаток развития чувства общности, особенности стиля жизни	Компенсационная система адаптации к обществу	Индивидуальная психология (А.Адлер)
	Кризис идентификации, нерешенные конфликты детства	Компенсация спутанной идентичности (ролевой, этнической, сексуальной)	Теория идентичности (Э.Эриксон)
	Потребность в преодолении отчуждения и одиночества	Формирование пассивной симбиотической связи	Гуманистический психоанализ (Э.Фромм)

Источник, причина		Сущность зависимости	Направление
Внешние стимулы	Конфликт зависимости – независимости, трудности в установлении эмоциональных связей со сверстниками	Снятие внутренней тревоги	Бихевиоризм. Теория зависимости (К.Бандура, Р.Уотсон)
Стресс, фрустрация	Стресс	«Совладание» со стрессом	Теория стресса и копинга (Р.Лазарус)
	Фрустрация	Избавление от фрустрации, адаптационная система	Интеракционистический подход (Т.Шибутани, Л.Филлипс)
Противоречивость «Я», фрустрация значимых потребностей, проблема смысла жизни	Фрустрация значимых потребностей, сниженный «локус контроля», утрата или отсутствие смысла жизни	Избавление от фрустрации, способ «решения» проблем	Гуманистические концепции (А.Маслоу, К.Роджерс, В.Франкл, Г.Олпорт)
	Конфликт смысла жизни, своего существования	Избавление от беспоконья, неудовлетворенности, пустоты и изоляции от общества, где личность не признана	Психосинтез (Р.Ассоджиоли)
	Противоречивая и внутренне конфликтная жизненная концепция	Компенсация сниженных адаптационных возможностей	Теория личностных конструкторов (Дж.Келли)
	Расстройства «Я», личностные нарушения	Компенсация личностной незрелости и инфантилизма	Онтопсихология (А.Менегетти)
	Употребление не специфичных для культуры ПАВ	Избавление от стрессов и депрессий	Этно-культурный подход (А.В.Сухарев)

Источник, причина		Сущность зависимости	Направление
Нарушения в перинатальном периоде (III матрица), использование анестезии при родах		Способ ненасильственного самоубийства, избавление от тяжелых стрессов	Трансперсональная психология (С.Гроф)
Мозговые структуры «центр удовольствия»		Выработка дофамина	Теория процесса противодействия в мотивации
Доминирование одной потребно-	Нарушение процесса «контакт-уход», доминирование одной потребности, выступающей как фигура		Гештальттерапия (Ф.Перлз)
	Сдвиг мотива на цель, доминирование одной потребности	Компенсация неразвитости социальной компетентности, ослабление внутреннего напряжения	Деятельностный подход
Утрата субъектности		Переживание избыточных возможностей как самоценной формы активности	Теория персонализации (В.А. Петровский)
Онтологическая энтропия, генерализованная неудовлетворенность, нерешенные задачи взросления		«Жажда целостности». Заимствованная или собственная целостность личности. Формирование внутриличностной системы самоподдержки	Онтосубъектный подход (С.В.Березин, К.С.Лисецкий)

Классические психоаналитические концепции личности (З. Фрейд, А. Фрейд, Г. Гартманн, П. Блос) в качестве причин возникновения аддиктивного поведения рассматривают дефекты в психосексуальном развитии [Гартман, 1958; Фрейд, 1989; Блум, 1996; Реан, 2000]. Согласно психоаналитикам, личность, развиваясь, закономерно проходит оральную, анальную, фаллическую, латентную, генитальную стадии. В основе формирования зависимости лежат дефекты (внутриличностные конфликты) в психосексуальном созревании, приобретенные в частности на оральной и/или

анальной стадии развития. Человек под действием наркотического вещества регрессирует на более ранние стадии развития, избегая, таким образом, решения существующих конфликтов.

Г. Гартман в своей концепции адаптации личности [Гартман, 1958], признавая в целом значение конфликтов в развитии личности, считал, что процессы восприятия, мышления, речи, памяти, творчества, моторное развитие ребенка и многое другое может быть свободно от конфликтов. Г. Гартман вводит термин «свободная от конфликтов сфера Я» (conflict-free ego sphere) и включает сюда такие явления, как страх перед реальностью, защитные процессы в той мере, в которой они приводят к «нормальному» развитию, и сопротивление. Адаптация, согласно Г. Гартману, включает как процессы, связанные с конфликтными ситуациями, так и те процессы, которые входят в свободную от конфликтов сферу Я. В основе концепции здоровья человека лежит представление об уровне адаптации. Хорошо адаптированный человек способен наслаждаться жизнью, у него не нарушены продуктивность и психическое равновесие. Адаптивный процесс регулируется со стороны Я. В этой связи наркотик может рассматриваться как средство, повышающее уровень адаптированности.

Следуя психоаналитической традиции, П. Блос (1962) предложил теорию индивидуализации. П. Блос различает две фазы индивидуализации: в три года и в периоде взросления [Ремшмидт, 1994]. В период взросления важными частями индивидуализации являются:

– склонность к *регрессии* на более ранние этапы развития, выражающаяся в сотворении кумиров (как идеализация детьми родителей), «эмоциональном растворении» (абсолютное подчинение религиозным и политическим идеям, уходу в свои переживания, что может сопровождаться приемом наркотических веществ), «жажда аффектов и объектов», которая проявляется в стремлении к идентификации группе как замене семьи, и амбивалентность;

– *нонконформизм* как механизм защиты против выраженной склонности к регрессии, обеспечивающий подростку переживание уникальности своего Я, отделения себя от других.

Согласно психоаналитическим представлениям, в том числе и теории П. Блоса, человек должен освободиться от привязанностей раннего детства, чтобы обрести индивидуальность. Этот шанс дается человеку в периоде взросления.

В *индивидуальной психологии* (А. Адлер) основное внимание уделяется рассмотрению врожденного комплекса неполноценности и его компенсации [Адлер, 1995; Реан, 2000]. В качестве основной цели для всех людей, которая выстраивает жизненный план, А. Адлер понимал достижение превосходства. Все манеры поведения формируются в детстве и несут на себе печать окружения. Изменить их можно лишь вследствие высокой степени самосознания или на стадии невроза благодаря индивидуально-психологическому подходу врача.

Человек воспринимает ситуации не такими, какие они есть в действительности, а через призму своих предубеждений, личных интересов, т.е. через схему апперцепции, которая появляется в детстве и обслуживает достижение основной цели жизни, выбранной индивидом. Прототип личности формируется в возрасте 4-5 лет.

Успешно преодолеть чувство неполноценности возможно при развитии чувства общности. Индивиды с недостаточно развитым чувством общности составляют группу проблемных детей, преступников, душевнобольных, алкоголиков, наркоманов. Эта группа рассматривается, как обладающая «частной логикой», люди не могут справиться со своими проблемами и получать удовольствие от социального общения, потому что в детстве у них сформировался план, в основе которого лежит защитная функция. Этот план согласован и препятствует личностным изменениям, т.к. представляет единую форму адаптации, которую человек сумел для себя создать.

В *транзактном анализе* (Э. Берн) зависимость от алкоголя и наркотиков рассматривается как вариант Игры (Алкоголик), в которую человек может играть всю жизнь. Он не боится потерять здоровье, т.к. это как раз то, чего он нередко и добивается, следуя своему сценарному предписанию: «Убей себя». У наркоманов и алкоголиков, по мнению Э. Берна, отчетливо проявляется материнское влияние. Таким людям необходимо приказание прекратить прием наркотиков, что равносильно распоряжению покинуть мать и жить по-своему, т.е. зависимость от наркотических веществ, по сути, является другой стороной зависимости от матери. Усвоенный зависимый способ поведения (семейный сценарий), скорее всего, будет проявляться и в дальнейшей семейной жизни этого человека [Берн, 1988; 1992].

Согласно *гуманистическому психоанализу* (Э. Фромм), в современной жизни существует базовое противоречие, которое зажимает личность с двух сторон: с одной стороны – почетно любить других, приветствуется альтруизм; с другой стороны, любить себя – это грех, хотя является самым сильным и законным стремлением человека. Если человек способен на продуктивную любовь к себе и другим, то он способен утвердить собственную жизнь, счастье, развиваться и достичь свободы [Фромм, 1994, 1998; Реан, 2000].

Центральное понятие в теории Э. Фромма – «отчужденность», она порождает тревогу, стыд и чувство вины. Быть отчужденным значит быть беспомощным, не владеть собственной жизнью и не влиять на ход событий. Самая глубинная человеческая потребность, по мнению Э. Фромма, – это потребность преодолеть свою отчужденность, освободиться из плена одиночества. Один из путей достижения этой цели – всевозможные оргастические состояния, которые могут принимать форму аутогенного экстаза, иногда с помощью наркотических средств. В современных культурах, которым не свойственны оргии, это приобретает форму алкоголизации и наркотизации. Внешний мир исчезает, а вместе с ним исчезает состояние

отчужденности. Однако, если в первом случае решение социально запрограммировано, современные индивиды страдают от чувства вины и угрызений совести. Стараясь избежать отчуждения в забытии опьянения, индивид ощущает одиночество еще сильнее, когда оргастическое переживание проходит, и он вынужден вновь прибегать к этим средствам – все чаще и интенсивнее. Есть три характерные черты, общие для всех форм оргастического соединения: оно отличается силой и даже страстностью; оно охватывает всего человека – его душу и тело; оно преходящее и периодически повторяется. Выход из этой ситуации Э. Фромм видит в развитии творческой деятельности и истинной любви. Наркомана (зависимого человека вообще) он относит к мазохистскому типу личности, которая является пассивной формой симбиотической связи. Такой человек не принимает решений, покоряется судьбе, болезни, оргастическим состояниям, вызванным наркотиками.

Согласно Э. Эриксону (*теория психосоциального развития*), личность в своем развитии проходит восемь основных стадий, в ходе которых индивид устанавливает основные ориентиры по отношению к себе и своей социальной среде [Элкинд, 1996; Эриксон, 1963, 1996]. На каждой стадии человек переживает соответствующий кризис. Личностное развитие протекает всю жизнь.

Недостатки всех предшествующих стадий развития манифестируются в подростковом возрасте во время кризиса идентификации личности или путаницы ролей (12-18 лет). Развивается новый подход к жизни, подросток может создавать себе мыслительные идеалы: идеальные образы семьи, общества, религий и др. Основная задача – это интегрировать все то, что знает о себе подросток (свои роли) и спроецировать получившийся образ в будущее. Подростки пытаются создавать свою субкультуру, они озабочены тем, что их мнение не совпадает с мнением других людей, в поисках нового чувства преемственности и самотождественности, которое должно теперь включать половую зрелость, некоторые подростки

вновь пытаются решить конфликты прошлых лет, прежде чем создать для себя окончательные идеалы.

От самой первой стадии (потребность в доверии себе и другим) подросток ищет людей, которым можно было бы верить, и люди должны доказать, что им можно верить. С другой стороны, он боится быть обманутым и может выражать эту потребность в циничном недоверии. От второй стадии (самостоятельность – нерешительность (2-3 года)) подросток получает чувство «свободно желать». В ситуации выбора подросток будет вести себя вызывающе по отношению к взрослому, чтобы не быть «опозоренным» принуждением в собственных глазах и глазах сверстников. В «наследство» эта стадия может дать чувство отчуждения от своего тела и неуверенность. Возраст игры (третья стадия: конфликт предприимчивости – чувство вины (4-5 лет)) дает в наследие безграничное воображение того, кем некто мог бы стать. Подросток готов доверять тем сверстникам, или тем направляющим (или же вводящим в заблуждение) старшим, которые зададут образцы, иллюзорные границы его устремлений. Отчуждением третьей стадии может быть негативный половой образ себя, что развивает спутанную полоролевою идентичность. Также из третьей стадии ребенок может вынести чувство ненависти к своим родителям. Если молодой человек может идентифицировать себя с новыми ролями, предполагающими компетентность и творчество, если были положительно разрешены кризисы предшествующей идентичности, то подростковый период проходит более спокойно, чем у тех, кто не способен найти свое место в жизни, в основе чего лежат предшествующие сильные сомнения в своей этнической, сексуальной или ролевой идентичности, которые соединяются с застарелым чувством безнадежности. Отчуждением этой стадии является спутанность идентичности. Подростки последней группы часто пополняют группу деликвентных подростков.

Результаты преодоления кризиса подросткового возраста оказывают влияние на следующие стадии развития личности: конфликт среднего возраста: близость и одиночество (кризис интимности) (6 стадия); зрелый возраст: общечеловечность и самопоглощенность (7 стадия); цельность и безнадежность (8 стадия).

Большой вклад в понимание природы возникновения и развития зависимости внесли *бихевиористы* (Дж. Уотсон, Р. Уолтер, А. Бандура, Э. Торндайк). Они высказывают идею, что в основе возникновения зависимости лежит переживание конфликта зависимости-независимости от взрослых и трудности в установлении эмоциональных связей со сверстниками. Они исходят из положения, что поведение человека организуется по принципу «стимул – реакция». Процесс социализации рассматривается бихевиористами как развитие привычных ответных реакций, принятых в обществе, в котором индивид живет. Дж. Уотсон считал, что можно прогнозировать поведение человека, если знать, как он примерно реагирует на ситуации. При рождении ребенок побуждается к действию относительно узким кругом возбудителей – первичных врожденных драйвов, или сильных стимулов (А. Бандура, Р. Уолтерс). Освобождение от дистресса на ранних этапах жизни ребенка зависит от действий окружающих его взрослых, особенно матери. Реальное направление, которое принимает поведение человека, зависит от приобретенных привычек. Полезные инстинкты нужно упражнять, чтобы они стали привычками, вредные необходимо сдерживать, не создавая стимулов, которые их вызывают. Э. Торндайк отмечает, что если «человек делает то, что полезно и правильно, он скоро приобретает правильное понятие о социальном благе и о морали» [Торндайк, 1998; Уотсон, 1998].

Теория зависимости (А. Бандура, Р. Уолтерс) рассматривает ребенка как существо зависимое. С возрастом объект зависимости изменяется – от физической зависимости ребенок переходит к более «взрослым» ее формам, проявляя интерес к себе и требуя при-

знания, в том числе от сверстников. Так начинает развиваться независимость. В раннем детстве поощряют зависимость, а затем от ребенка ожидают независимости и самостоятельности. Это может вызвать конфликт, который ярче всего проявляется в подростковом возрасте, когда происходит сравнительно резкий переход от зависимости по отношению к взрослым к зависимости по отношению к сверстникам. Авторы теории развития зависимости отмечают, что подростки с асоциальной агрессивностью неспособны к формированию и поддержанию устойчивых эмоциональных отношений со сверстниками. Они замкнуты и необщительны. Отсутствие сопряженных с поведением эмоций и зависимости может корениться в неудачной попытке установить с окружающими эмоциональные отношения и привести к затормаживанию в формировании зависимого поведения вследствие возникновения чувства тревоги, которое появляется в схожей ситуации. Бихевиористы считают, что как отсутствие эмоций, так и наказание и фрустрация могут развить в ребенке независимость. Отсутствие зависимых отношений у многих подростков объясняется скорее конфликтом, чем неудачей в развитии потребности в зависимости [Бандура, Уолтерс, 1998].

Ряд теорий в качестве основной причины возникновения аддикции рассматривают переживание стресса и фрустрации, а в качестве основного выигрыша от употребления ПАВ – «совладание» со стрессом и избавление от фрустрации. Таким образом, формируется своеобразная адаптационная система организма.

Теория процесса противодействия в мотивации объясняет наркотическую толерантность, абстинентный синдром и множество других явлений тем, что любое смещение оптимального уровня возбуждения приводит к началу процесса, который возвращает этот уровень в исходное положение. Исследования воздействия награды на определенные зоны головного мозга привели к гипотезе о существовании в нем центров удовольствия. Существуют доказательства того, что стимуляция некоторых зон мозга дает эффект получения

специфических видов награды. Согласно дофаминовой теории удовольствия, неврологические механизмы такого эффекта основаны на возбуждении нервных волокон, которые берут начало в одной из структур головного мозга – передней комиссуры – и которые передают нервные импульсы с помощью дофамина [Справочник по психологии..., 2000].

Согласно *теории стресса и копинга* (Р. Лазарус), в результате взаимодействия человека и окружающей среды у него формируются определенные стратегии поведения, основанные на личном опыте [Сирота, Ялтонский, 2000]. Р. Лазарус вводит понятие «копинг» – преодоление стресса, совладание с ним. Каждый человек находит собственные способы совладания со стрессом (копинг-стратегии) на основе имеющегося у него личного опыта (личностные ресурсы или копинг-ресурсы). В зависимости от используемых стратегий и ресурсов у него могут развиваться разные формы поведения, как адаптивные, так и дезадаптивные.

Все стратегии поведения человека, формирующиеся у него в процессе жизни, Р. Лазарус разделяет на три группы:

1) стратегия разрешения проблем (активная стратегия поведения, при которой человек старается использовать все имеющиеся у него личностные ресурсы для поиска возможных способов, эффективного разрешения проблем);

2) поиск социальной поддержки (активная стратегия поведения, при которой человек для эффективного разрешения проблем обращается за помощью и поддержкой к окружающей среде: семье, друзьям, значимым другим);

3) избегание (пассивная стратегия поведения, при которой человек старается избежать контакта с окружающей действительностью, уйти от решения проблем; она может носить адекватный и неадекватный характер). Выбор третьей стратегии часто приводит к развитию аддикции.

Согласно *интеракционистскому подходу* (Т. Шибутани), от того, как человек воспринимает свое окружение, зависит то, какое значение имеют для личности различные объекты, дающие человеку удовлетворение [Шибутани, 1998]. Процесс адаптации в интеракционистской концепции (Л. Филипс) обусловлен как внутрипсихическими, так и средовыми факторами [Филипс, 1968]. Под «эффективной адаптацией личности» понимается процесс, при котором личность удовлетворяет минимальным требованиям и ожиданиям общества.

Л. Филипс указывает, что адаптированность выражается двумя типами ответов на воздействие среды:

1) принятие и эффективный ответ на те социальные ожидания, с которыми каждый встречается в соответствии со своим возрастом и полом;

2) гибкость и эффективность при встрече с новыми и потенциально опасными условиями, а также способность придавать событиям желательное для себя направление.

При таком определении адаптации человек выступает как активный субъект, который успешно пользуется создавшимися условиями для осуществления своих целей, ценностей и стремлений. Адаптивное поведение интеракционисты характеризуют успешным принятием решений, проявлением инициативы и ясным определением собственного будущего. К признакам эффективной адаптированности интеракционисты относят:

а) адаптированность в сфере «внеличностной» социально-экономической активности, где индивид приобретает знания, умения и навыки, добивается компетентности и мастерства;

б) адаптированность в сфере личных отношений, где устанавливаются интимные, эмоционально насыщенные связи с другими людьми, а для успешной адаптации требуются чувствительность, знание мотивов человеческого поведения, способность тонкого и точного отражения изменений взаимоотношений [Реан, 2000].

Чтобы избежать фрустрации в ситуации «блокады» потребностей, мышление выбирает подходящий образ для завершения действия, и затем возникает вторичное приспособление. В этой потребностной цепочке объектом может выступить психоактивное вещество, что приводит к фиксации данной модели поведения [Шибутани, 1998].

Большая группа теорий и концепций рассматривает в качестве источника возникновения аддикции противоречия в Я-концепции, фрустрацию экзистенциально значимых потребностей, утрату или отсутствие смысла жизни (гуманистические концепции, психосинтез, теория личностных конструктов, онтопсихология).

В *теории личностных конструктов* (Дж. Келли) личность рассматривается как целостное образование, состоящее из системы конструктов, которые формируются на основе опыта и определяют поведение человека [Францелла, Баннистер, 1987]. Жизненная концепция может быть внутренне конфликтной и противоречивой, это указывает на сниженные адаптационные возможности, что является основной причиной неврозов, алкоголизма, наркомании и других личностных расстройств.

Причины возникновения аддикции согласно *гуманистическим концепциям* кроются в сниженном «локусе контроля», утрате или отсутствии смысла жизни и фрустрации значимых потребностей. Гуманисты характеризуют личность как человека-в-процессе, открытого новому опыту, в ситуации «здесь и сейчас», стремящегося к саморазвитию внутренних побуждений и способности принимать решения (К. Роджерс). Я-концепция (самость) задает направления поисковой активности. Также существует идеальная самость – представление о себе, каким бы индивид хотел бы себя видеть.

Личность сама создает иерархию потребностей и способна к усилению (таблица 2). Для иерархической системы потребностей существует такое правило: следующая ступень мотивационной структуры имеет смысл лишь тогда, когда удовлетворены предыдущие

[Маслоу, 1997, 1999]. Метамотивация касается поведения, вызванного потребностями и ценностями личностного роста. Неврозы и психологическая неприспособленность определяются как «болезни лишенности», т.е. основной механизм развития болезни – это неудовлетворение базовых потребностей, что приводит к фрустрации и препятствует самоактуализации.

Таблица 2

Иерархия потребностей (Маслоу, 1954)

Уровень	Виды потребностей
Физиологический (первичные потребности)	Дефицитарные потребности: голод, жажда, секс, избегание опасности. Потребности в принятии и любви: аффиляция, защищенность, отсутствие страха.
Психологический (вторичные потребности)	Потребность в уважении: компетентность, принятие, признание. Когнитивные потребности: знание, понимание, новизна. Эстетические потребности: симметрия, порядок, красота. Самоактуализация. Вершинные переживания.

Каждый опыт неконгруентности между самостью и реальностью ведет к возрастающей уязвимости личности, что приводит к усилению внутренних защит, отрицающих опыт и создающих новые поводы для неконгруентности [Роджерс, 1994, 1997; Реан, 2000]. Человек может познать свою самость только через других, а условие ценности создает разрыв между самостью и представлением о самости. Человек возвращается к здоровью, возвращая себе подавленные или отрицавшиеся части себя и открывая внутренний «локус контроля». То, что наркоманы, несмотря на свои страдания, все равно возвращаются к наркотикам, говорит о нерешенности их проблем (Г. Олпорт). Эти люди – жертвы установки «магического мышления»: с точки зрения человека субъективная реальность абсолютна и безусловна, она важнее, чем реальность внешняя. К наркотику приводит фрустрация, одиночество, отчуждение [Олпорт,

1998]. Наркоман нуждается в том, чтобы чувствовать себя всемогущим, его зависимость – это образ жизни. Только изменение мировоззрения способно избавить его от зависимости. Здоровый человек характеризуется спонтанностью, простотой и естественностью; служением в противоположность эгоцентрическим тенденциям; отстраненностью, потребностью в уединении; автономностью, независимостью от культуры и среды, волей и активностью; способностью радоваться жизни; целостной (интегрированной) системой ценностей. «Удовлетворение стремления к развитию делает человека здоровым», – пишет А. Маслоу [Маслоу, 1997; С. 57]. У самоактуализированной личности взаимоотношения с реальностью детерминируются изнутри.

Согласно *этно-культурному подходу* (А.В. Сухарев), личность современного человека формируется из «осколков» различных культур и поэтому лишена целостности и самоопределенности. В таких условиях человек, испытывая стрессы и депрессивные состояния, обращается к психотропным веществам как антистрессорам и антидепрессантам. Вероятность возникновения аддикции повышается, если употребляемые вещества не свойственны для культуры, к которой принадлежит человек [Сухарев, 1996; 1998].

С точки зрения *онтопсихологии* (А. Менегетти), которая является синтезом психоанализа З. Фрейда и А. Адлера, аналитической психологии К. Юнга и гуманистической психологии А. Маслоу, Р. Мэя и К. Роджерса, индивид обращается к наркотикам тогда, когда он психологически уже является наркоманом [Менегетти, 1996]. Наркотики являются следствием, не причиной. За любой болезнью, по мнению А. Менегетти, всегда стоят расстройства «Я». Личностную незрелость он рассматривает как «объективацию своей собственной ситуации», приписывание вины за свои неудачи случаю или другим людям. Человек только сам знает истину о себе, если он полностью доверяет другому решение своих проблем, то это проявление незрелости и инфантилизма. Молодой человек дол-

жен знать и чувствовать свою необходимость и полезность как личность. Взрослому же молодой человек нужен для укрепления общества, к которому взрослый уже принадлежит. По сути, молодой человек способен решать проблемы лишь в той мере, в какой его научили взрослые. А. Менегетти пишет, что наиболее эффективное и единственное решение, ведущее к победе, состоит в «притворном приспособлении к системе при одновременном и постоянном самосовершенствовании, непрерывном движении вперед» [Менегетти, 1996; С. 153], т.е. в принятии ценностей, норм и общественных правил. При этом имеется возможность реализации в рамках указанных социумом границ собственной внутренней сущности. Однако, большинство взрослых считает себя образцом для своих детей, и использует их для компенсации своей личной незавершенности, формируя зависимую форму отношений.

Основатель техники реконструкции личности, получившей название «Психосинтез», Р. Ассоджиоли описывает кризис, предшествующий духовному пробуждению, подобно описанию кризиса подросткового возраста [Ассоджиоли, 1997]. В подростковом возрасте человек впервые начинает задумываться о смысле жизни, о смысле своего существования, о справедливости и об истоках страданий, о цели существования человечества вообще. В период этого кризиса человек испытывает неопределенное беспокойство, чувство неудовлетворенности и внутренней пустоты, которая может быть вызвана разочарованиями от прежних представлений о будничной, реальной жизни. «В ходе этой борьбы, – пишет Р. Ассоджиоли, – некоторые с удвоенным рвением бросаются в водоворот жизни и жадно ищут новых занятий, возбуждений и ощущений. Иногда таким путем удастся приглушить свое беспокойство, но почти никогда не удастся избавиться от него совсем» [Ассоджиоли, 1997; С. 57]. С этим кризисом связано еще и пробуждение этического сознания, усложняются моральные категории сознания. Это может найти свое выражение в развитии чувства вины. В таком со-

стоянии человек очень легко может решить вопрос о прекращении своего физического существования, т.е. возрастает риск суицида. Само переживание этого начального духовного кризиса похоже на определенные симптомы психоастении и неврастении (утрата функционирования в реальности, истощение, нервное напряжение, бессонница, расстройства пищеварения и др.). Р. Ассоджиоли использует понятие жизненной ориентации как основного направления жизни человека. Человек делает свой выбор на основе того, что он уже осознает, и будет действовать в соответствии с тем, что отвечает желаниям его души. Злоупотребление наркотиками рассматривается как личностное поведение, направленное на изоляцию от общества, где личность не признана.

В *трансперсональной психологии* (Ст. Гроф) использование наркотических веществ связывается с патологией в III перинатальной матрице, а именно со стремлением индивида к ненасильственному самоубийству [Гроф, 2001]. Если во время родов использовалась анестезия, то индивид будет почти на клеточном уровне запрограммирован искать выход из тяжелых стрессов в наркотическом состоянии. В согласии с психоаналитической теорией, алкоголь и наркотики представляются связанными с депрессией и суицидом. Употребление подобных препаратов – это стремление пережить недифференцированное единство, отменить сам процесс рождения.

Гештальттерапия (Ф. Перлз) описывает невротические механизмы нарушения контактов. Всякое проявление целостного Я есть сообщение личности о себе. Первоначально среда формирует механизмы контакта, которые потом используются личностью при взаимодействии с окружением. Взаимодействуя со средой, организм образует «контактную границу», на которой происходит удовлетворение потребностей. Получив удовлетворение, потребность «уходит» в фон, уступая место другой потребности. У людей с зависимым поведением нарушается процесс «контакт – уход», одна доминирующая потребность выступает как фигура

[Гарбузов, 1994]. Образуется ригидный паттерн поведения, утрачивается контакт с реальностью. Гештальт остается незавершенным. Сознание удерживает в качестве фигуры лишь потребность, соответствующую принятому личностью представлению. Личность не развивается.

В *NLP* социально незрелый или больной человек для каждой ситуации обычно использует одну стратегию поведения, социально зрелый – две-три. Чем больше стратегий, тем больше выбор и тем лучше адаптация. С помощью алкоголя и наркотиков любой человек может на время «включить» нейросоматический контур человеческого мозга, который отвечает за сенсорно-соматическое блаженство [Реан, 2000].

В *деятельностном подходе* поведение понимается как особым образом организованная деятельность, которая осуществляет связь организма с внешней средой через реализацию мотивов (С.Л. Рубинштейн). Осуществляясь в действиях и поступках, мотивы закрепляются и переходят в характерологические черты, по мере того, как начинают определять образ действий [Петровский, 1995]. Зависимое поведение можно определить как ложно опредмеченную потребность, а основной механизм его развития – как «сдвиг мотива на цель». Доминирующим мотивом становится поиск объекта, который удовлетворяет потребность, замещающую истинную, обладание объектом дает временное ослабление внутреннего напряжения. Вся смысловая сфера личности перестраивается в соответствии с этим ведущим мотивом. Б.Г. Ананьев определяет поведение человека как сложный комплекс видов его социальной деятельности. В поведении существует взаимозависимость между: информацией о людях и межличностных отношениях; коммуникацией и саморегуляцией поступков человека в процессе общения; преобразованием внутреннего мира самой личности. В подростковом возрасте ведущим типом деятельности (Б.Г. Эльконин) снова становится общение. Недостаточное развитие социальной компетентности может

быть компенсировано психоактивными веществами, которые дают ощущение достижения «Я – социального, каким хочу, чтобы меня видели другие». Объект зависимости может быть включен в структуру Я-концепции как самостоятельный внутренний образ и затем влиять на поведение подростка.

Весьма перспективным представляется направление современных исследований проблемы зависимого поведения, в котором *психическая зависимость* рассматривается как *устремление*, т.е. самоценная форма активности, заключающая в себе возможности неограниченного самовоспроизводства (С.В. Березин, К.С. Лисецкий, Е.В. Литягина, Н.Ю. Самыкина, О.А. Ушмудина). Этот подход основан на теории персонализации А.В. Петровского и В.А. Петровского, концепции «неадаптивной активности» и идее «отраженной субъектности» В.А. Петровского.

В.А. Петровский определяет устремление личности как форму активности, где «хочу» (ценности) и «могу» (способности и возможности) выступают совместно, это направленность человека на продуцирование таких действий, процесс осуществления которых сам по себе переживается как наслаждение [Петровский, 1992; 1995; 1996а; 1996б; 1996в; Березин, Лисецкий, 2001б].

В.А. Петровский рассматривает развитие личности как чередование фаз, качественно отличающихся от предыдущей и последующей, которые включают: источник – цель – средство – результат (выступающий как источник развития для последующей фазы) (Рис. 1).

Развитие личности представляется как становление особой целостности, в процессе которого человек формирует и раскрывает свою сущность и познает мир окружающей его природы, присваивает и создает предметы культуры, обретает круг значимых других, проявляет себя перед самим собой.

Процесс развития личности (по В.А. Петровскому)

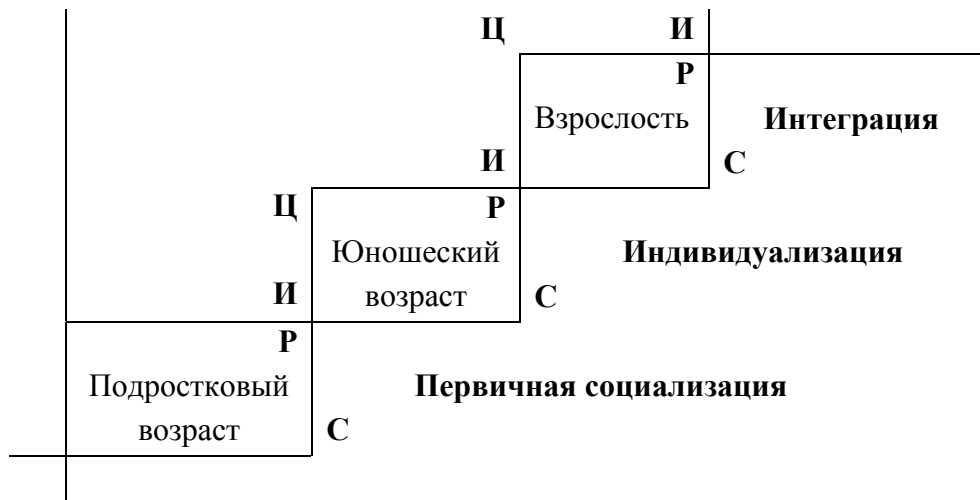

Рис. 1

В *познании* развитие устремлений выражается в построении категориального образа мира, проявлении творческого воображения, поиске неизвестного и парадоксального, децентрации и т.д. Развитие познавательных устремлений сопровождается яркими интеллектуальными эмоциями (удивление, сомнение и уверенность, эмоция догадки, радости открытия, успеха) и позволяет человеку выходить за пределы ограничивающей его данности окружающего мира, представляет выбор нескольких выходов из ситуации, способов достижения целей и задач.

При организации *произвольного* поведения (волевая сфера личности) устремления проявляются через целеполагание, поиск средств, контроль над исполнением, оценк результатов.

Особенностью волевого развития является становление способности и желания произвольно регламентировать свое поведение (саморегламентация как проявление свободной воли). Граница побудительна для субъекта, она влечет к себе его деятельность. Потребность в регламентации представляет собой мотивационный фактор активности и влияет на нее согласно закону Иеркса – Додсона: максимально усиливая активность при средней степени и ослабляя влияние при высоких и низких степенях (Рис. 2).

Зависимость уровня устремлений от регламентации

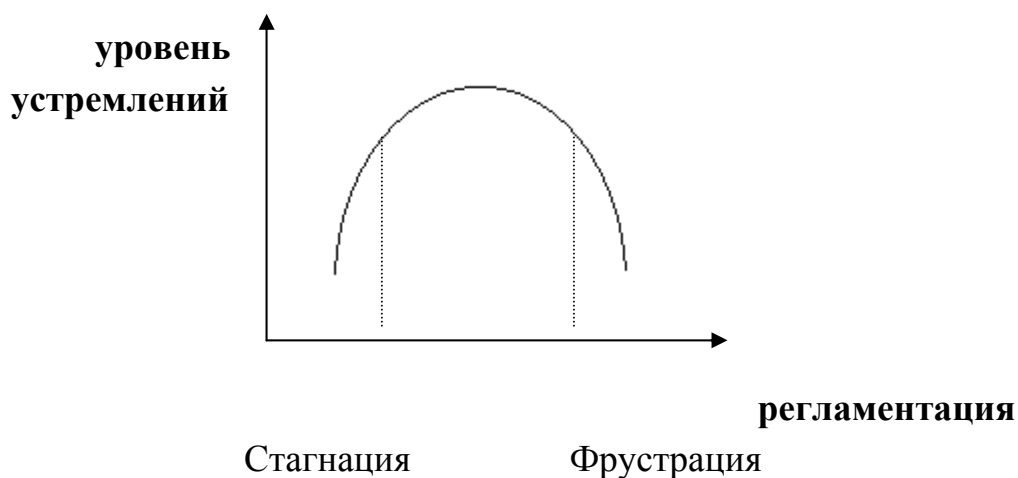

Рис. 2

Потребность в регламентации может иметь родительско – детскую природу (ранние родительские воздействия на ребенка, явление «родительского программирования») и взрослые основания, которые выражаются в способности видеть и устанавливать границы, осознавать их существование. В сфере познания – граница между известным и неизвестным; в творчестве – граница между тем, что человек может создать, и тем, что он не может; при риске – граница между благополучием и угрозой существованию; в общении – граница между открытостью другим и защищенностью от них; в игре – граница между воображаемым и реальным и пр.

В отношении становления личности можно говорить о нецелесообразности и даже опасности родительско-детской регламентации без возможности осознания и взрослой регламентации.

В *эмоциональной сфере* устремления проявляются при осуществлении эмоциональных контактов с миром – это вчувствование, выявление значимости событий, самовыражение и т.д. Развитие познавательного, собственно аффективного и произвольно-волевого направлений личности обеспечивает эмоциогенная среда: предметная, социальная, природная и среда собственного Я. Эмоциональному устремлению на уровне «хочу» в сфере «Я–другие» будет соответствовать *эмпатия*; в сфере «Я–Сам» – самопринятие, само-

чувствие; в сфере «Я–Природа» – вчувствование; в сфере «Я–рукотворный мир» – эстетические переживания. На уровне «могу» эмоциональные устремления проявляются во владении языком эмоций, его «алфавитом» и эмпатийным языком (как более высоким уровнем).

Развивающая эмоциогенная среда «Я–Другие» может быть условно разделена на несколько субсфер: «Я–мать», «Я–родители», «Я–отец», «Я–домашние близкие», «Я–брат/сестра», «Я–дети», «Я–воспитатель», «Я–друзья», «Я–взрослые», «Я–общественные явления».

В совместной деятельности взрослый инициирует у ребенка развитие его способности преобразовывать мир, ощущая радость (от сделанного своими руками и принятия подарков от других) и разделяя ее с другими. Развивающее эмоциогенное пространство «Я–Сам» включает «Я–телесное» и «Я–психическое/ духовное».

Основная цель развивающей среды – создать для ребенка такие условия, в которых воплощались бы его переживания «Я–могу!», в которых ребенок чувствовал бы избыточность своих возможностей и переживал удовлетворение от собственных свершений.

Если подросток не имел опыта переживания избыточности своих возможностей в преодолении внутренних и внешних факторов, препятствующих удовлетворению потребностей, а после употребления наркотика пережил это состояние, то возникает предрасположенность к наркомании. Переживание избыточности собственных возможностей за счет ПАВ формирует эмоциональное влечение к наркотику.

Подводя итог анализу литературных источников, можно так охарактеризовать зависимое поведение:

1) циклически повторяемый паттерн взаимодействия с миром и с самим собой, подкрепляемый переживанием удовлетворения потребностей;

2) временное ослабление внутреннего напряжения, возникающего при фрустрации значимых для личности потребностей (необходимое условие – внешний стимул к снятию внутреннего напряжения);

3) форма субъект-объектных отношений, в которых субъектом начинает выступать предмет зависимости;

4) поведение, определяемое одним доминирующим мотивом (мономотивация);

5) искаженная форма взаимодействия со средой, направляемая фиксированной потребностью, которая замещает истинную.

По нашему мнению, это направление современных исследований наиболее перспективно, так как не только открывает возможность понимания природы аддиктивного поведения, но и намечает направления профилактики и коррекции личностных нарушений старших подростков.

§ 1.3. Критика общепринятой концепции профилактики наркотизма

В связи с эпидемиологической ситуацией распространения наркомании и других форм негативных зависимостей в России интенсивно разрабатываются концепции и программы профилактики, определяющие цели и ориентиры профилактической работы. Публикуются авторские программы предупреждения наркотизма среди подростков и молодежи.

Стратегию в выборе превентивных мер определяют концепции Министерства образования, здравоохранения и молодежной политики. Проведенный нами анализ основных концепций (например, КАПР – Концепция активной профилактики и реабилитации) и профилактических программ (в частности разработанных по заказу Минобразования) показал, что в их основу положен принцип формирования навыков здорового образа жизни (ЗОЖ), а базовой ценностью принимается здоровье.

Не вызывает сомнений, что с точки зрения министерств и ведомств, здоровье нации – задача первостепенная; с точки зрения воспитывающего взрослого – очевидная. Возможно поэтому, выбранный подход никогда не вызывал вопросов. Вопрос, однако, напрашивается сам собой: «Почему то, что очевидно и всем понятно – нерезультативно?».

Изучение понятия «здоровье» как базовой ценности, определяющей ориентиры профилактической работы, показало сложность и противоречивость сложившегося представления.

Уже десять лет в Самарском государственном университете мы изучаем предпосылки и условия возникновения различного рода негативных зависимостей у подростков и молодежи. В проблемную область наших исследований были включены не только зависимости от психоактивных веществ (ПАВ), но и то, что называется игроманией (гемблинг), зависимость от деструктивных культов, виртуальных субкультур и др. В процессе исследований мы столкнулись с устойчивым противоречием между общепринятыми «взрослыми» представлениями о ценностях подросткового возраста и реальными ценностями периода взросления.

Одно из последних проведенных нами исследований ведущих ценностей подросткового возраста красноречиво показало, что наиболее значимыми ценностями для подростков являются: семья, родители; друзья; образование. Они занимают первые три позиции в рейтинге, даже у детей, проживающих в интернатах. Далее идут: любовь как отношение с противоположным полом; такие абстрактные ценности, как жизнь, свобода, независимость; материальное благополучие, карьера, работа. В рейтинге важных жизненных ценностей здоровье занимает 10 место, при чем здоровье близких (родителей, родственников) является более значимым, чем собственное здоровье.

Видимо, подросток не имеет достаточного знания о себе как здоровом или больном, но он знает, что такое здоровье и болезнь

близких. Так как сфера отношений с родителями и близкими людьми для подростка является значимой, то его желание, чтобы они были здоровы, естественно.

Нами, совместно с Е.В. Литягиной, было проведено исследование значения категорий «здоровье» и «здоровый образ жизни» для подростков и взрослых. Исследование проводилось с использованием психосемантических методов. В результате выяснилось, что в определении рассматриваемых категорий подростками и взрослыми имеются принципиальные отличия [Лисецкий, Литягина, 2003, 2004, 2006].

Для взрослых понятие «здоровье» и «здоровый образ жизни» являются семантически (по значению) близкими и насыщенными смыслом. Здоровый образ жизни рассматривается ими как условие сохранения здоровья. **Для подростка здоровье ценно, в том смысле, что дает возможность экспериментировать со своим телом, выявляя, таким образом, свои возможности и способности.** Переживая физический риск, подросток острее ощущает реальность собственного «Я», узнает границы своих возможностей, и только после этого усваивает категории «болезнь» и «здоровье». Взрослый, формируя навыки здорового образа жизни, основывается на понимании категории «болезнь – здоровье», принятой во взрослом мире, где границы уже известны. Подросток не может разделить эти ценности, т.к. они им не пережиты, отсутствуют в его опыте. Принять на веру чужой опыт телесных переживаний означает подчиниться, потерять свободу и попасть в зависимость от взрослого, снова оказаться в детской позиции. Здоровый образ жизни в том смысле, как его понимают взрослые (отсутствие наркотиков, ограничение потребления табака и алкоголя, здоровое питание, соблюдение режима дня и др.), жестко ограничивает самопознание подростка, который может формально согласиться с задачами, поставленными взрослыми, но реально поступает в соответствии с собственными задачами взросления. «Я знаю, что курить

плохо, но если это сейчас дает ощущение большей значимости (читай – психологического благополучия), я буду продолжать».

В журнале «Школа здоровья» мы встречаем статью И.А. Паршутина «Социальные и личностные особенности подростков, влияющие на формирование антинаркотических установок при проведении профилактического тренинга» [Паршутин, 2003]. Содержание статьи со столь многообещающим названием свелось к смешным рекомендациям типа: «... по мнению специалистов Йельского университета краткосрочные программы (не более 20 занятий) могут оказаться более эффективными, чем долгосрочные». Критерием неуспешности тренинга является сохранение низкого показателя установок, связанных с употреблением ПАВ. Характер школьной успеваемости является отличительным признаком участников, посещающих антинаркотические тренинги. Чем выше их успеваемость, тем чаще подростки посещают занятия. С курящими подростками проводить профилактические тренинги о вреде курения вообще нецелесообразно. Все свелось к тому, что антинаркотический эффект тренинга самый высокий у тех, с кем работать по этому поводу не нужно...

Физическое самочувствие зависит от психологического, особенно в подростковом возрасте. Если курение компенсирует неуверенность, невзрослость, то курить значительно важнее и предпочтительнее, чем доверять неубедительным предупреждениям воспитателей о недомоганиях, возможных в далеком будущем.

Результаты наших исследований, веком раньше, убедительно интерпретирует французский писатель В. Гюго. Он написал о том, как в первой половине жизни люди разрушают свое здоровье для достижения успеха и денег; для того, чтобы во второй половине использовать достигнутое положение и тратить свои деньги на восстановление здоровья.

Здоровье характеризуется отсутствием психических и физических дефектов, полным физическим, душевным и социальным бла-

гополучием. Такое здоровье, по определению, невозможно в период бурных физических и психических изменений, присущих подростковому и юношескому возрасту. **«Быть нормальным в период отрочества – само по себе ненормально»**, – считает Анна Фрейд [Фрейд, 1946].

Следовательно, профилактика наркотизма должна основываться на ценностях подросткового возраста, а не на декларациях взрослых, вести к эффективной социализации, содействовать решению онтологически значимых задач взросления, которые, как правило, противоположны педагогическим ожиданиям некомпетентных воспитателей. Подросток осваивает ценности взрослого мира, не теряясь в нем, а приобретая ощущение уникальности и неповторимости собственного «Я», которое переполнено желаниями и активностью в поисках проверки своих возможностей.

Развитие личности подростка происходит не там, где социализация и индивидуализация противопоставлены друг другу, и не там, где они идут параллельно, а там, где они диахронны в проявлениях. Диахронны – значит, взаимообусловлены несовпадением целей и результатов, разница между которыми может выступать в качестве материала для самопроектирования и самостроительства личности. Для повышения результативности профилактики наркотизма необходима коррекция концептуальных основ организации данного рода деятельности.

Заблуждения чаще всего возникают в связи с тем, что воспитательные системы, говоря о ребенке, ошибочно ориентируются на «ребенка во взрослом». Взрослый старается исправить в ребенке те ошибки, которые сам все еще совершает. Для взрослой личности характерными являются такие свойства, как определенность, целостность, зрелость, которых изначально не может быть у детей, иначе дети были бы лишены детства.

Мы убеждены в том, что программы профилактики не должны и не могут строиться ни на основе представления взрослых о цен-

ностях жизни, ни на их воспоминаниях о перипетиях их собственного детства. Профилактические программы должны быть обращены к периоду взросления как самоценному периоду в жизни человека с присущими только ему ценностями, конфликтами и проблемами. *Обучение детей стратегиям избегания личностно-психологических кризисов, сопровождающих их взросление, неэффективно настолько, насколько может быть неэффективным избегание того, к чему на самом деле стремится человек. Это все равно, что учить пчел избегать меда.*

Остаются мало изученными мотивы и специфика социального взаимодействия подростков, проявляющих девиантные формы поведения. Реальная картина в отношении подростковой девиации сложна и противоречива. В переходный период подросток «перемеривает» на себя взрослые формы поведения, выбирая в качестве «идеальных форм» взрослости именно девиации, фиксирующие в культуре границу между взрослым и незрелым. Необходимо прекратить рассматривать их только как форму извращенного развития ребенка. Девиация в подростковом возрасте должна изучаться, как форма извращенного проявления подростком избыточного желания быть взрослым. Если девиация приобрела статус «идеальной формы», то разного рода запретительные методы в отношении ее всегда будут затратны и бесполезны. Это относится и к моделям профилактики, ориентированным на формирование здорового образа жизни как ценности. Здоровый образ жизни не относится к признакам взрослости, а поэтому и не может быть ценностью для подростков [Лисецкий, Литягина, 2006].

Многообразие и противоречивость причин, способствующих употреблению никотина, алкоголя, наркотиков в среде подростков, «выявляемых» различными авторами, продолжает увеличиваться. Анализ литературных источников, научные исследования и практический опыт позволяют нам обозначить главный мотив (смысл) предпочтения подростками девиантного поведения. Это мотив

взросления, говоря словами К. Грофа, «жажда целостности», желание быть причиной себя и происходящего [Гроф, 2003].

Взрослость как личностная автономия, суверенность, самопричинная активность невозможна без самостоятельности и психологической целостности человека. Однако когнитивная, эмоциональная и телесная сферы личности не могут быть согласованы в период взросления. Противоборство мотивов и взаимоисключающих ценностей, «расколотость», «недостроенность» образа «Я», взаимосвязанные с чувственно-телесной динамикой растущего организма, характерны для этого взрослого периода. Взросление – это сверхзадача и одновременно интегральная линия онтогенеза. Но тогда подростковая девиация – это, в некотором смысле, неизбежное стремление подростка решить свои онтологически значимые задачи взросления любым способом.

Привлекательными для подростка являются не ПАВ сами по себе, а те эффекты восстановления заимствованной извне личностной целостности, фиксации и «Превосходящего Я», которые сопровождают их употребление.

В процессе исследований мы выявили наиболее важные эффекты такого рода:

- эффект диффузии («взаимопроникновения») внешнего и внутреннего миров человека;
- эффект локализации генерализованной неудовлетворенности;
- эффект переживания избыточных возможностей, неадаптивной активности, спонтанности, незавершающейся субъектности, преодоление «выученной беспомощности»;
- эффект определенности в условиях неопределенности;
- эффект слияния «хочу» и «могу»;
- эффект законченности «неоконченных действий»;
- эффекты формирования в «образе Я» основы «Превосходящего Я».

Эти эффекты, не более чем «психологические подделки» состояния целостности, могут действовать как личностно-психологические механизмы преобразования поведения подростка, экспериментально употребляющего наркотические вещества, в устойчивую форму ненасыщаемой самоценной активности.

§ 1.4. Возможности концепции снижения вреда с точки зрения профилактики наркотизма

Широкое распространение немедицинского употребления наркотиков и, главное, осознание низкой эффективности различных программ профилактики наркотизма побудили исследователей к поиску новых идей, которые могли бы стать основой разработки более эффективных стратегий предупреждения наркомании.

Подводя итог анализу эффективности программ профилактики употребления наркотиков, которые реализовывались в США за последнее столетие, М. Розенбаум в своей книге «Безопасность – прежде всего. Подростки, наркотики и образовательные программы: реалистичный подход» пишет: «В течение этого времени использовались различные методики – от запугивания до сопротивления, задачей которых было настроить молодежь на полный отказ от употребления наркотиков. Несмотря на широкую распространенность этих программ, ориентированных только на воздержание от наркотиков, сложно выяснить, какие из них, если они существуют, действительно успешны» [Розенбаум, 2002]. Оставим в стороне сомнение автора в существовании самих профилактических программ, которое наталкивает на мысль о том, что нередко такие программы существуют только на бумаге в текстах заявок на получение грантов, либо в отчетах об использовании предоставленных средств. Интересно другое. Как показывает М. Розенбаум, несмотря на то, что в американских школах систематически проводятся занятия по профилактике употребления наркотиков, 53,9% учащихся хотя бы раз пробовали наркотики, 41,4% употребляли те или иные

наркотики в течение прошедшего года и 25,7% употребляли наркотики в течение прошлого месяца. «Самым шокирующим, – пишет М. Розенбаум, – оказался неизменный негативный результат оценки программы D.A.R.E. (Drug Abuse Resistance Education, послужившая основой для разработки применявшихся в других странах программ «Скажите наркотикам «Нет», «Спасибо, нет» и т.п. – примеч. редактора), наиболее популярной программы в Америке. Ежегодно эта программа охватывала 36 миллионов учащихся в 80% школ в США. Каждое очередное исследование доказывало, что D.A.R.E. неспособна предотвратить употребление наркотиков среди своих выпускников или снизить уровень употребления» [там же].

Пытаясь ответить на вопрос о низкой эффективности программ профилактики, М. Розенбаум, одна из идеологов и активных проводников в жизнь концепции «снижения вреда», указывает несколько причин. По ее мнению, все существующие программы, акцентирующие внимание слушателей на негативных последствиях употребления наркотиков или ориентированные на формирование специальных навыков защиты от них не эффективны, так как базируются на противоречивых идеях и односторонне подаваемой информации. Отметим, кстати, что в России активно разрабатываются и внедряются в практику программы профилактики, эффективность которых может быть поставлена под сомнение, учитывая опыт США. Речь идет о программах типа «Спасибо, нет» (Школа без..., 1999) и программах, направленных на формирование различных защитных стратегий – «Коппинг-профилактика употребления наркотиков и других психоактивных веществ», «Формирование здорового образа жизни» [Сирота, Ялтонский и др., 2001, 2003]. Сверхзадачей бихевиорально-когнитивно ориентированных программ профилактики является полное воздержание от наркотиков, «жизнь без наркотиков», что, по мнению сторонников идеи снижения вреда, утопично.

Развивая критику профилактических программ, сторонники снижения вреда утверждают, что нереалистичность этих программ связана с игнорированием противоречий между их содержанием и реальной жизнью: «Вопреки провозглашаемой ценности здорового образа жизни без наркотиков, американцев и их детей постоянно засыпают лозунгами, призывающими их принимать различные вещества и лечиться ими; среди них – алкоголь, табак, кофеин, лекарства, продаваемые по рецепту и без него...»

Дети смотрят рекламу препаратов для лечения генерализованных тревожных расстройств. Они понимают, что их родители обращаются к антидепрессантам, чтобы справиться со своими проблемами» [Розенбаум, 2002].

Сторонники идеи снижения вреда вполне аргументировано указывают, что критикуемые ими программы профилактики наркомании не учитывают возрастные и индивидуально-психологические особенности подростков, что авторитет этих программ оказался подорван тактикой запугивания и дезинформации, внутренне присущих этим программам.

Критикуя современные программы профилактики наркомании, реализующие идею «жизни без наркотиков», сторонники идеи снижения вреда утверждают, что их низкая эффективность связана с рядом фундаментальных ошибочных положений, лежащих в их основе:

1. Экспериментирование с наркотиками не является неотъемлемой частью подростковой субкультуры.
2. Употребление наркотиков и злоупотребление ими – это одно и то же.
3. Марихуана – «трамплин» к более тяжелым наркотикам (героин, кокаин).
4. Преувеличение риска, связанного с приемом наркотических средств, играет профилактическую роль.

Если, следуя логике сторонников идеи снижения вреда считать эти положения ошибочными и иррациональными, то в качестве истинных нужно будет принять, что:

1. Экспериментирование с наркотическими веществами является неотъемлемой частью подростковой субкультуры.

2. Экспериментирование с наркотиками, употребление и злоупотребление ими – принципиально различны.

3. Марихуана не является «втягивающим» наркотиком.

4. Осознание риска, связанного с употреблением, не играет никакой профилактической роли.

Но так ли это на самом деле? Подростки действительно экспериментируют с психоактивными веществами (ПАВ). Однако в подавляющем большинстве случаев это табак и алкоголь. Будучи легальными наркотиками, табак и алкоголь ассоциируются в сознании подростков с взрослостью и взрослым образом жизни. Конечно, нередко эксперименты с ПАВ связаны с интересом подростка к измененным, необычным состояниям сознания. Употребление ПАВ может быть также вызвано поиском средств разрешения какой-либо сложной жизненной ситуации, в которой оказался подросток. Однако, для большинства подростков курение и употребление алкоголя являются признаками взрослой жизни и приобщение к ним – скорее отрицание детства и детскости, демонстрация своей взрослости. В России нелегальные наркотики и их употребление не воспринимаются подростками как признаки взрослости. Экспериментирование российских подростков с наркотиками нужно рассматривать не как неизбежную составляющую подростковой субкультуры, а, скорее, как явление, характерное для специфичных групп подростков.

М. Розенбаум пишет: «Употребление подростками наркотиков в современном обществе – это отражение общих тенденций американской жизни» [Розенбаум, 2002]. Складывается впечатление, что наркотизм для подросткового возраста – это скорее норма поведе-

ния, чем отклонение. В значительной степени такое впечатление, также как и обсуждаемый тезис, является следствием того, что и табак, и алкоголь относят к наркотикам. Получается, что подростки, пробуя курить, экспериментируют с наркотиками. И только в этом смысле эксперименты с наркотиками являются частью подростковой субкультуры. Однако использование в данном контексте слова *наркотики* явно вводит в заблуждение: эксперименты с тяжелыми наркотиками не являются частью подростковой субкультуры. Сторонники идеи *снижения вреда*, как основы первичной профилактики, критикуют другие программы и подходы за недостаточную дифференциацию употребления наркотиков и злоупотребления ими. Низкая дифференциация этих явлений оценивается сторонниками *снижения вреда* как ситуация, вводящая подростков в заблуждение, а значит, и подрывающая доверие к профилактике вообще. В качестве аргумента приводятся соображения типа: «...подростки наблюдают, как их родители и другие взрослые употребляют алкоголь, который сам по себе является наркотиком, не злоупотребляя им...» [там же]. Осознанно или неосознанно авторы подобных утверждений игнорируют значительные различия между алкоголем и, например, героином. Эти различия, имеющие биохимический, физиологический, культурологический, психологический, правовой и другие аспекты, существенно влияют на генезис зависимости. Эти различия столь существенны, что по отношению к некоторым наркотикам дифференцировать употребление и злоупотребление оказывается практически невозможно.

Настаивая на более глубокой дифференциации употребления и злоупотребления и игнорируя колоссальные и разнообразные различия в ПАВ, не создают ли сторонники идеи *снижения вреда* предпосылки для заблуждений иного рода, чем те, которые они критикуют, но от этого не менее, а может быть и более опасных?

Еще одним приемом, к которому прибегают сторонники *снижения вреда*, является критика теории «трамплина», в соответствии

с которой марихуана является «втягивающим» наркотиком. Оставим в стороне многочисленные научные данные, показывающие обусловленность перехода к «тяжелым» наркотикам предшествующим употреблением марихуаны. Посмотрим на употребление марихуаны с других позиций. Марихуана является нелегальным наркотиком, следовательно, ее употребление означает для субъекта допустимую для себя *возможность* употребления нелегальных наркотиков. Употребление марихуаны, даже однократное, можно рассматривать как своеобразную инициацию, расширяющую для индивида диапазон допустимого для него поведения. Возможность самостоятельно контролировать употребление марихуаны переносится индивидом и на другие нелегальные наркотики и создает у него иллюзию возможности контролируемого употребления тяжелых наркотиков. С этой точки зрения марихуану вполне можно рассматривать как трамплин к тяжелым наркотикам.

Мы видим, что основные аргументы, используемые сторонниками *снижения вреда* для критики других программ профилактики наркомании сами не бесспорны и внутренне противоречивы. Не думаю, что противоречивость этих аргументов заметна только для нас. Тогда что убеждает сторонников *снижения вреда* в верности выбранного пути?

Вот что пишет М. Розенбаум: «Когда в 1980-х годах мы узнали, что использование презервативов способно предотвратить распространение ВИЧ-инфекции и других заболеваний, передаваемых половым путем, программы сексуального воспитания молодежи переключились с моделей полного воздержания. В то время родители, учителя, а также политические деятели приняли решение поставить вопросы безопасности на первое место... Внедрение этого подхода отразилось не только на увеличении использования презервативов теми подростками, которые вели сексуальную жизнь, но и на снижении общих показателей сексуальной активности среди целевой группы. Такие всесторонние стратегии профилактики послужили

хорошей моделью для реструктуризации существующих образовательных программ по наркотикам» [там же].

Логика подобных рассуждений проста: запретительные программы (идея воздержания в половом воспитании) оказались неэффективны – переход к программам на основе идеи безопасности оказался результативным. Однако, очевидно, что между сексуальным поведением, тесно связанным с физиологией человеческого тела и культурой человечества, с потребностью в сексуальных контактах, и потреблением наркотиков, физиологической потребности в которых нет, есть большая разница. Сексуальные отношения невозможно отменить – они присущи и физиологии, и культуре, поэтому любые запретительные стратегии окажутся неизбежно неэффективными. Что такое идея безопасности в сфере профилактики наркомании – это поиск стратегий, уменьшающих негативные последствия употребления ПАВ. То есть, с другой стороны, как бы санкция на употребление самих наркотиков.

Нет сомнения в том, что идея безопасности и снижения вреда эффективны, когда речь идет о вторичной профилактики наркомании, о профилактике ВИЧ-инфекции среди потребителей инъекционных наркотиков и т.п., то есть там, где мы действительно можем снизить негативные последствия наркомании, там же, где речь идет не о последствиях явления, а о его профилактике, эти подходы не могут быть эффективны в принципе, так как цели и средства их достижения оказываются несогласованны. Если и дальше игнорировать это противоречие, то абсолютизация средств может привести к подмене цели *профилактика наркомании* теневой целью – *допущение существования наркомании как социокультурного явления*.

В качестве примера можно привести результаты наших исследований, проведенных в последние годы в Самарской области. В г. Тольятти программа «Снижение вреда» реализовывалась несколько лет. В г. Самара от нее отказались на самом первом этапе. Сравнение динамики количественных показателей наркотизации

молодежи даже с точки зрения официальной статистики оказалось не в пользу г. Тольятти. Опросы в молодежной и подростковой среде в г. Тольятти показали, что многие употребляющие наркотики молодые люди вообще не слышали о программах «Снижения вреда» (речь идет о бесплатной раздаче одноразовых шприцев), а те, кто слышал, тратили сэкономленные на покупке шприцев деньги на наркотики.

Подводя итог нашему анализу идеи *снижения вреда*, еще раз отметим ее продуктивность с точки зрения снижения издержек наркотизма и наркомании, что же касается оценки основанных на этой идее программ профилактики наркотизма, то они кажутся нам не менее сомнительными, чем стратегии запугивания, информирования и т.п.

§ 1.5. Мультипричинность возникновения наркотической зависимости личности

Многие имеющиеся подходы к решению проблемы наркомании, особенно к ее профилактике, исходят из того, что якобы существуют вполне определенные причины злоупотребления наркотиками, коренящиеся в личности молодого человека или в окружающей его действительности. На наш взгляд, и это подтверждается многочисленными исследователями, а также результативной практикой – *преднаркотической личности не существует*.

Наркоман «порождает» себя в процессе употребления наркотиков, «производит» в себе то, чего в нем раньше не было.

Начало экспериментирования с наркотическими веществами является качественным, «скачкообразным», новопричинным признаком изменений в личности подростка. Точкой бифуркации в судьбе взрослеющего человека. Психологические отклонения и деформации, ошибочно принимаемые за причины наркотизации – это результат произошедшей личностной трансформации, складывающейся в процессе экспериментального употребления психоак-

тивных веществ, и на самом деле являющиеся следствием, а не причиной.

По нашему мнению, нет необходимости придумывать причины употребления людьми наркотических веществ. Специалисты, которые пытаются искать ответ на вопрос, почему тот или иной подросток употребляет наркотики, изначально путают причину и следствие, и именно поэтому их профессиональная помощь оказывается, как правило, малорезультативной.

Наркомания – это «комплексное социо-психо-физиологическое расстройство». Тотальное (затрагивающее все стороны внутреннего мира, отношения с другими людьми и способы существования) расстройство личности, которое в большинстве случаев сопровождается осложнением со стороны физического здоровья.

До сих пор сохраняется мнение, что достаточно ответить на вопрос «Почему?», найти и устранить причину (конфликты с родителями, с товарищами, учителями, неуверенность в себе, неконтролируемость эмоций и т.п.), и наркотики исчезнут из жизни подростка сами собой. В это хочется верить, но за такое упрощенное понимание специалистами смертельно опасной проблемы приходится платить невосполнимыми потерями среди подростков и молодежи.

По нашему мнению, корень противоречия заключается в следующем: причины у наркомании вроде бы есть, но при попытке их подсчета оказывается, что их бесконечное множество.

Исследования, посвященные подростковой наркомании, показали, что выделение конкретных причин наркотизации подростков и старшеклассников является невозможным. Распространение наркомании связано с одновременным существованием нескольких групп факторов, каждая из которых, взятая в отдельности, не является определяющей. Обстоятельный анализ отечественной и зарубежной научной литературы по проблемам наркомании показал многообразие точек зрения и подходов к данному вопросу. Если обобщить причины, перечисляемые авторами, получится список,

который, однако, не будет исчерпывающим [Лисецкий, 2003; Березин, Лисецкий и др., 2005б].

- Подражание взрослым, специфика социализации и поиск новых впечатлений, нарушения в эмоциональной сфере.

- Стресс, внушаемость, любопытство, педагогическая запущенность, последствия травм.

- Экономические причины, несовершенство законодательства, традиции употребления легальных наркотиков (кофе, табак, пиво, алкогольные напитки).

- Семейные проблемы, наследственность, психопатологии, неполная семья, деструктивная семья, ригидная семья и т.д.

- Особенности характера, такие, как уступчивость, чувство вины, нерешительность, внушаемость, тревожность и т.д.

- Личностные особенности, аффилиативность (поиск покровителя), потребность в признании, подавленность душевных и сексуальных переживаний, психологическая защита, стиль поведения и мышления и т.д.

Для удобства мы обобщили и классифицировали все названные различными авторами причины по нескольким основаниям, получив, таким образом, совокупность факторов, находящихся во взаимодействии друг с другом.

Факторы наркотизации условно можно разделить на объективные и субъективные. Внутри объективных причин выделяют макропричины и микропричины. Субъективные разделяются на индивидуально-биологические, индивидуально-психологические и личностно-психологические (Рис.3).

Рассмотрим подробнее каждую группу факторов.

Объективные факторы

Их наличие не зависит от индивида, это объективно существующие условия, влиять на которые человек практически не может. К объективным факторам относят социально-экономическое состояние общества, традиции, рекламу, климат в семье и школе и

т.д. Макропричины – это условия, существующие в обществе в целом, а микропричины – это условия внутри той социальной группы, в которой находится субъект.

Классификация факторов и причин наркотизации

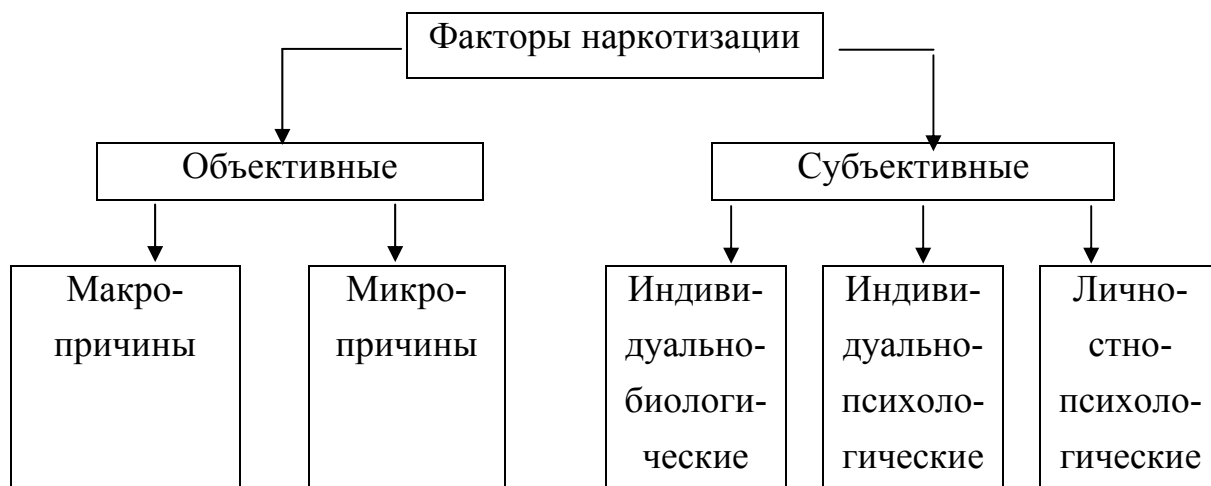

Рис. 3

Объективные макропричины

Экономическое/социальное неблагополучие. Дети из социально неблагополучных семей, для которых характерны социальная изолированность, неудовлетворительные жилищные условия, родители которых имеют малопрестижный род занятий или являются безработными, больше подвержены риску быть постоянными участниками правонарушений и часто злоупотреблять алкоголем и наркотиками. Экономически (социально) неблагополучные условия могут быть определены социальным работником, социальным педагогом как один из возможных факторов риска.

Задача социальных отделов – способствовать социальной адаптации неблагополучных семей посредством реализации возможных правовых или экономических мер (выделение материальной помощи, содействие в устройстве родителей и трудоспособных детей на работу, определение детей в санатории, детские лагеря, социальные гостиницы и т.д.).

С другой стороны, так же высок шанс наркотизации у детей из внешне благополучных, состоятельных семей: озабоченность родителей своим социальным положением, напряженность, тревожность, конфликты, часто возникающие в отношениях между бизнесменами и их супругами и детьми, создают неблагоприятную обстановку в семье, что не может не отразиться на психологическом благополучии подростка. К сожалению, многие состоятельные люди (особенно отцы) по тем или иным причинам не всегда признают наличие неблагоприятной атмосферы в семье, поэтому вовремя не обращаются к психологу. Со стороны центров социально-психологической помощи контроль практически невозможен, поскольку без запроса (обращения) специалисты не могут вмешиваться в семейную ситуацию и, следовательно, противостоять возможной наркотизации подростка. В данном случае важным является сотрудничество центров социально-психологической помощи со школами, лицеями, колледжами и другими, в том числе и негосударственными, образовательными учреждениями, в которых специалисты (педагоги, психологи) имеют больше возможностей общения с детьми и их семьями, а значит, больше возможностей профилактической работы.

Неблагоприятное окружение и общественная необустроенность. Районы, отличающиеся высоким уровнем преступности, с часто меняющимися жильцами, не способствуют возникновению чувства единения и общности среди людей, населяющих их, которое существует в более благополучных районах с меньшей плотностью заселения и низким уровнем преступности. Неблагоприятное соседство и общественная необустроенность способствуют распространению злоупотребления алкоголем и наркотиками среди местной молодежи.

Задачей организаций, занимающихся профилактикой наркомании, в данном случае является сотрудничество с правоохранительными органами в целях ужесточения контроля над распространени-

ем наркотических веществ в данном районе, а также создание досуговых центров, подростковых клубов, отделов внешкольной работы, структурирующих свободное время детей и подростков, проживающих в этом районе.

Противоречия и несогласованность в законодательстве. Положение дел с употреблением алкоголя и наркотиков напрямую связано с существующими законами и правилами, действующими в отношении алкоголя и наркотиков, содержащимися в федеративном и местном законодательствах. Сейчас сложилось явно негативное отношение к законам и законодательной власти, поэтому существует опасность игнорирования законов как выражение протеста против существующей политической и экономической ситуации в нашей стране. Также важно, что изменения в законодательстве не всегда становятся известны обывателю, и незнание этих изменений может поставить человека вне закона.

Задачей работников центров социально-психологической помощи, в частности, юридических отделов, является просвещение детей и родителей по вопросам законодательства в отношении наркомании и лиц, распространяющих и употребляющих наркотики.

Доступность алкоголя и наркотиков объективно связана с вероятностью злоупотребления ими. В школах, где наркотики более доступны, существуют более высокие показатели употребления наркотиков. Кроме того, на вероятность употребления наркотиков оказывает влияние соседство со школой ночных клубов, ресторанов, кафе, продуктовых магазинов, рынков, парков и других мест с пониженным контролем над распространением наркотиков и алкоголя. Действительно, несмотря на существующий запрет на продажу алкоголя детям до 18 лет, многие продавцы в целях увеличения прибыли продолжают снабжать подростков алкоголем и не несут за это никакой ответственности.

Так же, как и в случае неблагоприятного окружения и социальной необустроенности, необходимо сотрудничество центров соци-

ально-психологической помощи и администраций учебных заведений с правоохранительными органами, а также с органами государственного муниципального управления.

Реклама. К сожалению, легальные и нелегальные наркотики рекламируются чрезвычайно широко. Речь идет как о явной, так и о скрытой рекламе.

Алкогольные и табачные изделия рекламируются открыто. Сопровождающая их информация, например, «Полная свобода...», «Всегда первый...», «Свежий взгляд на вещи...» и т. п. прочно связывает в сознании подростка табак и алкоголь с ценностями жизни: свобода, достижения, престиж, дружба. Наличие этих связей, обнаруживающихся только с помощью психодиагностики, как правило, не осознается, что делает их еще более опасными. Увы, эксплуатируется вечное стремление человека к свободе. Но свободным делает только внутренняя свобода, а отнюдь не наркотик!

Реклама, к сожалению, принадлежит к числу макрофакторов, предупредить влияние которых порой невозможно. Противостоять рекламе может только эмоционально зрелый и самодостаточный подросток, не испытывающий эмоционального дефицита в отношениях со сверстниками и окружающими взрослыми людьми.

Объективные микрочины

Частые перемены места жительства. Частые перемены места жительства оказывают отрицательное влияние на подростка, поскольку сталкивают его с необходимостью построения отношений с новыми друзьями, соседями, одноклассниками, что нередко обуславливает появление трудностей и проблем. Чем чаще семья переезжает, тем выше опасность возникновения проблем, связанных с употреблением наркотиков. Однако если семья умеет органично вливаться в жизнь общества на новом месте, а соседи ей рады, данный риск понижается.

Задача центров социально-психологической помощи состоит в данном случае в помощи семьям и особенно подросткам в адаптации на новом месте: предоставление необходимой информации о школах, медицинских учреждениях в данном районе, городе, а также тесное сотрудничество с классными руководителями, в чей класс поступили новые дети.

Семейная предрасположенность. Дети, рожденные или воспитанные в семьях с алкогольными традициями, подвержены большему риску пристраститься к алкоголю и другим наркотикам. В этом свою роль играют как генетические факторы, так и влияние непосредственного окружения. Например, мальчики, родившиеся в семье алкоголика, даже воспитываясь в семье, усыновившей их, подвергаются в четыре раза большему риску стать алкоголиками, чем мальчики, родившиеся в «неалкогольных» семьях. В семьях, где родители для того, чтобы расслабиться, употребляют запрещенные наркотики или много пьют (не обязательно становясь алкоголиками), имеется большая вероятность, что дети начнут употреблять алкогольные напитки в подростковом возрасте. Если родители к тому же приобщают своих детей к употреблению наркотиков, включая, конечно, и алкоголь, риск возрастает. Чем больше членов семьи употребляют алкоголь и наркотики, тем выше риск.

Очевидно, что в таких семьях вероятно раннее приобщение к спиртному. Оно влечет высокую вероятность того, что дети начнут испытывать алкогольную или другую зависимость или у них возникнут проблемы со злоупотреблением алкогольными напитками в юношеском или зрелом возрасте. Молодые люди, начинающие пить в возрасте до 15 лет, подвергают себя в два раза большему риску, чем те, кто не спешит пробовать спиртное, пока им не будет за девятнадцать.

Задачей центров социально-психологической помощи является своевременное распознавание таких семей и необходимая социальная, психологическая работа с ними, а в некоторых случаях – час-

тичная или полная изоляция детей от родителей, способствующих употреблению детьми наркотических и алкогольных веществ.

Неумелость и непоследовательность в воспитании. В семьях, в которых родители не устанавливают четких норм поведения, в которых дети остаются предоставленными самим себе или где дисциплинарная практика чрезмерно сурова и непоследовательна, подростки подвергаются большому риску совершения правонарушений и частого употребления алкоголя и наркотиков. Здоровые, эмоционально насыщенные отношения в семье чаще всего являются фактором, предотвращающим тягу ребенка к алкоголю и наркотикам.

В данном случае задача центров социально-психологической помощи состоит в педагогической и психологической коррекции отношений в семье и обучении родителей и детей способам эффективного межличностного взаимодействия.

Протест и риск в подростковом возрасте. Подростковый возраст известен как период обострения протеста против существующих в обществе взрослых людей моральных норм, принципов и стереотипов поведения. Поскольку в обществе взрослых существует однозначно негативное отношение к наркотикам и наркоманам, подростки одной из форм протеста выбирают именно употребление наркотиков.

Кроме того, переоценка ценностей в подростковом возрасте связана с увеличением потребностей в переживании риска как формы эмоционально насыщенного переживания. Зачастую риск реализуется в употреблении наркотиков и правонарушениях.

Задачей психологов и педагогов является помощь подросткам в удовлетворении потребностей в риске другими способами (например, риск самораскрытия проявляется в лично ориентированных и социально-психологических тренингах, физический риск – в занятиях спортом), а также в общем эмоциональном развитии ребенка.

Общение с пьющими и употребляющими наркотики сверстниками является одним из наиболее надежных индикаторов, указывающих на возможность употребления наркотиков подростками, независимо от того, имеют место или нет другие факторы риска. Если друзья выпивают, это является сильным аргументом в пользу того, что подросток, возможно, будет злоупотреблять алкоголем.

Очевидно, что запретить подростку общаться с такими друзьями – задача не из легких, однако родители должны приложить все усилия, чтобы создать для ребенка необходимые факторы защиты от возможной наркотизации. В том числе, родители могут обращаться к психологам и педагогам центров социально-психологической помощи.

Неуспеваемость, отсутствие желания продолжать обучение в школе. Начиная с четвертого, пятого и шестого классов неудачи в учебе усиливают риск злоупотребления алкоголем, наркотиками и вероятность правонарушений. У учащихся младших классов начальной школы способность к социальной адаптации является более важным фактором, позволяющим прогнозировать вероятность пристрастия к алкоголю и наркотикам, а также склонность к правонарушениям, чем академическая успеваемость.

С распространенностью случаев употребления наркотиков связаны показатели, свидетельствующие о том, насколько сильно учащиеся привязаны к школе, время, затрачиваемое на выполнение домашних заданий и значение, которое имеет для них обучение в школе. Подростки, которым школа ненавистна и которые не стремятся продолжать обучение, имеют больше шансов пристраститься к алкоголю и наркотикам.

Задачей специалистов социально-психологических центров является сотрудничество со школами, в частности, с классными руководителями таких подростков, а также помощь подросткам в профессиональном самоопределении и профориентации, в устройстве

их в различные образовательные учреждения, повышении мотивации на учебу и дальнейшее образование.

Положительное отношение окружения к алкоголю и наркотикам. Когда дети считают, что от курения марихуаны нет вреда, когда алкоголь ассоциируется у них с «хорошо проведенным временем», существует очень большая вероятность того, что они будут выпивать и употреблять наркотики. По большей части то, как подростки объясняют свое поведение (употребление наркотиков, алкоголя), связано с существующими мифами типа «В любой момент я могу бросить», «От бутылки пива не становятся алкоголиками» и т.д.

Мифы о наркотиках и наркоманах, существующие в сознании подростков, разрушить очень сложно и порой просто невозможно. В этом случае эффективной может стать лишь работа психолога, групповая работа, направленная на обсуждение с подростками этих мифов и выработку у них сознательного, критичного отношения к наркотикам и наркоманам.

Субъективные факторы

Индивидуально-биологические причины – это наследственность в отношении психических заболеваний и алкоголизма, тяжелые соматические заболевания и нейроинфекции в раннем детстве. Большое значение для формирования девиантного поведения имеют органические поражения головного мозга. Перечисленные нарушения являются скорее предпосылками, т.е. обуславливают индивидуально-психологические и личностно-психологические причины. В частности, органические поражения головного мозга влияют на психоэмоциональное состояние, снижают способность индивида переносить физические и психологические нагрузки, противостоят стрессу и негативным влияниям окружающей среды. Это отражается на адаптационных возможностях человека, вследствие чего формируется девиация.

Индивидуально-психологические причины – это особенности когнитивной, эмоционально-волевой сферы, обуславливающие возникновение и развитие девиаций. Примером здесь может быть низкая устойчивость к эмоциональным нагрузкам, тревожность, импульсивность, возбудимость, несформированность мотивационной сферы и т.д. В ряде работ отечественных и зарубежных авторов существенное значение отводится мотивационно-потребностной сфере личности.

Зарубежные исследователи в качестве мотивов употребления подростками и молодежью психоактивных веществ приводят: влияние приятеля, потребность в изменении своего состояния, желание уйти с помощью наркотиков от решения жизненных проблем, снять эмоциональный дискомфорт. Э. Фромм рассматривает употребление наркотиков как частный случай культа потребительства среди молодежи, следовательно, мотивом приобщения к наркотикам служит стремление «потреблять счастье» как товар. Среди мотивов, противодействующих употреблению наркотиков, отмечают «отсутствие к ним интереса», «влияние друзей и родителей», кроме того, для девушек большое значение имеет выраженность религиозных чувств, а для юношей – успехи в школе.

В работах отечественных ученых [Личко, Битенский, 1991], посвященных изучению мотивов употребления наркотиков, упоминается о внутригрупповой конформности – желании «не отстать» от сверстников, о поиске необычных ощущений и переживаний, о «скуке». Мнение авторов о роли указанных мотивов расходятся. А.Е. Личко и В.С. Битенский использовали классификацию мотивов, которую В.Ю. Завьялов разработал для алкоголиков, выделяя вслед за ним следующие группы мотивов.

1. Социально-психологические мотивы:
 - мотивы, обусловленные традициями и культурой;
 - субмиссивные мотивы, отражающие подчинение давлению других людей или референтной группы;

– псевдокультурный тип мотивов, свидетельствующих о стремлении подростка приспособиться к «наркотическим ценностям» подростковой группы.

В.С. Битенский считает, что эти мотивы характерны для начального этапа наркотизации. Подростки часто объясняли употребление наркотиков тем, что они подчинялись давлению сверстников.

2. Потребность в изменении собственного состояния:

– гедонистические мотивы (т.е. желание наслаждаться самим процессом употребления и тем состоянием, которое дает наркотик);

– аттрактивные мотивы (привлекательность наркотика и связанных с ним переживаний);

– мотивы гиперактивации поведения (повышение активности, улучшение настроения и т.д.).

3. Патологическая мотивация, связанная с наличием абстинентного синдрома и патологического влечения к наркотику, т.е. мотивация улучшения самочувствия вследствие абстиненции.

Личностно-психологические причины – это особенности личности, яркая выраженность которых может усиливать действие других факторов.

Ряд авторов [Битенский, Херсонский и др., 1989; Курек, 1993; Личко, Битенский, 1991] отмечает, что степень риска возникновения наркомании зависит от акцентуаций характера подростков и юношей. С.П. Генайло установил, что наркомания формируется преимущественно в подростковом возрасте у лиц с выраженными тенденциями к самоутверждению и немедленному удовлетворению своих претензий в сочетании с неспособностью к длительной, целенаправленной деятельности, раздражительностью, склонностью к избыточному фантазированию, демонстративному проявлению чувств, подражанию и лжи. Это обстоятельство приводит к снижению социальной адаптации и способствует формированию асоциальных форм поведения, в том числе употреблению психоактивных веществ. Степень выраженности личностных изменений, их осо-

бенности обуславливаются нарушениями (гипо- и гиперопека) родительского отношения и воспитания. По данным В.С. Битенского, тип акцентуации характера влияет на возникновение девиации и более того, определяет предпочтительный выбор психоактивного вещества [Битенский и др., 1989]. Так, например, epileptoидный тип проявляет особый интерес к галлюциногенам и ингалянтам; подростки с истероидной акцентуацией предпочитают приятное состояние или успокоение, вызываемое транквилизаторами; при шизоидном типе проявляется тенденция к употреблению опиоидных препаратов и гашиша, т.е. желание вызвать у себя эмоционально приятное состояние. Отмечается склонность к аддиктивному поведению подростков с неустойчивым, конформным, гипертимным, циклоидным типами акцентуации характера.

Большинство авторов приходит к выводу, что высокий риск нарко- и токсикомании можно отметить у подростков с epileptoидным, неустойчивым, гипертимным типами характера. В большинстве случаев выявление подростков, юношей, злоупотребляющих психоактивными веществами, происходит поздно, когда их поведение уже характеризуется патохарактерологическими реакциями. Нельзя считать надежными результаты, полученные преимущественно с помощью «прямого» метода исследования (клиническая беседа, интервьюирование, анкетирование) наркомана и опроса его родителей, преподавателей. Возможно, что те аспекты личности, которые интерпретируются как причина употребления психоактивных веществ, являются его следствием. Вывод, сделанный нами, согласуется с результатами исследований И.Н. Пятницкой, которая считает, что искать в личности подростка некую специфическую предрасположенность к наркоманиям – ошибочно [Пятницкая, 1994].

Многие зарубежные ученые утверждают, что значительная часть лиц, употребляющих психоактивные вещества и находящихся в лечебных заведениях, имеет личностные проблемы [Личко, Би-

тенский, 1991; Сирота, Ялтонский и др., 2001]. Обнаружены нарушения психической активности, эмоционального функционирования, снижение самооценки, способностей к совладанию со стрессом и саморегуляции, низкие показатели интеллекта и распространенность личностных расстройств.

Ряд авторов отмечает низкий общеобразовательный и культурный уровень, недостаточное развитие духовных аспектов личностей наркоманов [Березин, Лисецкий и др., 1999]. Низкая самооценка и неудовлетворенность жизнью выявлены в работе W. Budzinski [Белогуров, 1997]. Schroeder Debra S., Laflin Molly T. сделали вывод о том, что на основе существующих данных о корреляции между самооценкой и употреблением наркотиков нельзя сделать однозначный вывод о том, что самооценка является одним из наиболее существенных факторов наркомании [Сирота, Ялтонский и др., 2001].

Заслуживают внимания работы, которые посвящены изучению корреляции между различными патологиями развития детской психики и последующим асоциальным поведением и злоупотреблениями психоактивными веществами. Анализ таких работ представлен в обзоре Е.С. Меньшиковой. Большое внимание исследователей привлекает синдром расстройства внимания у детей (ADND), который определяется как сложности в доведении дел до конца, как дома, так и в школе, трудности в общении, как с близкими взрослыми, так и с детьми. Критерии ADND часто меняются, что затрудняет диагностику, кроме того, около половины детей с ADND имеют дополнительные нарушения поведения, связанные с физической агрессивностью. Именно эти дети впоследствии чаще злоупотребляли наркотиками (по данным лонгитюдных исследований ряда авторов). R. Pihl, J. Peterson считают, что слабая социализация и когнитивный дефицит у детей ведут к развитию ADND. Тенденция нарушать правила в подростковом возрасте нередко приводит таких детей к употреблению алкоголя и наркотиков. На-

ряду с увеличением вероятности фармакологического подкрепления это приводит к возрастанию риска злоупотребления алкоголем и наркотиками. В ходе обследования студентов колледжа, у которых в детстве был диагностирован синдром дефицита внимания, отмечено наибольшее количество навязчивых мыслей, которые возникают при выполнении заданий на внимание и не связаны с ним [Сирота, Ялтонский, 2003]. Обнаружены корреляции между употреблением наркотиков, навязчивыми мыслями и стремлением к поиску новых ощущений.

Обобщив результаты многолетних исследований, мы также пытались определить факторы подростковой наркотизации как совокупность внутренних и внешних условий, влияющих на формирование у подростка предрасположенности к употреблению психоактивных веществ: низкая стрессоустойчивость, любопытство, последствия травм и заболеваний, педагогическая запущенность и отсутствие навыков конструктивного решения проблем и конфликтов.

Исследования различных авторов показали [Березин, Лисецкий и др., 1999], что существуют общие черты, свойственные людям, злоупотребляющим наркотиками или алкоголем: слабое развитие самоконтроля, самодисциплины; низкая устойчивость к всевозможным воздействиям, неумение прогнозировать последствия действий и преодолевать трудности; эмоциональная неустойчивость и незрелость, склонность неадекватно реагировать на препятствия, неумение найти продуктивный выход из психотравмирующей ситуации. Нетрудно заметить, что эти черты свойственны не только алкоголикам и наркоманам, но и плохо социально адаптированным людям. Кроме того, такие личностные характеристики часто проявляются в подростковом возрасте, особенно, если этот период развития протекает с осложнениями.

Многие исследователи считают, что влечение подростка к употреблению наркотиков является признаком глубокого личност-

ного неблагополучия и логическим завершением предшествующего развития [Макеева, 1996].

Можно и дальше продолжать перечисление причин наркотизации, обнаруженных различными специалистами, однако, становится все более очевидным, что **количество причин употребления психоактивных веществ оказывается таким же нескончаемым, как и количество проблем, с которыми может встречаться человек в течение своей жизни.**

Нам удалось подтвердить на практике мысль В.А. Петровского о том, что «наркомания не имеет телеологического основания, а, следовательно, и результирующей терапии». **Все объяснения причин наркотизации возникли как приписывание отдельным, частным случаям статуса общих.**

Никому на самом деле не известно, у скольких подростков, пробующих из любопытства алкоголь или наркотики, возникает наркотическая зависимость. На ранней стадии очень трудно установить связь, после которой чувство настоящей тревоги и раздражительность («генерализованная неудовлетворенность») появляются у подростка в результате отказа от алкоголя или наркотиков, а когда в основе чувств подростка лежат другие причины. Если помнить, что наркотические вещества в тех или иных количествах содержатся во многих лекарствах, в том числе предназначенных для детей, то определение первопричины становится практически невозможным.

Скорое всего, «причинноцентрированность» многих авторов связана со сложившейся своего рода «линейностью» в осмыслении столь противоречивого явления, которое представляет собой «человек-употребляющий психоактивные вещества». Конечно, указание причины всегда облегчает понимание следствия. Но это бесполезно, когда количество причин на самом деле оказывается бесконечным.

Человек – не моносистема. В его действиях невозможно найти одну-единственную причину, один мотив, один специфический смысл. Одномотивность в действительности – не столько научная абстракция, сколько характеристика конкретной патологии [Асмолов, 2002].

Окончательный вывод становится все более очевидным: конкретных причин первичной наркотизации нет и быть не может, кроме доступности наркотических веществ и решения индивида проверить на себе их действие.

НО! Существует огромное количество предпосылок, которые все время вынуждают личность принимать самостоятельные ответственные решения. В таких условиях только развитие субъектности (самопричинной активности и ответственности в ситуации неопределенности и риска) является надежным фактором личной наркостойчивости подростка.

§ 1.5. Критерии оценки эффективности профилактических программ

Среди критериев оценки профилактических программ часто называют: численность участников, отношение к программе, изменение информированности, изменение намерений, изменение отношения к ПАВ, изменения поведения, изменения отношения к себе, изменения в общении. Тренинги, ориентированные на развитие коммуникативной компетентности учащихся, тренинги личностного роста, здоровьесберегающие технологии часто заменяют программы профилактики аддиктивного поведения. На сегодняшний день любую программу, где в целях указывается профилактика вредных привычек или наркомании, относят к типу профилактических, не обосновывая при этом принципы организации профилактики, цели и ожидаемые результаты. Ситуация усугубляется тем, что при противоречивости выделенных критериев психического и

социального здоровья очень сложно оценить эффективность той или иной профилактической программы.

В качестве критериев, с помощью которых возможно достаточно надежно оценить эффективность программ, можно предложить следующий комплекс.

Комплекс критериев определения эффективности профилактических программ

1. Особенности программы:

а) теоретическая обоснованность (программа должна иметь в своей основе теоретическое обоснование принципов и методов работы);

б) апробированность (перед широким применением программа должна пройти апробацию, результаты которой должны быть указаны);

в) соответствие возрастным особенностям целевой группы (программа обычно разрабатывается под конкретную целевую группу, в соответствии с возрастными особенностями последней);

г) соответствие социально-психологическим особенностям целевой группы;

д) последовательность, этапность программы (указание этапов проведения программы, возможно также описание преемственности в организации профилактики);

е) комплексность;

ж) валидность программы: соответствие полученных результатов программы ожидаемым (полученные результаты реализации программы должны соотноситься с ее целями и задачами).

2. Личностно – профессиональные особенности специалиста, проводящего профилактическую программу:

а) теоретическая готовность:

- знание теорий формирования аддиктивного поведения;
- знание психологических основ профилактики наркомании;

- знание возрастной психологии;
- знание семейной психологии;
- знание конфликтологии;
- знания в области клинической психологии;

б) практическая готовность:

- опыт ведения тренинговых или психокоррекционных программ;
- опыт участия в тренинговых или психокоррекционных программах;
- понимание отличия деятельности по профилактике наркомании от психологического консультирования;

в) личностная готовность:

- желание работать по профилактике наркомании;
- интерес к работе в данном направлении;
- адекватная профессиональная самооценка;
- наличие личностно значимых качеств для работы по профилактике наркомании;

г) субъективно высокая оценка эффективности работы по программе.

3. Целевая группа:

а) особенности участия в программе:

- стабильно высокое количество участников программы;
- интерес участников;
- отношение к программе, психологу;

б) медико-социальная динамика у участников программы:

- снижение спроса на ПАВ в среде подростков и молодежи;
- улучшение показателей здоровья школьников и молодежи;
- трудоустройство или посещение школы;
- снижение количества проблем с правоохранительными органами;

- снижение количества проблем и конфликтов в образовательном учреждении;
- повышение активности в общественной деятельности;

в) психологическая динамика:

- снижение количества деструктивных конфликтов;
- повышение стрессоустойчивости;
- развитие децентрации как способности выхода за пределы ситуации в решении задач;
- развитие эмпатии, чувства юмора, рефлексии;
- развитие саморегламентации;
- изменение жизненного тонуса (улучшение настроения, самочувствия, повышение активности);

г) субъективно высокая оценка значимости участия в программе.

Предложенный комплекс критериев не является обязательным для исполнения, однако, он содержит описания важных параметров результативности, без которых затруднительно будет сделать вывод об эффективности той или иной работы по профилактике наркомании среди детей, подростков и молодежи.

ГЛАВА 2. ГЕНЕЗИС НАРКОЗАВИСИМОСТИ ЛИЧНОСТИ

§ 2.1. «Двоичность» принципа удовольствия

Анализ причин наркотизма в среде подростков позволяет нам опровергнуть устоявшееся заблуждение, связанное с тем, что употребление наркотических веществ, изначально и впоследствии основано на стремлении к удовольствию. Речь идет о гедонистическом подходе к проблеме побудительных причин наркотизации, согласно которому стремление к удовольствию определяет активность человека и направленность его действий.

Гедонистическая точка зрения, на первый взгляд, обладает большой объяснительной силой и потому распространена как среди специалистов, так и в сознании общественности. Наркоманы, употребляя наркотики, получают удовольствие, а не наркоманы из-за этого вынуждены страдать. Все так, но, если действительно решать проблему, необходимо понять, что все сложнее. Принцип удовольствия не столько объясняет проблему, сколько маскирует ее.

Объяснение наркотизма только стремлением к удовольствию сводит профилактическую работу либо к обеспечению альтернативного гедонизма, что несерьезно, либо к противопоставлению и главенствованию знаний над ощущениями, что невозможно. Ощущения возникают в подкорке головного мозга – части, более древней, чем кора. Воспитатели в процессе профилактики должны сформировать в коре головного мозга воспитанника антинаркогенные установки, внутриличностные регулятивные механизмы на основе правилосообразности.

1. Правильное знание о действии наркотических веществ на организма человека.

2. Правильная оценка и осознание здоровья как главной ценности в жизни человека.

3. Правильное поведение.

Достигается это в процессе правильно организованной воспитательной деятельности [Макеева, 1999].

Внешне все пристойно, но не более того. Для тех, кто практически сталкивается с проблемой наркотизма, противоречивость и ограниченность данной точки зрения очевидна.

Во-первых, попытки «перебить» ощущения знаниями о правилах поведения сомнительны. К примеру, у древних людей контроль со стороны сознания был менее жестким. Поэтому, подсознание гораздо легче «проникало» в сознание. Танец, ритм, ритуальные действия, обряды буквально соединяли сознание с подсознанием, выполняя одновременно религиозную и медицинскую функции. Позднее контроль над инстинктами становился строже. Духовные ценности наполнились новым смыслом, осознание их усложнилось. «Общение» с подсознанием воспринималось как расширение границ «Я», пространства новых переживаний, встреча со сверхъестественными силами, путешествия в «инореальность» и т.п. При этом жизнь наших предков была куда сложнее (в смысле опаснее) нашей, так что наркотические вещества пришлось бы, что называется, «к столу». Но этого не произошло.

Закономерно возникает вопрос: почему первобытные люди, те, у которых кора головного мозга была значительно «тоньше», чем у наших современников, не превратились повально в наркоманов? Какие такие запреты могли им помешать? По-видимому, дело заключается в других механизмах саморегуляции.

Во-вторых, если наркотическое вещество способно обеспечивать человеку переживание удовольствия столь просто и столь сильно, то его невозможно будет заменить никакими другими более затратными (в психологическом плане) способами. Замена одного вещества (более вредного) на другое (менее вредное) по существу ничего не меняет. Сегодня наблюдаются попытки пропагандировать медикаментозные технологии, ориентированные на блокиро-

вание действия наркотического вещества на нейрофизиологическом уровне. Их действие заключается в том, что человек, употребив наркотик, не получает ожидаемой эйфории. Например, антаксоновая терапия и т.п. Однако технологии данного типа оказались несостоятельными. Мы не будем анализировать причины их несостоятельности, поскольку результаты сами говорят за себя. Другие медикаментозные воздействия построены по принципу «меньшего зла» – к примеру, метадоновые программы. В случае их использования вопрос об освобождении от наркотической зависимости даже не ставится.

И, в-третьих, люди на ранних стадиях употребления легальных наркотиков (никотин, алкоголь), как правило, не выделяют в качестве существенных признаков полученные удовольствия, достаточные для того, чтобы стать главной побудительной силой, ведущей к повторному употреблению. Выходит, что у человека существуют и другие побудительные силы.

Термин «наркотизм», как правило, относится к стадии несистематического, можно сказать, экспериментального употребления наркотических веществ. Вероятность перехода наркотизма в наркотическую зависимость велика, но не абсолютна.

На стадии наркотизма взаимодействуют различные этнофункциональные, социально-психологические и психологические факторы. Мы будем говорить о наиболее существенных из них, не менее важных, чем активное стремление к удовольствию.

Профилактика наркотизма не может обойтись без использования информации о тех опасностях, которые влечет за собой употребление наркотических веществ, без описания угроз организму человека, а также правовых и административных наказаний за хранение и употребление наркотических веществ. Страдания, потери и беспокойство личности возрастают во много раз, если приходится физически участвовать в «экспериментах» с наркотическими веществами, т.е. идти на совершенно неоправданный риск.

Возникает вопрос: почему эта вполне достоверная информация не оказывает должного воздействия, не останавливает многих «экспериментаторов». В поисках ответа на этот вопрос мы обратились к анализу феномена бескорыстного риска?

В.А. Петровский один из первых занимался психологическими исследованиями «бескорыстного» риска [Петровский, 1994]. Он экспериментально подтвердил гипотезу о притягательной, побудительной силе запрета, границы угрозы, опасности для человека, не находящегося в прямой зависимости от них.

Общая гипотеза состояла в том, что одной из возможных форм активности, которую предполагает ситуация потенциальной угрозы, является активность, направленная навстречу опасности и выступающая как *результат свободного выбора* субъекта.

Эксперименты показали, что сближение с опасностью наблюдается во всех случаях, независимо от характера опасности. Проявления «бескорыстного» риска наблюдались и при условии наказания физическим раздражителем, и при санкциях социального порядка.

В ситуации, предшествующей физическому сближению с опасностью, – иногда задолго до принятия решения о рискованном действии – у некоторых испытуемых возникало своеобразное состояние, называемое ими «психологической прикованностью к опасности» (чувства беспокойства, тревоги, подверженности угрозе).

Говоря о «риске», мы имеем в виду действия, направленные на привлекательную цель, достижение которой сопряжено с элементами опасности.

В эксперименте В.А. Петровского индивид при выборе цели будущего действия должен был принимать в расчет фактор угрозы. Целеполагание оказывалось взаимосвязанным с построением образа возможных неблагоприятных последствий совершаемых действий. Это условие предполагало формирование представлений об

альтернативах и включало оценку последствий предпочтения каждой из этих альтернатив.

Само собой разумеется, коль скоро индивид сталкивается с объектом, мера опасности которого неизвестна, возникает необходимость построения образа этого объекта, притом именно со стороны тех его свойств, которые составляют предмет опасений. Соответствующая гностическая (познавательная) активность переживается как влечение к опасности. Особая эмоциональная окрашенность ориентировочно-исследовательской активности, которая делает ее «влечением к опасности», оказывается обусловленной тем, что под воздействием страха последняя теряет свой «свернутый» характер и разворачивается, приобретая форму движения, осуществляемого во внешнем плане.

«Опасен объект или нет, и чем данный объект опасен?» – ответ на этот вопрос, в конечном счете, определяется мерой «совместимости» данного объекта с субъектом. Объект опасен – это значит, что контакт с ним чреват травмой для субъекта. В том случае, если контакт с «подозрительным» объектом окажется, допустим, без ущерба для субъекта, объект выступает как безопасный.

На этот критерий человек стихийно ориентируется, выходя «один на один» с опасностью. Стремясь к потенциально угрожающему объекту, он *устанавливает свою «совместимость»* с этим объектом, что и становится символом отсутствия лично для него реальной угрозы.

Как только достаточный для этой цели контакт достигнут, бывший сигнал угрозы, данный индивиду в форме беспокойства, тревоги, страха утрачивает свою сигнальную функцию и опасения устраняются.

В данном контексте, хотим обратить внимание на то, что человеку свойственно неосознаваемое стремление к опасному объекту для устранения идущей от него угрозы не меньше и не слабее, чем

к удовольствию. Освобождение от переживания угрозы может происходить и в виде символического преодоления опасности.

Возможно, эффект пережитой опасности, «освобождения» от угрозы в результате пробного употребления наркотического вещества, выполняет в дальнейшем роль «щита» в ситуациях «профилактического запугивания» или вразумления преступившего запрет индивида. У него возникает диссонанс в восприятии происходящего: «Все испытывают тревогу, даже страх перед наркотиками, а я не чувствую этого... Я – особенный!», «Я лучше всех!».

Этот эффект может быть отнесен к категории эмоциональных реакций, сходных с катарсисом – особой эмоциональной разрядке, переживаемой как «очищение» от неблагоприятных аффективных фиксаций. Столкновение индивида с угрожающим объектом в действительности может иметь двойкий исход: один из них – катарсис, другой – фрустрация. Фрустрация означает факт и переживание неблагоприятия в результате предпринятого индивидом действия. Движение индивида навстречу опасности, на первый взгляд, решает задачу ориентировки в свойствах потенциально опасного объекта. В действительности это движение выявляет всю противоречивость истолкования поведения как стремления к удовольствию. Принципиальная непредсказуемость исхода предпринимаемых действий, возможный негативный исход ставят под сомнение регулятивную основу гедонистической направленности. Катарсис – «награда» за риск, фрустрация – «расплата» за приобретенные знания и опыт.

Возникает вопрос: если катарсис все-таки разновидность наслаждения, а риск есть способ достижения катарсиса, то можно ли «бескорыстный» (в данном случае исследовательский в отношении себя) риск рассматривать как аргумент против гедонистических концепций поведения? Не потребность ли в наслаждении побуждает к риску? Возможно, рискующие стремятся к наслаждению, и эта потребность может создавать дополнительные побуждения для рискованных действий.

Однако критика гедонистического понимания экспериментирования с наркотическими веществами заключается не в отмене потребности в наслаждении, а в ограничении ее объяснительных возможностей. Если бы индивид стремился только к тому, чтобы удовлетворить свою потребность в наслаждении, то он стремился бы к повышению вероятности этого наслаждения, т.е. исключал бы возможность противоположного исхода. В этом, по-видимому, и заключается несводимость потребности в катарсисе к потребности в наслаждении. Наслаждение для человека не может быть целью, оно лишь следствие достижения, реакция на это достижение [Франкл, 1990]. Потребность в катарсисе – нечто большее. Состояние катарсиса достигается только тогда, когда вероятность его достижения не слишком велика, а точнее, уравновешивается недостижимостью желанного состояния, возникновением противоположного исхода – фрустрацией [Петровский, 1992].

Рассмотрим характерные проявления активности человека в ситуации запрета, социально заданных ограничений возможности осуществления личного выбора. Ситуация социального запрета так же, как и ситуация встречи субъекта с опасным объектом, воспринимается в качестве потенциально угрожающей. Это может вызвать усиление исходного, уже имеющегося у индивида, побуждения к действию или провоцировать тенденцию осуществления запретных действий («рефлекс свободы» И.П. Павлова).

Влечение к нарушению запрета подобно влечению к опасности. И то, и другое представляет собой субъективную форму выражения ориентировочно-исследовательской активности, направленной в одном случае на построение образа свойств объекта, а в другом – неопределенных последствий какого-либо запретного действия и т.п.

В отношении экспериментирования с наркотическими веществами возникает резонанс влечений: влечения к опасности и влечения к преодолению запрета. Создается своеобразное качественное

удвоение возможного исхода действия, как катарсического, так и фрустрирующего.

В случае «благополучного» завершения экспериментального употребления наркотика, «освобождения» от переживания угрозы, идущей от неизвестного объекта – с получением оплаты за риск в виде катарсиса, продолжает оставаться, а значит, сохранять привлекательность («опасный для всех, но не для меня») объект запрета. Запрет – это символ потенциального угрожающего объекта. А потому реакция индивида на запрет обладает определенной специфичностью, которая заключается в том, что выполнение запрета требует неременного мысленного его нарушения. Запрет обеспечивает эмоциональную «заряженность» объекта.

Очерчивая границы чего-либо, человек неизбежно выходит (мысленно или в действии) за пределы очерчиваемого, т.е. само наличие границы, как правило, выступает побудителем активности личности.

Дети, в отличие от взрослых, с трудом дифференцируют мысль и действие. Поэтому, мысленное исполнение ребенком запрещенного действия часто и превращается в нарушение запрета. Не надо торопиться считать, что ребенок поступает не так, как ему говорят взрослые, в знак «протеста», из «злого умысла» или «проявляет негативизм»: просто для того, чтобы освоить запрет, ребенок должен многократно нарушить его.

Простой пример: если запретить себе моргать 10 секунд, то очевидно, что сначала необходимо будет представить «запрещенное» действие: вето на действие всегда вызывает его мысленное проигрывание.

Философ И. Кант со всей определенностью подчеркнул глубокую связь, существующую между мыслимым образом предмета и действием. Он писал, что мы не можем мыслить о линии, не проведя ее. В этом заключается корень того, что образ может переходить в действие.

Однако опыт показывает, что не все то, что «репетируется» в воображении, проигрывается наяву. Для того и существует воображение, чтобы проигрывать альтернативные варианты, производить выбор, предпочитая одно другому. Таким образом индивид может стать субъектом, автором своего собственного выбора. Однако для этого ему необходимо преодолеть полный неопределенности и противоречий путь взросления. Путь, на котором вектор стремления к удовольствию – всего лишь один из приемов упрощенного понимания парадоксальных взаимодействий, диалектически развивающейся личности.

§ 2.2. «Заигранная» реальность

Физическая зависимость – результат «перестройки» биохимических процессов организма в ответ на прием наркотических веществ.

Психическая зависимость, по мнению наркологов, является производной воспоминаний о пережитой в опьянении эйфории. Традиционно высказывается мнение, что в основе механизма формирования психической зависимости лежит желание уйти от жизненных проблем [Иванец, 1995].

Проще всего отнести всех наркоманов к «слабакам» и через это человеку, не употребляющему наркотические вещества, «поверить» в свою силу.

Лозунг многих «научных» и публицистических рассуждений – о том, что «Наркомания – бегство от реальной жизни», уход в искусственный мир, неспособность человека выдерживать требования и проблемы жизни, на наш взгляд, тоже является неверным. Что же у нас за жизнь, если в ней многие даже не могут находиться? Что собой представляет настоящая реальность? Чем тогда является искусство, если не бегством от реальности? Театр, книги, кино, компьютерные игры, музыка? Учебники, словари, задачники? Взрослые игры: шахматы, шашки, Олимпийские игры, чемпионаты мира

по футболу, хоккею? Религия, идеология, Любовь, вера, надежда? Проекты, цели, программы? Игра воображения, мысли, чувства, внутренние монологи и диалоги, музыка, которая звучит, когда душа поет или плачет, замыслы и интриги, мечты, фантазии, идеи – все это в естественнонаучном смысле «виртуальная реальность», не более, чем игра. Весь психический мир человека не является реальностью в прямом смысле этого слова.

«Что наша жизнь – игра!» (А.С. Пушкин, «Пиковая дама»). Игра как условная форма деятельности доступна любому и каждому. Существование игры возможно в любой культуре, при любом мировоззрении, в любую эпоху. Мыслящий человек может легко представить себе реальность того, что является игрой. Можно отрицать любые абстрактные понятия, даже такие, как «красота», «справедливость», «истина», но понятие «игра» отрицать невозможно, так как оно в самом широком смысле неотделимо от человеческой жизни.

С точки зрения детерминированного мыслимого мира, миры сплошного взаимодействия сил, игра есть в самом полном смысле слова излишество, избыток... Мы играем, и мы знаем, что мы играем, значит мы более чем просто разумные существа, ибо игра есть занятие неразумное [Хейзинга, 1992].

В игре человек как бы «удваивается», что позволяет ему договариваться с самим собой обо всем на свете. Очень важное свойство игры – порождение игры, а это значит, что всякий раз «реально» появляется непредсказуемость как условие принятия нового решения. Творчество возможно только там, где есть непредсказуемость и непредрешенность.

В связи с этим все, что принято называть «бегством в искусственный мир фантазий», может быть проинтерпретировано как внутренний, творческий поиск новых решений, новых ресурсов, новых возможностей, необходимых для преодоления предсказуемого бессилия перед возникшими препятствиями.

Мы считаем, что склонность к употреблению ПАВ можно рассматривать как «бегство от реальной жизни», но будет точнее рассматривать ее как устремление (деструктивное, разрушительное устремление незрелой личности) обеспечить себя избыточными возможностями, большими ресурсами, непредсказуемыми решениями, свободой.

Такая точка зрения помогает воспитателям лучше понимать «невидимые миры» своих воспитанников и свои собственные, без чего любая профилактика потеряет смысл.

Мир, о котором идет речь, совсем не то, что ускользает от нашего взгляда и несовершенных приборов. Он постигается иначе, не простой фиксацией сетчатки нашего глаза или шкалой тонких инструментов. Весь психический мир личности – это искусственный мир, самоценный и неповторимый. Он является тем самым «обманом», «иллюзией», но иллюзией, через которую раскрывается нам самая, что ни на есть, сущая правда о мире, в котором мы все живем, правда о нас самих.

В качестве еще одного аргумента напомним, что в психиатрии известен симптом Демора, согласно которому отсутствие зрительных иллюзий у человека есть признак глубочайшей умственной отсталости [Выготский, 1982]. Поразмышляйте об этом. В своих размышлениях вы, конечно, далеко уйдете от реальности, но тогда вы сможете действительно приблизиться к ней.

Вообще, представить себе сознательное избегание не какой-то опасной ситуации или встречи с неприятным человеком, а «реальности самой жизни» весьма проблематично. Для того, чтобы непрерывно избегать чего-либо, нужно хотя бы в общих чертах это предварительно осознавать. В противном случае можно «убежать» не оттуда, откуда нужно и «прибежать» не туда, куда хотелось.

Различного рода навязчивости или вытесненные из сознания психические травмы, на самом деле осознаются человеком с трудом, тогда как употребление наркотических веществ в качестве

«бегства» от жизненно важных проблем всякий раз напоминает о существовании таких проблем, не позволяет забывать о них.

Попытка объяснить употребление наркотиков как инфантилизацию, возрастную регрессию (бегство в детство) при встрече индивида с «непреодолимыми» препятствиями, при внимательном рассмотрении тоже не выглядит убедительной. Авторы такого рода суждений далеки от понимания предмета, о котором они рассуждают. Достаточно привести несколько высказываний молодых людей, имеющих опыт употребления сильных наркотиков, и вопрос о регрессии возраста, по крайней мере, в том виде, в котором его интерпретируют сторонники «бегства в детство», снимается.

«Под наркотиками я могу позволить себе сделать то, что никогда не смогу, не решился бы без них...»

«После дозы, я гораздо увереннее себя чувствую...»

«Наркотик повышает во мне переносимость всего, даже отвращения к себе...», и т.д., и т.п.

Наркотическая зависимость, как и любая другая такого же типа, принципиально характеризуется тем, что индивид не спешит (не очень хочет) от нее избавляться, как, например, от различного рода навязчивостей или дефектов. Навязчивость воспринимается человеком как внешняя сила, создающая неудобства и дискомфорт, тогда как психическая зависимость наркотического характера воспринимается как дополнительная, «скрытая сила», наполняющая тело изнутри. Сила, которая интерпретируется индивидами как личностная самодетерминация.

Навязчивость безусловна, зависимость порождает сложное, многоходовое, «творческое» поведение с несколькими внешними и внутренними, одновременно осознаваемыми, планами. Навязчивость имеет конкретную телесную локализацию, зависимость — скрытую наркоидентичность, самоценную форму проявления психической активности.

Несмотря на то, что любое навязчивое явление всегда переживается человеком как свое собственное, тем не менее навязчивость можно рассматривать как особую форму отчуждения, поскольку будучи осознаваемым как нежелательное, его проявление сознанием не контролируется.

Наркотизм – начальная, «дозависимая» стадия употребления ПАВ, употребление в целях самоподкрепления других форм активности, освобождения скрытых психических ресурсов личности, быстро эволюционирующих в направлении новой «привилегированной» потребности. Средство, приносящее личности силу, перерождается в цель, цель «реорганизует» судьбу, сосредоточивая ее «в одних руках «Я-превосходящего». Целое всегда больше любой части, когда допускает спонтанность в неизбежном и однозначность в неопределенном.

Наш опыт ведения психокоррекционных занятий с наркозависимыми, проведенные клинические беседы, супервизия групповых сессий показали, что подростки, имеющие опыт употребления ПАВ, более коммуникабельны, наблюдательны, хитры, эмоционально активны в некоторых сферах социальной действительности. Необходимость приобретать наркотические вещества, всеми правдами и неправдами добывать для этого деньги, «маскироваться» от милиционеров и родителей, обманывать себе подобных и контролировать многое из того, что вокруг происходит, требует большой актуальной психической включенности.

Наркозависимые (до определенной стадии) более других вынуждены жить и действовать в ситуации «здесь и сейчас», не отвлекаясь на романтические фантазии, не отклоняясь от поставленной цели. Возможно, поэтому, как показывает практика работы с наркозависимыми, многие психотерапевтические воздействия в отношении этих пациентов оказываются малорезультативными. Контроль за происходящим вокруг, даже во время терапевтической

сессии, у наркозависимого может превосходить профессиональную активность и включенность психотерапевта.

Наши наблюдения за психотерапевтическими группами, собственный длительный опыт их проведения, беседы с другими психотерапевтами подтвердили достоверность данного утверждения [Ли-сецкий, Литягина, 2006].

В контексте опровержения «бегства от жизни» имеет смысл упомянуть о некоторых других особенностях наркозависимых, которые нам удалось выявить. Так, периферическое зрение у наркоманов развито сильнее, чем у людей, не имеющих наркотического опыта. Речь здесь идет не о величине поля периферического зрения, которая определена физиологически и примерно одинакова у всех людей, а о скорости, с которой наркозависимые реагируют на возникновение в поле периферического зрения нового объекта. Нами было показано, что наркозависимые лучше и точнее распознают стимулы, которые на короткий момент времени возникают в их периферическом поле зрения. Для подтверждения нашего предположения нами было проведено экспериментальное исследование с использованием специальной компьютерной программы. При выполнении программы в центре черного экрана в течение минуты каждую секунду появляется какая-либо буква русского алфавита. Также в течение минуты в разные моменты времени в разных частях экрана, близко к краям монитора, на короткое время (около 50 миллисекунд) предъявлялись белые изображения простых геометрических фигур – круга, квадрата, треугольника. Испытуемые сидели перед 19-дюймовым монитором на расстоянии 30 см. от экрана. Задача испытуемых заключалась в чтении вслух букв, появляющихся в центре монитора. По окончании минуты экспериментатор спрашивал, какие геометрические фигуры в какой части экрана заметил испытуемый. Показателем успешности выполнения задания было количество верно названных фигур при верно указанном месте их возникновения в верной последовательности. Каждый испытуемый

принимал участие в 5 экспериментальных сериях длительностью в 1 минуту, в каждой из которых предъявлялось 6 изображений фигур. Таким образом, максимальное количество верно названных фигур для каждого испытуемого равняется 30.

Всего в эксперименте приняли участие 30 наркозависимых в возрасте 17-24 лет, находящихся в ремиссии в течение 1-5 месяцев, а также 50 испытуемых контрольной группы – студентов Самарского государственного университета. Результаты проведенного эксперимента представлены в таблице 3.

Таблица 3

Результаты экспериментального исследования способности распознавания фигур в зоне периферического зрения

	Среднее значение	Стандартное отклонение	Значение t-критерия Стьюдента	Степени свободы	р-уровень
Группа наркозависимых	24,4	3,45	2,655	78	0,0096
Контрольная группа	21,7	4,75			

Анализ результатов, представленных в таблице 3, показывает, что наркозависимые испытуемые существенно лучше справляются с экспериментальным заданием. Заметим, что для его успешного выполнения необходимо высокое развитие целого ряда когнитивных навыков: развитость периферического зрения, концентрация и переключаемость внимания, объем оперативной памяти.

В результате этого в актуальной ситуации наркоманы замечают большее количество событий, предметов, различных подробностей, нежели обыкновенный человек. Естественно, что мы не относим данную особенность к положительному, прогрессивному воздействию наркотиков на живой организм, тем более что все наркозависимые испытуемые, принимавшие участие в эксперименте, находились в ремиссии. Эффект возникает в результате вынужденной

психической активности индивида, постоянно находящегося в экстремальных условиях опасности и непредсказуемости.

В ходе проведения диагностических и клинических интервью нами также замечено, что подростки, имеющие опыт употребления наркотических веществ, испытывают меньшую тревогу при разговорах о смерти, о быстротечности жизни, о нарушенном моральном долге, о потере близких людей. Главным аргументом в пользу употребления наркотиков они всякий раз называют «поступки» или события, которые не могли бы произойти на «трезвую голову». Как правило, этим событиям приписывается большее значение, нежели они этого заслуживают. Возможно, в этом и заключается «бегство» от реальности жизни, о котором так много пишут публицисты и говорят воспитатели.

Концепция наркомании как «наркотического бегства» от реальной жизни, на самом деле малопродуктивна. Если от жизни приходится бежать, значит, она похожа на «ад». Гордиться своей адской жизнью ради доказательства наличия настоящей реальности — не очень привлекательный мотив для освобождения от наркотиков.

Есть единственное условие, при котором интерпретация наркомании как «бегства от реальности» имеет смысл. Это условие определяется пониманием того, что наркоман стремится убежать не от объективной реальности жизни, а от собственной субъективной реальности. В первом случае бегство возможно и легко осуществимо. Любой шаг, объективно изменяющий ситуацию вокруг индивида, принес бы облегчение его страданиям. В некоторых случаях люди так и поступают: переезд в другой город, эмиграция, развод или, наоборот, брак, смена профессии и т.д. Однако бегство от собственной субъективной реальности невозможно. Если теперь иметь в виду, что для субъекта очень важна его субъективная реальность, то станет понятно, почему каждая новая попытка бегства от нее лишь усугубляет страдания: кошмары субъективной реальности усиливаются переживаниями невозможности их избежания.

Важнейшая роль в построении субъективной реальности принадлежит самому субъекту. Вопрос заключается в том, чтобы понять, как субъективная реальность, до поры до времени позволявшая индивиду вписываться в объективную реальность, вдруг становится невыносимой. Размышления над этим вопросом наводят на странную мысль о том, что наркоманами становятся те, кто вдруг что-то понял про себя и даже захотел в себе это изменить. Но увы, не сумел.

Первичная профилактика должна быть направлена на то, чтобы человек, открывая в себе нечто, научился относиться к этому без страха и скуки. Тогда, открывая в себе свою субъективную реальность, субъект будет относиться к себе с предвосхищением возможности БЫТЬ.

§ 2.3. Бессилие как «культурная патология»

Ребенок личностно развивается в процессе социализации и обретения самоидентичности [Эриксон, 1996]. Как правило, не вызывает сомнений, что социализация и самоидентичность личности, по определению, явления положительные. Негативный результат возможен лишь при отклонении от нормального процесса личностной социализации, при отрицательном стечении обстоятельств или при перенесенных в детстве психологических травмах.

Негативные последствия социализации, в непрерывно развивающейся среде высоких технологий, возникновения все новых средств удовлетворения и формирования потребностей человека, остаются малоизученными. Быть может, это связано с огромными скоростями технического перевооружения жизни человека (когда выясняется вред какого-либо приспособления – оно успевает устареть), а, возможно, привлекательность новых технологий столь велика, что не хочется думать об их негативных последствиях.

Тем не менее, культурно-исторический процесс закономерно порождает не только новые достижения, но и новые формы пато-

логии, так называемые «культурные патологии» [Тхостов, 2005]. Такие патологии раньше не существовали и не могли существовать по техническим причинам, например, интернет-зависимость, зависимость от компьютерных игр. Реальность нашей жизни сегодня острее, чем раньше, отражается в сочетании двух противоположных просвещенческих традиций прошлого идущих от Д. Дидро и Ж.-Ж. Руссо. Первая гласит, что прогресс – безусловное благо, ведущее «натурального человека» к совершенству, вторая, что прогресс подвергает «культурной порче» чистую и благородную природную сущность человека.

Развитие цивилизации и весь научно-технический прогресс направлены на то, чтобы человек, проявляя все меньше усилий, мог осуществлять все больше масштабных преобразований в окружающем его мире.

Любая технология, создаваемая культурой, направлена на экономию усилия, на снижение напряжения, на облегчение жизни. Любые орудия, от палки до машин и компьютеров, призваны облегчить или сэкономить человеческие силы, создать рычаг, модифицировать несовершенное тело, обеспечить результаты, недостижимые в естественных условиях.

Не вызывает сомнений, что человек – субъект и протагонист в культурно- историческом процессе. Однако, при исследовании индивидуально-психологического уровня его жизнедеятельности возникает понимание степени риска и возможности стать жертвой культурных достижений человеческого общества. Примеры очевидны. Автомобиль ведет к ожирению, раннее использование компьютера мешает формированию навыков арифметических действий у ребенка и т.п. Значит, социализация, в определенных случаях, может затруднять гармоничное развитие личности человека.

Исследуя понятие «культурная патология», А.Ш. Тхостов описывает ее проявление в виде «конверсионных расстройств» – нару-

шений отправления отдельных телесных функций, не основанных на органических патологиях.

В сфере психических функций «культурная патология» проявляет себя диссоциативными расстройствами – нарушением произвольной регуляции и десоциализацией целостных психических функций.

Разделяя точку зрения А.Ш. Тхостова, мы рассматриваем предпосылки и формы возникновения наркотической зависимости как одной из наиболее опасных и распространенных «культурных патологий».

Проблематично рассматривать культуру, даже в самом широком смысле, как основание для возникновения у человека индивидуально-психологических патологий. Тем не менее, практика показывает актуальность такого подхода. Психосоматические заболевания, различного рода психические зависимости (аддикции), наркомания, игромания, интернет-зависимость и др. быстро распространяются, приобретая все новые и все более опосредованные формы влияния на личность человека. Необходимость разобраться в психологических феноменах и механизмах этих явлений очевидна. Тем более, что риск возникновения патологии находится в самом основании культурно-исторического развития человека. Речь идет о знаково-символическом опосредовании. Знаково-символическое опосредование – универсальный инструмент, осваиваемый в онтогенезе, который дает возможность человеку овладеть своим поведением через овладение управляющими стимулами. Эта идея, взятая у Гегеля, была предназначена объяснить возможность влияния на реальное поведение субъекта Воли [Гегель, 1992]. Поскольку не ясно, каким образом можно «прикрепить» волю к материальному действию, ибо они находятся в разных пластах, была использована метафора «хитрости» разума, не вмешивающегося в действие природных сил, но сопологающего их в последовательности, отвечающей желанию субъекта, без нарушения природных законов. Напри-

мер, существование самолета ни в коей мере не нарушает ни одного закона природы, но в природе самолетов не бывает, а его изобретение позволяет человеку совершать действие, не совместимое с его природой – летать. Тем не менее идея знаково-символического опосредования действительно раскрывает специфическую функцию культуры – ослабление усилия. Более того, она отражает еще одну очень важную функцию, а именно, возможность знаково-символического удовлетворения потребностей, перенесения действия в символический пласт.

Удвоение мира за счет знаково-символического пространства, пространства культуры, значительно расширяет возможности человека. В результате, помимо прямого действия становится возможным действие символическое. Читая книгу, слушая музыку, просматривая кинофильм, человек может испытать почти те же чувства, которые мог бы испытать, став физическим героем этих произведений.

Таким образом, расширяя пространство жизни, культура, одновременно, существенно облегчает человеку удовлетворение и реализацию многих потребностей. Приближая момент удовлетворения, сокращая и облегчая к нему путь, культура, при этом, лишает человека самостоятельного усилия во времени и пространстве. Это делает возможным распад согласия между чувствами и реальными действиями человека. Получается, что иллюзорное удовлетворение потребностей оказывается не чем иным, как достижением культуры. Естественно, не в этом состоит ее цель, тем не менее, сегодня уже созданы и широко распространены специальные технологии по управлению человеческими потребностями, помогающие овладевать такими произвольно управляемыми состояниями, как аппетит и сексуальное возбуждение.

Алкоголь и наркотики – искусственные модификаторы психического и физического состояния человека. Они обладают психопатологической спецификой воздействия на живой организм, но, тем

не менее, невозможно отрицать, что они не являются продуктами культуры.

Можно сделать предварительный вывод о том, что возможность знаково- символического опосредования как механизма произвольной регуляции и удовлетворения потребностей может стать следствием побочного эффекта культуры – «культурной патологией».

Теперь внимательнее рассмотрим особенности социализации психических и телесных функций конкретного индивида. Она заключается в превращении его биологических по происхождению функций в «высшие» биопсихосоциальные, формируя, таким образом, у него область «новых возможностей», приобретаемых прижизненно, произвольно регулируемых и социокультурных по происхождению [Выготский, 1982; Леонтьев, 1983]. Для порождения высших форм психики и развития саморегуляции индивиду принципиально необходимо совершать определенные усилия, самому подбирать и фиксировать соответствующие психофизические напряжения. Наличие необходимой последовательности фаз саморегуляции формирует нормальную линейную модель времени, включающую в себя прошлое, настоящее и будущее, дающую индивиду возможность оперативной, текущей регуляции процессов жизнедеятельности и долгосрочного планирования. Психологическое переживание времени сначала рождается как заторможенная деятельность, как протяженное, пролонгированное напряжение, которое затем само становится высшей формой смысловой регуляции «расчетного» усилия и предполагаемого напряжения. Сама по себе регуляция имеет смысл только при существовании представления о времени и жизненной перспективе, которые и порождают в индивиду субъекта саморегуляции. Через торможение, задержку, отказ, напряжение и произвольное внутреннее усилие только и могут объективироваться те или иные функции и феномены психики. М. Мамардашвили принадлежит мысль о том, что жизнь – это усилие во времени [Мамардашвили, 1997].

В случае неуспешного прохождения фазы социализации на индивидуально-психологическом уровне может возникнуть фиксация архаической, циклической модели времени, в которой непознаваемые внешние силы своевольно, «неисповедимо» управляют субъектом. Эти силы исключают для человека возможность планирования, делая его полностью детерминированным внешней или внутренней (физиологической) стимуляцией. Необходимо обратить внимание на то, что именно произвольная регуляция превращает индивида в субъекта и является центральным звеном формирования его идентичности. Поэтому недостаточность произвольной регуляции, субъектная невыраженность может рассматриваться как психологический механизм нарушения переживания времени и самоидентичности. Подобное возникает и в ситуациях патологически рискованного поведения или при различного рода зависимостях (аддикциях) [Тхостов, 2005].

В этом контексте время можно рассматривать как превращенный вариант интериоризированного усилия субъекта, связанного с торможением удовлетворения потребностей, отсрочкой психической и физической разрядки, фиксацией усилия достижения.

В условиях современного развития информационных технологий и технического прогресса возникновению «культурных патологий» могут способствовать и другие предпосылки. Менее фундаментальные и более ситуативные. Однако, их последствия в жизни конкретной личности бывают чрезвычайно разрушительными. Различного рода психотравмы, жестокое обращение в семье, насилие, пережитое в детстве, могут оказывать значительное влияние на судьбу человека. Но, как показывает практика, возникновение «культурной патологии» возможно и в условиях гипертрофированной любви к ребенку, т.е. на противоположном полюсе психотравмирующего воспитания. Ссылаясь на старых и новых психоаналитиков, А.Ш. Тхостов доказывает, что не только избыточное насилие или ранняя психотравматизация вызывает психопатологические

симптомы, но и избыточное облегчение существования ребенка превращается в тормоз развития навыков самостоятельности, сепарации и даже построения устойчивых границ субъекта. «Всеприсутствующая мать», удовлетворяющая все потребности ребенка до их актуализации, лишает его возможности формирования устойчивого выделения себя из мира. Воспитатели не должны забывать, что мера физиологической и психологической неудовлетворенности способствует или препятствует формированию центра кристаллизации субъектности, сознания и самосознания личности, устойчивых границ «Я». Гипертрофированная любовь способствует развитию «невротической личности» не меньше, чем отсутствие любви или травмирующее насилие.

«Невротическая структура» – следствие избыточной любви или отсутствия «третьего» в диаде мать – ребенок. Они исключают необходимость в приложении собственных усилий ребенка к завоеванию своего места, своего права, поскольку все это заранее уже завоевано [Фромм, 1990; Фуко, 1998].

Сегодня широко известная концепция так называемого воспитания без принуждения интерпретируется педагогами крайне однобоко, несмотря на наличие фундаментальных исследований методологических и методических основ свободного воспитания [Магомедов, 1993].

По-видимому, идею травматизации ребенка в процессе его воспитания позаимствовали у классического психоанализа, и без необходимой адаптации стали ее внедрять в педагогическую практику. Дошло до того, что ученик может получать необходимые знания и умения без всякого принуждения, без усилия, без оценок и даже лежачим. В результате, к моменту перехода в среднюю школу ученики плохо знают таблицу умножения, а к моменту окончания школы не всегда способны показать на карте мира страну, в которой живут. С точки зрения «гуманистической» педагогики все это не очень важно, поскольку основная цель – развитие свободного

человека! К сожалению, у таких детей диагностируется неадекватная самооценка и особенности волевой сферы, затрудняющие их социальную адаптацию и развитие личности [Корольков, Петленко, 1977].

Всем давно известно, что обучение ребенка есть с помощью ложки, а так же другим элементарным гигиеническим навыкам не происходит гладко. Феномен наказания, прямого или косвенного, в широком смысле, принципиально неустраним из процесса приобщения ребенка к жизни в культуре. Это ставит под сомнение представление о возможности абсолютной гармонии диады во-первых, ребенок – взрослый, во-вторых, субъект – социум [Фуко, 1996]. Есть руками гораздо проще, в связи с тем, что регуляция деятельности телесных функций, влечений и потребностей требует постоянных и довольно значительных усилий.

Для ребенка преимущества высшей функции перед натуральной не всегда очевидны. Преимущество высшей функции, заключающееся в потенциальной возможности выхода субъекта за границы наличной ситуации и действия (или недействия) в соответствии с иными, ненатуральными правилами, а иногда и вопреки им. Показательно, что усилие, прежде чем стать интериоризированным (осознанной, потенциальной возможностью), изначально регулируется извне и, соответственно, имеет генетическое родство с насилием. Без усилия, торможения, напряжения, запрета у субъекта не может быть выбора. Выбор – условие свободы. Выбор без моего усилия, без моего участия – это выбор другого за меня, что способствует потере моей свободы, исчезновению меня как действительного субъекта личной жизни.

Свободное воспитание не должно освобождать ребенка от усилий и напряжения, не должно предопределять его выбор, оно должно обеспечивать условия для выбора в процессе произвольной интериоризации усилий.

К сожалению, предпосылки «культурной патологии» не ограничиваются процессом воспитания, исключая усилия воспитанника. Достижения в области информационных технологий, открывающие человеку новые большие возможности, иногда тоже оказываются не безобидными.

Интернет для неопытного пользователя легко превращается в экзотические «джунгли», где можно непроизвольно заблудиться среди яркой и привлекательной информации, в большинстве случаев совершенно бесполезной. Способы размещения и подачи информационного материала в Интернете настолько быстро и сильно «захватывают» внимание пользователя, что для его освобождения требуются значительные психологические усилия. «Блуждание» по Интернет-пространству генерализует желание человека быстро фиксировать и обрабатывать непрерывно поступающую информацию, не упуская все новые, каждое мгновение открывающиеся, возможности. Это желание не может быть реализовано, так как оно, в принципе, невыполнимо. Множество «эффектов незаконченного действия» [Зейгарник, 1981] непрерывно накладывается друг на друга, ограничивая субъекту рефлексию происходящего с ним в действительности переживания. Мозг, перевозбужденный избыточной стимуляцией, не в состоянии справиться с такого рода задачей. Сознание субъекта утрачивает иерархичность и последовательность целеполагания. Человек в этой ситуации пытается делать одновременно все, более того, информационный поток, упорядоченный определенным образом, параллельно подкрепляет в нем чувство, что это возможно, что все вот-вот получится, что желание будет удовлетворено, что до триумфа осталось совсем немного. На самом деле, это невозможно, недостижимо, но субъект, утрачивая свою субъектность, оказывается погруженным в своеобразный транс. Информационная перегрузка как способ наведения транса подробно описана в работах М.Эриксона [Эриксон, 2003]. Известные психологические феномены «устремление» [Петровский, 1992]

и «поток» [Чиксентмихайя, 2006] принципиально отличаются от вышеизложенного состояния наличием эффекта саморазвития личности и подлинной, а не «заимствованной», субъектности.

К другому источнику «культурной патологии» можно отнести феномены «выученной беспомощности» [Селигман, 2006] или «обученной беспомощности» [Ротенберг, 2002]. Беспомощность – это неспособность сделать или совершить что-либо без внешней посторонней помощи. Выученная беспомощность является результатом обучения ребенка беспомощности собственных усилий. Выученная беспомощность, возникшая при определенных условиях (гиперопека, игнорирование, отсутствие выбора), может быть распространена на другие сферы жизни и деятельности человека. Сферы, где достижение личного успеха не только желаемо, но и при некотором усилии возможно. «Интерриоризированное бессилие» ограничивает индивиду становление его субъектности среди множеств идентификаций.

Многочисленные технические средства, социальные, в том числе коммуникативные технологии, созданные для облегчения жизни людей, все более эффективно справляются со своими задачами. Они настолько облегчили удовлетворение почти любой потребности современного человека, что усилия, необходимые для удовлетворения потребностей или для совершенствования собственных личностных средств развития и самореализации, стали почти не нужными. Удовлетворение любой потребности нажатием «одной кнопки», без личного усилия, без осознания смысла совершаемого действия вредит здоровью личности и здоровью тела. Мир без целеустремленного усилия конкретной личности к самосовершенствованию – это сон, обморок, смерть, остановка прогресса.

Постоянное усилие имеет принципиальное значение не только в генетическом плане, для формирования высших форм психической деятельности, но и вообще для нормального функционирования человека. Вакуум усилия способствует возникновению «пус-

тот» в чувстве существования. Эти пустоты человек стремится заполнять во что бы то ни стало. Длительное пребывание в состоянии, заполненном чувством беспомощности или бессилия, невыносимо и разрушительно. «Пустоты» постепенно начинают играть роль новых потребностей, которые можно обозначить как потребности «в заполнении внутренней пустоты». Их сходство с потребностями в новизне, творческой активности, личностной устремленности только внешнее, на самом деле, потребность «в заполнении внутренней пустоты» аморфна по структуре и безразлична к сознательному выбору индивида. На основе такого рода потребностей, чаще всего, возникают различного рода зависимости, жестко детерминирующие поведение человека.

В природе человека не заложена потребность в употреблении наркотиков, иначе бы человечество давно выродилось. Наркотическая зависимость – продукт формирования высших потребностей, хотя и патологический. Зависимость позволяет получать удовлетворение от бессилия как такового, «заимствовать субъектность» (Лисецкий К.С.).

Еще один источник патологии заключается в том, что сама система социокультурной регламентации может быть крайне противоречива, то есть представлять собой систему взаимоисключающих требований. Это сильно проявляется в отношении потребностей, жестко регламентируемых культурой, например, сексуальной потребности. Одна из наиболее фундаментальных человеческих потребностей на самых ранних периодах истории регламентируется законодательно, с жесткой, но при этом крайне противоречивой системой запретов, в отношении нарушения которых формируются даже особые «правила нарушения» [Корольков, Петленко, 1977]. Неудивительно, что сексуальные расстройства относятся к числу наиболее распространенных, особенно в развитых странах.

Интернет, предоставляя пользователям огромные возможности для коммуникации (чаты, блоги, форумы), находит все большее

распространение не только в молодежной среде, но и у старшего поколения. Достоинства этого очевидны, но не стоит забывать о психологических издержках общения без усилий. Поскольку собеседники не видят друг друга, они могут представляться кем угодно, приписывать себе не свойственные качества, называть себя любыми именами. Эта увлекательная игра, не требующая усилий, располагает к безответственности и фантазированию. Однако, если со временем фальсификация не раскрывается, то подлинные отношения между соучастниками общения могут стать невозможными. Если у пользователя в реальной жизни имеются проблемы с общением и стабильностью идентификаций, то Интернет-общение (общение без напряжения) мало поможет ему в решении этих проблем и даже будет способствовать размыванию ранее сложившихся форм идентичности.

Сегодня бурно развивается индустрия развлечений: лотереи, телеигры, викторины, казино и компьютерные игры, а так же формы поощрения потребительской мотивации, когда нужно собирать крышечки, бирочки, фрагменты рекламных слоганов и др., то есть все, что приносит какой-нибудь успех без усилий, опыта и напряжения. Необходимость много и напряженно трудиться воспринимается молодым поколением как жизненная неудача. Все время хочется угадать букву и стать наконец-то миллионером. Глянцевые журналы пропагандируют и утверждают ценности, противоречащие нормам традиционной социализации. Резкое изменение стереотипов, особенно в России, деформирует образ мира, усиливает дефицитарность идентификации и патологические феномены психологических защит, «благословляет» бегство от жизни и противоречивые способы совладения с ней.

В завершение стоит упомянуть, что суперинформационные технологии легко трансформируются в супердезинформационные, способные создавать и поддерживать ложные представления о людях, об исторических событиях, о мире в целом.

Э. Фромм отмечал еще в прошлом веке, что прогресс не оправдал ни одного из великих ожиданий: люди не стали ни свободнее, ни счастливее [Фромм, 1990].

Спор, начатый Д. Дидро и Ж.-Ж. Руссо, продолжается до сих пор. Злоупотребление наркотическими веществами и другие формы зависимости остаются смертельно опасными условиями социализации личности.

Проблема эффективности профилактики «культурной патологии» становится все более актуальной. Но профилактика сегодня должна заключаться не в «прививках старины», а в развитии субъектности каждого ребенка, когда его самосозидающее усилие исключает возможность удовлетворения бессилием. Для этого в процессе социализации личности нужно согласовывать природное и культурное в человеке как онтологически заданное, а не только как когнитивно понятное, выбирая между насилием и бессилием индивида усилие субъекта.

§ 2.4. Культура вынужденных желаний

В отличие от животного, инстинкты не диктуют человеку, что ему нужно, в отличие от человека вчерашнего, традиции не диктуют сегодняшнему человеку, что ему должно... Не зная, что нужно и должно, человек утрачивает представления о том, что хочет...

В. Франкл

Проблема вчерашней психологии – проблема должного хотения. Ното-желающий должного?!... Сравните: свобода – осознанная необходимость; жить в обществе и быть свободным от него нельзя и т.п.

Сегодня должное уступает место смыслу. Смысл не существует вне акта переживания. Обеспечение осмысленными переживаниями превращается в задачу для психологии, педагогики, культуры, способа организации самой человеческой жизни.

Если человек перестает наполнять смыслом (осознавать) культуру, в которой он живет, или еще не осознает, потому как не может, или не знает как, то культура для него выступает только как поток отдельных ощущений или запретов и предписаний. Человеческое отношение к действительности не равно самой действительности на величину переживаемого смысла.

Наркомания – это болезнь, порождающая в условиях города свою культуру: субкультуру – по смыслу, контркультуру – по динамике, блеф-культуру по притязаниям. Наркокультура – культура долженствующего хотения.

В период взросления, чтобы справиться с физическими, эмоциональными и социальными переменами, подростки, демонстрируя независимость, одновременно ищут поддержки у окружающих их людей. Так образуется круг сверстников, играющий существенную роль в развитии социальных навыков ребенка. Подросток легко перенимает у своих товарищей как конструктивные, так и деструктивные виды поведения, в числе которых могут быть и «наркоманские» формы инициации.

Наркоманская субкультура сложилась как реакция на отношение общества к наркомании. Появление и развитие наркоманской субкультуры – объективный процесс. Она «служит» кругу наркоманов для «смягчения» явлений, на которые люди за ее пределами смотрят как на психическое отклонение или как на криминальное поведение. Проведенные исследования [Березин, Лисецкий, и др., 2001б; 2005б и др.), анализ содержания и направленности наркоманской субкультуры позволяют говорить о ней как об «антисистеме», явлении крайне негативном, поскольку она способствует приобщению к наркотикам и поддерживает их употребление. Ее

можно отнести к социальным факторам наркотизации населения. Она привносит в общество особый жаргон, настроение и стиль поведения, свои традиции и представления.

Наркоманская культура чрезвычайно устойчива по отношению к любым направленным на ее деструкцию явлениям. Даже традиционная криминальная субкультура с ее вековыми стереотипами и нормами поведения, кодексом, жаргоном, фольклором и т.п. оказалась бессильна перед натиском наркоманской субкультуры. После того как в местах лишения свободы резко увеличилось количество заключенных, осужденных за распространение, хранение и производство наркотиков, система отношений в исправительно-трудовых учреждениях частично утратила свою всем понятную структуру. Осужденные по «наркоманским» статьям не очень-то старались жить «по понятию» старого криминального мира. Умение доставать «дурь» повышало их социальный статус в криминальном мире.

Наркоманская субкультура обманчива, но для подростка реально притягательна. Жизнь наркомана – постоянный риск, неограниченная свобода, самоутверждение, новые впечатления, приключения, насыщенность переживаниями. Подростку кажется, что отношения среди наркоманов – идиллические: забота, преданность, дружба, самоотверженность и т.д. Его удивляют свойственные наркоманам легкость установления межличностных контактов, пронизательность и т.д. Действительно, каждый наркоман в считанные минуты может найти общий язык с любым человеком, тем более, подростком.

На самом деле группа наркоманов – лишь собрание людей, каждый из которых выступает друг для друга средством достижения одной-единственной цели – очередной дозы. Наверное, сплоченность в группе наркоманов действительно высокая, поскольку они все объединены одной целью. Однако, взаимодействие среди них не возможно. Все делается либо инстинктивно (рефлекторно), либо следуя примеру своих единомышленников с большим наркоман-

ским опытом. Источником «творческой активности» являются ложь и беспринципность.

Психологический механизм возникновения зависимых отношений может быть представлен как перенос эмоциональных отношений с живого объекта на неживой, или изменением отношения к живому, как к неживому (Березовский). Отношение к человеку как к вещи, как к средству исключает человеческую свободу, отношение к химическому веществу как к живому ограничивает свободу личности в собственном развитии. Нахождение в несвойственных человеческим эмоциям отношениях способствует нарушению самосознания, разрушает главное условие личностного развития – свободу выбора. Лишение свободы, как и предоставление ее не отменяет необходимость (осознанную необходимость), но ограничивает безответственность выбора. Угнетение потребности субъективно выбирать лучшее может приводить к переосознанию, к переоценке необходимости, к выбору ложной свободы.

Обычно наркоманы приобщают новичков к наркотикам двумя способами.

Первый – опосредованный. Он заключается в косвенном влиянии на подростка с помощью ярких эмоциональных рассказов о насыщенности жизни наркоманов, о «красочности» переживаний, об «ином» мире, о престижности наркотиков. В результате подросток начинает верить в то, что самое интересное в жизни – наркотики и все, что с ними связано.

Второй способ – прямой, он заключается в непосредственном предложении наркотиков. Человек в среде наркоманов долго не может быть лишь наблюдателем. Он либо уходит из этой среды, либо начинает жить по ее правилам. Если группа является для него значимой, то он стремится сохранить общение и свое членство в ней, но, в этом случае, он начинает употреблять наркотики, которые вскоре становятся уже не средством общения, а условием существования.

Наркоманская субкультура на первом этапе знакомства имеет для соприкоснувшихся с ней подростков эмоциональную привлекательность, дает им возможность иного решения многих проблем, почувствовать неограниченную преданность, любовь, дружбу, риск, свободу, ощутить престижность своего положения, приобрести к миру, недоступному родителям и другим взрослым.

Наркоманская субкультура чрезвычайно жизнеспособна. Она легко допускает то, что в обществе принято считать неприемлемым, то, что отрицает семья и школа. Близость смертельной опасности обостряет чувства, ускоряет мысли, эмоционально насыщает обыденную жизнь.

Наркоманская субкультура задает модель поведения и одновременно предоставляет полигон для ускоренной социализации подростка. Эксперименты «за пределами дозволенного», «посвящение в избранные» увлекают любопытных, обеспечивая «идеологическую» устойчивость системы. Таким образом, наркокультура легко приспособливается и сохраняет свою привлекательность для подростка, конфликтующего со взрослым миром. Знаки и знаковые системы наркоманской субкультуры становятся средствами развития и реорганизации психики и сознания подростка. Наркоманская субкультура выполняет роль альтернативной социализации подростка.

Необыкновенный, неведомый, недоступный устаревшим во взглядах родителям опыт позволяет подростку чувствовать себя более значительным. Наркокультура обесценивает и обесмысливает любые другие культурные достижения, воспроизводит и противопоставляет всему, в том числе, и самой жизни, экзистенциальный вакуум, заполненный своей же ретрансляцией.

Наши исследования помогли понять причину столь безрезультатных попыток социального воздействия на наркокультуру. Диалог с вакуумом оказывается практически невозможным!

Однако, это совсем не означает полного отсутствия порядка и логики в организации наркокультуры. В ней легко обнаруживаются некоторые динамические аспекты ее функционирования. Являясь изначально абсурдной, поскольку ее цель и результат находятся в непримиримом противоречии, наркокультура реализуется в постоянном преодолении моральных и правовых ограничений посредством низложения всех традиционных человеческих ценностей.

Потребность человека в преодолении собственной ограниченности, снятии запретов, освобождении чувств, удовлетворяемая в условиях наркокультуры, может быть понята как механизм формирования психической зависимости. [Петровский, 1996; Березин, Лисецкий, 1999].

Изучение семантических конструкций наркокультуры с использованием методов контент-анализа, интент-анализа [Ушакова, Павлова, 2000; Лапшова, 2001], нарративного анализа, а также методологического аппарата психосемантики, позволило нам выявить некоторые глубоко скрытые аспекты ее функционирования, уловить ее «антилогику».

1. Слитность (нерасчлененность) содержательных и операциональных значений.

В наркокультуре тексты высказываний строятся, как правило, из одних предикатов (бессубъектно). Как показали результаты контент-анализа и интент-анализа психотерапевтических сессий с участием наркозависимых, большинство суждений имеют, чаще всего, форму глаголов, а субъект высказывания (подлежащее) в предложениях либо обозначается невербально, либо не обозначается вообще.

2. Инакоязычность. Зашифрованность.

«Язык», живущий в общепринятом языке общения. Слова, которые используются при построении фраз, текстов и даже диалогов в среде «посвященных» в наркокультуру, по существу не имеют никакого отношения к своим первоначальным значениям.

Слова в процессе их замещенного употребления «впитывают» субкультурные смыслы, сливаются, подкрепляются действиями и переживаниями, происходит соединение несоединимых в реальности качеств, свойств, частей, предметов (агглютинация). Слова – это не только средства (слуги) общения, но и результат общения, результат «производства общего» (В.А. Петровский), и тогда они уже «хозяева». Лексикон оказывает влияние на формирование образа мышления об окружающих вещах и людях. Так, например, слова «машина», «баян» означают шприц, «колеса», «чек» – таблетки, дозу и т.п.

Наши исследования показали, что главная опасность существования «тайного языка» не столько в том, что его не всегда понимают родители, наставники и учителя, сколько в том, что, разговаривая на общепринятом языке, используя общепринятые слова, взрослые направляют мысли своих воспитанников в другое русло, не подозревая об этом.

3. Прямая противоположность значений и действий.

Противоположность первоначально обнаруживается в том, что из лексикона подростка, «входящего» в наркокультуру, постепенно «вымываются» высказывания личностного характера, высказывания от первого лица и единственного числа, то, что принято называть «Я», и заменяются на высказывания от первого лица множественного числа, то, что принято называть «Мы».

Однако, формирование спланивающего, на первый взгляд, образа «Мы», на самом деле не соответствует и даже противоречит действительным отношениям, складывающимся между подростками, начавшими употреблять наркотики. В наших психосемантических исследованиях этот факт наглядно проявился в противопоставлении в семантическом пространстве наркозависимых объектов «Мы», «типичный наркоман» и объектов «мои друзья», «мои близкие».

4. Религиозно-философские утверждения.

Ригидно-когнитивные конструкции, наполняемые лишенными смысла (вне контекста) религиозно-философскими утверждениями. Утверждения, взятые из различных литературных источников, выполняют скорее агитационно-идеологическую роль и преимущественно для тех, кто испытывает интеллектуальные сомнения в предлагаемых действиях, связанных с употреблением наркотиков. Здесь легко обнаружить буддийский отказ от всех желаний, христианское всепрощение, необходимые употребляющим наркотики условия для жизни в среде, построенной на тотальном обмане, презрительное отношение к земной жизни, обещанную всеми религиями вечность, и всеобщее коммунистическое равенство. Смесь растворяющая любую нравственность.

В качестве внешних атрибутов рекламно-побудительного характера наркокультуры для начинающих выступает мифологическая эклектика двух субкультурных образований. Первое можно назвать элитарной (богемной) субкультурой, носителями которой являются артисты, художники, звезды эстрады, люди искусства и люди около искусства, а также богатые меценаты и спонсоры. Второе можно назвать криминальной субкультурой, носителями которой являются люди, живущие «по понятиям», воры, бандиты, криминальные авторитеты, мошенники, бывшие осужденные, преступные группировки. Как в элитарной, так и в криминальной субкультуре допустимо употребление наркотиков, однако, оно (употребление) не является самоценным и стержневым, как в наркокультуре. Более того, каждая из двух названных субкультур имеет четко выраженную направленность и отнюдь не аморфную систему ценностей. Наличие правил и ценностей обуславливает существование санкций за их нарушение или попрание. Как в элитарной, так и в криминальной субкультуре существуют механизмы (экономического, морального, психологического характера), сдерживающие неумеренное употребление наркотических веществ.

В названных субкультурах складывается иерархия, обуславливающая соподчиненность всех ее членов, а значит и конкуренцию между ними. В наркоманской субкультуре лидеры могут возникать лишь ситуативно, только для получения дозы, поскольку иерархии как таковой не существует, то соответственно, и устойчивой структуры в наркоманской группе не складывается [Березин, Лисецкий, 2001в].

«Звезда» шоу-бизнеса вылетает с «Олимпа», если утрачивает профессиональную конкурентноспособность, это далеко не всегда связано с употреблением наркотических веществ, но наркотики могут стать причиной ее потери. Таким образом, «баловство» с наркотиками находится под контролем системы. В противном случае, система избавляется от своих неудачников, и тогда наркокультура их принимает безвозвратно.

Еще более строго обстоит дело с употреблением наркотиков в криминальном мире. Авторитеты, криминальные иерархи лишаются доверия своей системы в случае злоупотребления наркотиками. Наркотики употреблять не запрещено, но становиться зависимым не позволено никому из лидеров. В криминальном мире наркотики являются скорее основой бизнеса, источником финансового благополучия и наполнения «общака», нежели смыслом жизни отдельных членов или группы в целом. В преступной среде наркоманы, как правило, не могут занимать важных постов из соображений безопасности и устойчивости системы.

Обобщая изложенное, можно говорить об особых отличиях наркокультуры от других субкультурных явлений. Отсутствие иерархии, специфичность субкультурного продукта, того, что называется экзистенциальным вакуумом, что позволяет заметить полную недиалогичность наркокультуры как извне, так и изнутри, единомыслие ее членов, с одной стороны, и полное отсутствие доверия во взаимоотношениях, с другой стороны, а также элементы демонстративного псевдоэлитарного поведения в сочетании с универ-

сальной преступной направленностью, даже без криминальной квалификации. Высокая степень подражательности говорит о маргинальности наркокультуры, в которой остается одна единственная ценность, один бог, одно правило – наркотик.

Сегодня наркотики переместились из субкультурных сфер в пространство «нормализации» и «развлекательности» внутри господствующих практик современной молодежной культуры. Наркотические вещества (ПВВ) становятся частью повседневной жизни молодых людей, сопровождают легальные (алкоголь, никотин), выступая «деликатесной» частью досуговой активности.

Отсутствие качественных исследований, раскрывающих специфику «нормализации» наркопрактик среди молодежи, затрудняет развитие социальной политики по разработке профилактических программ в России.

Карательные, репрессивные и административные меры в отношении наркотизма, как показывает практика, недостаточны и не всегда эффективны. Более того, названные меры противоречат протестной символике современной молодежной культуры, которую всячески пропагандируют массмедиа. Развитие идей, связанных с «развлекательным» характером употребления «всякой всячины», создает и усиливает двусмысленность официальных оценок в отношении смертельной опасности наркотизации молодежи.

По этой причине оказываются малоэффективными различные молодежные волонтерские движения, направленные на активную пропаганду здорового образа жизни. На первый взгляд, может сложиться впечатление, что просоциальные подростки при существующей поддержке взрослых, способны создать противовес «анти-социальным» подростковым поколениям. Однако, при более глубоком изучении вопроса становится очевидным, что волонтерские движения такого типа существуют только для самих себя, направлены сами на себя и в случае прекращения внешнего финанси-

ния или опекающе-контрольного присутствия взрослых, быстро превращаются в виртуальные организации.

По определению, подростки могут считаться просоциальными, если они следуют общественным идеалам, нормам, ценностям, образу жизни. Антисоциальные подростки – это те, кто противопоставляет себя правилам и нормам, установленным старшим поколением.

Пока существовал комсомол (ВЛКСМ), молодым людям была гарантирована ясность, что такое «хорошо», а что такое «плохо», что представляет собой общественный идеал, к которому все должны стремиться. Сегодня, во-первых, такой ясности нет, что немало важно, а во-вторых, подростки, отдавшие предпочтение экспериментированию с ПАВ, являются не антисоциальными, а скорее асоциальными, т.е. безразличными, равнодушными к господствующим идеалам, которые весьма противоречиво пытается навязывать им старшее поколение.

Исследования показывают, что общество уже прошло период локальных общественных реакций (профилактическая деятельность энтузиастов-одиночек) [Омельченко, 2000]. Сложился новый тип реагирования на молодежную наркоманию: завуалированная толерантность или разочарованная агрессивность. В результате – рассогласованность усилий и непредсказуемость результатов. С учетом такого положения активизация имеющихся методов работы по профилактике наркотизма с подростковыми группами риска становится все более бесперспективной.

Противоречивость – это свидетельство сложности процессов институционализации наркотизма. Молодежный наркотизм сегодня – новая социальная болезнь или асоциальная привычка? Выбор акцента определяет выбор отношения к проблеме и соответственно, стратегию необходимых действий. Перспективу жизнеспособности, на которую может в будущем рассчитывать наше государство.

Положение обостряется еще и тем, что два мира, мир взросления и мир взрослости, творимый мир и уже сотворенный, сегодня не находятся в диалоге. Две культуры, взаимообуславливающие друг друга, плохо взаимодействуют. Это ведет к сужению восприятия времени и целостности жизни. Неопределенность – новое неизбежное свойство действительности, с которым в процессе воспитания подрастающего поколения нельзя не считаться. Для того, чтобы жить и действовать, нужна определенность. Однако когда ее нет в окружающей социальной действительности, каждый шаг становится экспериментом с неизвестным исходом. К сожалению, жить и действовать в таких условиях, расти, уметь, взрослеть в условиях неопределенности, справляться с ней, самостоятельно развивать свою личность никогда не учили и пока что нигде не учат.

Прежняя литература по проблеме наркотизации молодежи потеряла силу, а новая еще только начинает создаваться. Специалисты в большинстве своем не имеют опыта работы в новых условиях «нормализации» наркотизма при жестко формулируемых требованиях со стороны государства по организации профилактической работы в школе, вузе, среди родителей, и потому так часто вынуждены делать «что-нибудь» из старого «репертуара».

В то же время СМИ продолжают способствовать распространению и усилению моральной паники вокруг подросткового наркотизма среди взрослого населения путем стигматизации (приговора) наркозависимых подростков, а также их семей к неизбежной гибели.

При этом все в тех же СМИ четко прослеживается тема героя-одиночки, победителя над всеми своими конкурентами. О том, как нужно избавляться от соперников в интеллектуальных, спортивных или других соревнованиях, когда на экране телевизора в очередном реалити-шоу участники уничтожают друг друга, объединяясь не на почве общего дела, а против более достойного соперника. «Ты –

хороший. Но извини, мы тебя должны уничтожить», «Боливар не выдержит двоих», «Сам выплывай, но не забудь утопить своего товарища» и т.д. Эксплуатируя и заигрывая «на грани фола» с рискованными темами в целях получения прибыли, такими, как сексуальность, не столько как привлекательность, сколько как сексуальное могущество, легкий и быстрый способ получения денег путем выигрыша, перепродажи продуктов чужого труда, спасения ребенка из богатой семьи и т.д.

Гедонизм из мотивов получения удовольствия превратился в идеологию непрерывного потребления удовольствий и избегания неудовольствий любой ценой. В отношении к наркотикам дети не в состоянии воспользоваться опытом своих родителей, поскольку его либо не было, либо он поверхностный, то есть на уровне обыденных представлений. Постоянное стремление к удовольствиям – весьма странный способ развития самостоятельной творческой личности. Разрушение прежних нормативных систем, социальных навыков порождают ситуацию неопределенности, в которой дети обретают мир как пространство жизни, а родители его утрачивают.

Разделение наркотиков на «легкие» и «тяжелые» способствовало проникновению первых в массовую молодежную культуру наряду с алкоголем, курением, употреблением пива. В представлениях молодежи существует четкое разделение между теми, кто пробовал наркотики и больными наркоманией. В этом кроется противоречие между представлениями взрослых и молодежи на предмет употребления наркотиков. Взрослые считают употребление наркотиков отклонением от нормы, тогда как в подростковой субкультуре отклонением от нормы может считаться тот, кто наркотики не пробовал. Второе противоречие заключается в информации о наркотических веществах. Информация о наркотиках противоречива, избыточна, искажена, что чаще всего способствует стремлениям молодых людей иметь свое личное мнение, основанное на собственном опыте.

Как правило, в обсуждениях и дискуссиях по поводу наркотиков в молодежной среде почти не слышно правовых и моральных критериев в содержании высказываний и оценках. «Баловство» с наркотиками подростки часто не ассоциируют с нелегальным бизнесом, а запреты взрослых воспринимают как капризы по поводу потери своего влияния.

Названные противоречия взрослого и подросткового дискурса затрудняют взросление современных юношей и девушек. Они вынуждены самостоятельно, не имея никаких эталонов или социальных образцов, в своих собственных терминах формулировать представления о сущем и должном, о смысле и цели жизни, о значимых и одобряемых ценностях.

Подростковая культура вопреки призывам СМИ к героическому одиночеству как условию получения «главного приза» жизни, остается культурой, основанной на групповой активности и групповой солидарности. Взрослые представления о наркотиках как отклонениях от нормы легко трансформируется в молодежной среде на противоположные: кто не пробовал, тот и отклонился от нормы. Как сохранить идентичность и целостность, находясь одновременно в двух расходящихся в разные стороны мирах? Как избежать конфликта внутри и снаружи?

Изменить сложившуюся ситуацию возможно, если для начала задаться целью правильно ее понять, а затем, с учетом нового понимания, освободиться от ошибочных и нерезультативных стратегий в сфере молодежной политики.

§ 2.5. Личность как субъект своего организма

Искать единственную причину употребления людьми наркотических веществ – дело малополезное. Причин для этого может быть столько, сколько бывает проблем в жизни человека. Наркотическая зависимость легче всего возникает у подростка не тогда, когда его жизнь невыносимо тяжела, и не тогда, когда она легка (и потому

бывает скучна), а тогда, когда он переживает в себе избыточные возможности, открывает в себе другой «формат» своей личности, позволяющий ему справляться как с тяжестью, так и со скукой в своей жизни [Научно-методические основы первичной профилактики..., 2000].

Наркотики в буквальном смысле «отдают» судьбу каждого в его собственные руки. Но тогда это проблема личного выбора отношения к себе, к другим, к окружающему миру [Лисецкий, 2002], не бегство от «принципа реальности» к «принципу удовольствия».

Единственный мотив в ситуации выбора, который может быть выражен однозначно – ЗАХОТЕЛ. Человеку всегда, даже в счастливые мгновенья, не хватает чего-то, чтобы еще лучше себя почувствовать.

Мы предприняли попытку разобраться в некоторых особенностях субъективного выбора подростка, его «хотении хотеть», в неисчерпаемом желании испытать себя, даже если это осуждается окружающими или опасно для жизни. Дело даже не в том, что «запретный плод так уж сладок», и не в том, что подростку вдруг стало нечем себя занять, а в том, что ситуация, в которой есть множественность исходов, дает шанс подростку на преодоление себя, на переживание личностной целостности.

В наркологии принято считать, что **физическая зависимость** развивается в результате того, что организм человека «настраивается» на прием наркотических веществ и включает их в свои биохимические процессы. Это постепенно приводит к соматовегетативным и неврологическим нарушениям, способствуя астеническим, депрессивным, невротическим и психопатическим расстройствам. В случае если организм не получает очередную дозу наркотического вещества, начинается абстиненция (как говорят в народе – ломка).

При рассмотрении **психической зависимости и психологических факторов употребления наркотических веществ** мы обна-

ружили много спорного и пока еще малопригодного в конкретной профилактической работе [Психологические особенности наркома-нов периода взросления, 2000].

В наркологии и психиатрии психическую зависимость определяют как болезненное стремление к постоянному или периодическому употреблению наркотических веществ, в основе которого лежит воспоминание о переживании эйфории. Употребление наркотиков обеспечивает индивиду возможность испытывать желаемые приятные ощущения или снимать чувство дискомфорта. Злоупотребление наркотическими веществами ведет к формированию патологической структуры в личности употребляющего. Для такой личности становятся характерными следующие проявления.

1. Обострение борьбы мотивов в отношении оценки своего состояния и самочувствия.

2. Охваченность желанием (компульсивным или импульсивным стремлением) получать наркотическое вещество без учета ситуации.

3. Доминирование отношения к наркотическому веществу как сверхценности, отказ в его пользу от других альтернатив, наслаждений и интересов.

4. Периодический или циклический рост частоты употребления и концентрации наркотика вопреки пониманию вредных последствий.

Лекарства, обладающие психоактивными свойствами, рекомендуют больным, находящимся в депрессивных, тревожных, ипохондрических и других состояниях подобного рода. Лечебные свойства психоактивных препаратов используют для преодоления аутизма, расширения контактов с окружающими, снижения агрессивности в поведении больных и др.

К сожалению, наркотики употребляют не только больные люди, для которых наркотическое вещество играет роль лекарства, но и значительное число людей, для которых ПАВ – универсальное

средство самоизменения своего душевного состояния. Ответ на вопрос: «Зачем они это делают?» содержится в самом названии – «психоактивные вещества» – вещества, способные изменять психическую активность человека. Естественно, что при немедицинском употреблении наркотиков все их лечебные качества сохраняются. В связи с этим у врачей возникает искушение приписывать незаконным потребителям наркотиков различные психические расстройства (подобные названным выше) до того, как они (расстройства) действительно диагностированы.

Медицинская наука и практика придерживаются объективных методов и показателей в лечении больных. Иначе быть и не может. Однако, когда речь заходит о низкой результативности наркологической помощи, то все специалисты высказывают обвинения в адрес «плохих» личностных качеств своих пациентов. «Бессубъектный» в начальный период лечения больной после неудачного лечения объявляется субъектом своего активного, чуть ли не сознательного «невыздоровления», а наркомания – неизлечимой болезнью.

Неизлечимость наркоманов обосновывается их психопатиями, особенностями (акцентуациями) характеров, искаженными представлениями о себе, низкой самооценкой, преобладанием гедонистических установок, недооценкой вреда наркотиков, положительным отношением к легальным наркотикам, затруднениями в общении, стремлением зарабатывать на распространении наркотиков, несформированностью высших эмоций, личной незрелостью, стремлениями искать защиту у окружающих, неспособностью принимать рациональные решения и контролировать себя, привычкой избегать жизненно важных проблем. Все это может послужить поводом для употребления наркотиков. Но тогда получается, что первопричиной наркомании нужно признать «неидеальность» человека. Только у идеального человека нет и не может быть повода для употребления наркотиков.

В литературе можно встретить сравнение психической зависимости с «чувством любви». Влюбленный все время думает о предмете своей страсти, ожидает встречи с ним, стремится к нему, радуется, если встреча вот-вот состоится, тоскует и нервничает, если она откладывается, готов на все, чтобы постоянно быть рядом с предметом своего влечения. Любовь до сих пор не смогли объяснить ни философы, ни поэты. Так что мы имеем дело с определением одной неизвестной переменной через другую, еще более неизвестную и более сложную переменную.

Как наркотические вещества влияют на самочувствие, поведение, психические процессы и личность индивида, написано много книг и статей, но как психические процессы и личность могут влиять на поведение и самочувствие потребителя наркотиков, мы пока знаем очень мало.

Влияние различных заболеваний на личность человека более или менее подробно описано в медицинской литературе. Тогда как влияние личности на возникновение физических заболеваний основательному рассмотрению пока что не подвергалось.

Если личность по своей природе (и по определению) активна, то она не может быть бесконтактной, изолированной от организма инстанцией, временно прописанной в «теле» отдельно взятого индивида. Соответственно она не может быть безразлична, нейтральна в отношении болезненных состояний ее носителя. Личность, проявляя себя определенным образом, либо способствует, либо препятствует развитию болезни тела.

§ 2.6. Сенсомоторная и личностная составляющие хорошего настроения человека

Человек – предмет взаимодействия двух разнородных, противоречащих друг другу источников: природного и культурного. Синтез природного и культурного (организмического и социального) создает «новые единицы» бытия человеческого Мира – мир

Отношений. Эти отношения являются основой существования и дальнейшего развития человеческой личности. Если синтез осуществляется в условиях сложного, противоречивого с точки зрения личности выбора (в ситуации неопределенности, непредрежденности, риска), то мы говорим о проявлении человеком своей субъектности, об акте его личностного самоопределения. Если личность человека в какой-то мере психофизична, то его соматика в той же мере личностна.

В связи с этим, мы предлагаем понимать проблему злоупотребления наркотическими веществами как проблему личности, употребляющей наркотики в определенном социальном контексте, когда общество и культурная среда реагируют на это весьма противоречиво. Личность и социум имеют источники собственной активности и при определенных условиях могут становиться причинами изменений самих себя. Наркотическую зависимость мы будем понимать как форму отношений «Личность – наркотик», а также как форму взаимоотношений субъекта с самим собой.

Прежде чем начинать дорогостоящее медикаментозное лечение, стоит ответить на вопрос, почему наиболее результативными программами реабилитации наркозависимых являются программы: «12 шагов», группы взаимопомощи, духовно-ориентированные центры и трудовые общины?

О взаимосвязи умственных, эмоциональных и волевых процессов с физическими действиями человека известно давным-давно. Еще в XIX веке И.В. Сеченов подробно описал взаимовлияние «чувствования» (невидимого извне психического процесса) и «действия» (внешне наблюдаемого физического движения) [Сеченов, 2004]. Будучи различными по происхождению, они сопровождают друг друга до момента завершения человеком своего действия и «разрядки» чувства. Когда «разрядка» чувства и окончание действия совпадают, человек переживает состояние удовлетворения.

Когда они не совпадают, снижается мотивация к дальнейшему действию.

«Чувствование» выполняет сигнальную функцию для «действия». Оно непрерывно посылает сигналы обратной связи в мозг человека, обеспечивает ему различение ситуативной динамики пространственно-временных изменений и возможность отличать одно мгновение от другого.

«Чувствование» имеет свой онтологический статус. Это легко заметить в случаях, когда человек вынужден делать то, что не хочет, или то, что ему неприятно. Сознание может «нашептывать» различные мотивы, но обмануть «чувствование» на протяжении всего «действия» ему удастся редко. Действие наперекор своим чувствам не бывает успешным. Противоположные чувства вызывают в теле дополнительные напряжения и усталость.

Активационная теория Линдсея-Хебба раскрывает влияние ретикулярной формации нижней части ствола головного мозга на эмоциональное состояние человека. Эмоции возникают вследствие нарушения и восстановления равновесия в соответствующих структурах центральной нервной системы [Изард, 1980].

Эмоции регулируют психическую активность человека, оказывая на нее вполне определенное влияние в зависимости от характера и интенсивности эмоционального переживания. Д.О. Хебб экспериментальным путем получил кривую, выражающую зависимость между уровнем эмоционального возбуждения человека и успешностью его практической деятельности. Между эмоциональным возбуждением и эффективностью деятельности человека существует криволинейная, «колоколообразная» зависимость (Рис. 4).

Для каждого человека (а в целом и для всех людей) имеется оптимум эмоциональной возбудимости, обеспечивающий максимум эффективности в работе. Оптимальный уровень эмоционального возбуждения, в свою очередь, зависит от многих факторов: от особенностей выполняемой деятельности, от условий, в которых она

протекает, от индивидуальности включенного в нее человека и от многого другого. Слабое эмоциональное возбуждение не обеспечивает должной мотивации деятельности, а слишком сильное разрушает ее, дезорганизует и делает практически неуправляемой.

Рис. 4

Возбуждение усиливает или ослабляет мотив. Но, по результатам исследований Д.О. Хебба, и мотив усиливает или ослабляет возбуждение. Это позволяет нам говорить о взаимосвязи побуждений и возбуждений человека, побуждений, направленных на поиски оптимального в конкретной ситуации возбуждения.

До сих пор не получил окончательного ответа вопрос о том, каков этот оптимальный уровень. Некоторые сторонники данной концепции считали, что оптимальный уровень, к которому стремится организм, — некий нулевой уровень. Однако факты говорят о том, что это не так, поскольку некоторые виды раздражителей мы, несомненно, активно ищем сами. Например, такие, как вкус сладкого, сексуальные заигрывания, спортивные тренировки или захватывающие дух аттракционы. Эти действия не имеют смысла, если стремиться снизить уровень возбуждения или избежать стимуляции.

Поиск стимуляции можно наблюдать даже у животных, в частности крыс, которые предпочитают пить искусственно подслащенную воду, ради которой им приходится преодолевать препятствия, вместо того, чтобы пить обычную и без труда, хотя подсластитель не содержит калорий и не утоляет голода. Подобные выводы можно

сделать и в отношении деятельности, движимой любопытством или «работой ради работы». Люди изобрели много способов испытывать парадоксальные удовольствия от страха и опасности. Похоже, что переживание удовольствия от решения не необходимой, не навязанной извне задачи уже является наградой. Люди приобретают загадки-головоломки, решают кроссворды и анаграммы в газетах, а также другим бесконечным множеством способов, часто весьма экстремальных, усиливают свою активность вместо того, чтобы постараться снизить ее, сэкономить свою энергию. Например, прыжки с парашютом с высотных зданий требуют огромных эмоциональных затрат.

Эти факты говорят, что оптимальный уровень возбуждения, вероятнее всего, находится выше нуля. Если же мы находимся значительно выше этого уровня, мы пытаемся снизить стимуляцию своей активности.

Каков же оптимальный уровень? Меняется ли он от мотива к мотиву? Для чего люди «охотятся» за дополнительными стимулами? Чтобы достигать оптимального уровня возбуждения, люди изыскивают разные способы. Иногда даже специально приглашают интересных людей, например, для организации неожиданных ситуаций или чтобы развеять скуку. Поиск стимуляции может привести к радикальным изменениям уровня возбуждения с помощью употребления наркотиков.

Можно говорить о перманентно присущей потребности человека улучшать свое состояние. Все люди периодически хотят взбодриться или расслабиться, но при этом не очень-то хотят потерять сознание и самоконтроль. Возможно, что именно здесь проходит граница между легальными и нелегальными наркотиками, то есть теми, которые не изменяют сознание и не лишают самоконтроля человека (чай, кофе, сигареты, сухое вино), и теми, что ведут к изменению сознания вплоть до потери самоконтроля.

Среди наркотиков существуют две большие группы – транквилизаторы и стимуляторы. Стимуляторы повышают возбуждение, а транквилизаторы снижают его. К транквилизаторам относятся различные седативные вещества (например, барбитураты), алкоголь и опиаты (опиум, героин, морфий). Общий эффект выражается в снижении активности всех нейронов ЦНС.

Может показаться удивительным, что пьяные люди часто бывают шумными и агрессивными и совсем не производят впечатления сонных и подавленных. Однако, если понимать, что гипервозбужденность нетрезвого человека – это процесс растормаживания психической активности после принятия первых доз алкоголя, когда деятельность тормозящих синапсов головного мозга подавляется, а функции возбуждающих синапсов еще не нарушены, тогда все становится на свои места. Вследствие этого обычные рамки поведения расширяются, и человек может вести себя несвойственным ему образом, испытывать эйфорию и отсутствие сексуальных и агрессивных ограничений. При продолжении употребления алкоголя подавление активности распространяется на все мозговые центры. Наступает общее замедление функций. Внимание и память становятся все более расплывчатыми, движения – неловкими, речь – смазанной, до тех пор, пока человек не потеряет сознание. В отличие от алкоголя и других успокоительных, опиаты действуют как анальгетики (болеутоляющие) и влияют на отдельные опиатные рецепторы. К тому же один из них – героин – при внутривенном введении способен вызывать сильную эйфорию, «улет», иногда схожий с сильным сексуальным возбуждением.

Стимуляторы – амфетамины, кокаин – усиливают кровяное давление, вызывают бессонницу, но при малых дозах – обеспечивают внешне спокойное поведение. Это привело к тому, что амфетамины (декседрин, цилерта, ритамин) стали использовать при лечении людей, страдающих гиперактивностью или расстройствами внимания.

Кроме того, стимуляторы повышают настроение, обеспечивая ощущение эйфории. Естественно, что наркотические вещества вызывают привыкание и в дальнейшем – зависимость. По мере употребления повышается толерантность организма к наркотику, требуется увеличение дозы для получения прежнего эффекта. В дальнейшем, когда наркотики отсутствуют, возникает абстинентный синдром. В общих чертах симптомы этого синдрома противоположны тому действию, которое оказывают наркотики.

Наш поиск элементарного и общего основания употребления наркотических веществ не имеет смысла. Как и другие ученые, психологи были бы счастливы получить ясные и точные определения изучаемого явления. Но природа, по всей видимости, создавала живой мир не для того, чтобы делать психологов счастливыми...

Живые организмы имеют физиологические потребности, которые они должны удовлетворять, чтобы жить. Но как только мы начинаем изучать причины и рассматривать мотивы поведения людей в деталях, мы обнаруживаем, что наше поведение зависит не только от физиологии, и не только от наших знаний о той среде (внешней и внутренней), в которой мы живем и действуем. Наше поведение не однозначно и не односмысленно, поскольку подвержено влиянию так называемого «третьего фактора». Оно зависит от того, насколько и как мы сами пользуемся способностью к самодетерминации и свободе.

Действительно, создание какой-либо строго научной теории свободы проблематично по определению. Свобода как таковая может возникать только там, где отсутствуют или преодолеваются ограничения. Соответственно, все существующие в мире открытия и теории всех наук возникали всякий раз в результате проявления их создателями авторской свободы преодоления сложившихся ограничений.

Вопрос о том, как возникают у человека новые возможности, всегда интересовал исследователей различных философских и

психологических школ. Избыточные возможности приносят человеку любовь, вера, вдохновение, устремления, состояние «потока», различного рода измененные состояния сознания (ИСС) и др. От остальных сфер индивидуальной активности человека их отличают самоценность, способность сообщать смысл всему происходящему во внешнем и внутреннем мире человека, переживание личностной целостности и самопричинности. При помощи ПАВ появляется суррогатная возможность преднамеренно изменять психическое и физическое состояние человека, регулировать непосредственно нерегулируемое самочувствие, снижать онтологическую энтропию мотивационной сферы, «утолять жажду» психологической целостности.

Психическое состояние индивида (невидимое, непосредственно не наблюдаемое) может быть зафиксировано его сознанием на определенный момент времени как интегральное ощущение: благополучия – неблагополучия, комфорта – дискомфорта и т.п. в тех или иных подсистемах организма или всего организма в целом.

Одной из главных субъективных характеристик психического состояния человека является его «настроение». Понятие «настроение» широко употребляется, причем в обыденной речи даже чаще, чем в языке психологов. В психиатрии этот термин признается вполне инструментальным. Трудно перечислить все определения понятия «настроение».

Согласно взглядам С.Л. Рубинштейна, настроение в отличие от других эмоциональных образований ЛИЧНОСТНО. «Настроение – не специальное переживание, приуроченное к какому-то частному событию, а разлитое ОБЩЕЕ состояние» [Рубинштейн, 1989].

Н.Д. Левитов понимал настроение как общее эмоциональное состояние, которое в течение известного времени окрашивает переживания и деятельность человека. Причина такого состояния человеком не всегда осознается, и в этих случаях настроение переживается как «безотчетное». «Для понимания специфичности на-

строения его полезно сравнивать с музыкой. Именно настроение дает душевной жизни мелодию, гармонию и тембр» [Левитов, 1964]. По мнению И.М. Сеченова, детерминантами настроения являются интероцептивные ощущения («смутное валовое чувство общего благополучия или неблагополучия») и отношение человека к окружающей действительности, к самому себе и так далее в каждый момент времени.

Понятие «настроение» часто употребляется для обозначения относительно устойчивых эмоциональных фоновых состояний. Если под фоновым понимать состояние, исходное для большинства актуальных состояний личности, то в термине «фондовый» отражена основная функция настроения.

Настроение можно считать общим смысловым контекстом всей духовной жизни и деятельности человека, оно связано со всеми переживаниями и поступками личности. В отличие от эмоций, чувств, аффектов настроение является эмоциональной реакцией не на ближайшие, непосредственные события и ситуации, а на внутреннюю интегральную оценку их значимости для личности в контексте ее общих жизненных планов и интересов, целей и ожиданий. Психика целостна, в ней есть звенья (части), реализующие целостность ее организации (строения) – временной, пространственной, функциональной и т.д. Личностные структуры и психические состояния относятся к психическим явлениям различного временного масштаба. Существуют звенья, которые их связывают, сохраняя целостность психики. Роль такого звена, реализующего постоянное влияние личности на психические состояния, выполняет настроение.

Настроение обеспечивает взаимосвязь структур личности с различными компонентами психических состояний – чувствами и эмоциями, переживаниями событий, происходящих в духовной, социальной и физической жизни личности, психическим и физическим тонусом индивида [Куликов, 1997].

Роль настроения для психического состояния аналогична роли направленности для личности. Настроение как вектор обуславливает развертку относительно устойчивых (доминирующих, преобладающих) и актуальных (текущих, переходных) состояний, их формирование и динамику в конкретной ситуации.

В настроении представлены особенности телесного, душевного и духовного бытия личности. С другой стороны, настроение само оказывается отражено в них. В структуре настроения выделяются: эмоциональная составляющая, составляющая отношений, когнитивная составляющая, мотивационная составляющая и составляющая физического самочувствия. И все же, настроение – это феномен, относящийся к душевной жизни человека. То есть, когнитивная, эмоциональная и мотивационная сферы личности оказывают на него сильное влияние, но эмоциональная среди них преобладает.

Эмоциональную составляющую характеризует доминирующая эмоция – чувственный фон [Мясищев, 2004]. В эмоциональный компонент входит переживание телесного благополучия – физического комфорта или дискомфорта. «Настроение – в этом смысле бессознательная, эмоциональная «оценка» личностью того, как на данный момент складываются для нее обстоятельства» [Рубинштейн, 1989].

Значение настроения в жизни человека трудно переоценить. Возможность произвольного управления настроением остается огромным искушением для каждого человека. Хорошее настроение бесспорно лучше плохого, и возможно, поэтому трудно объяснить подростку, почему страдать лучше, чем употреблять наркотики. Это противоречие хорошо иллюстрирует вечный детский вопрос: «Мама, почему то, что вредно – приятно, а то, что полезно – противно?» Почему лучше, когда тебе плохо, чем когда тебе хорошо? Зачем страдать, когда есть средство, избавляющее от страданий?

§ 2.7. О психофизиологии «Я – превосходящего»

Практика последних десяти лет убедительно доказала несостоятельность системы запретов и санитарного просвещения в качестве профилактических средств в отношении наркотической зависимости личности.

Система запретов, как было отмечено ранее, мало эффективна, поскольку технологии распространения наркотиков в молодежной среде давно к ней приспособились и используют ее (систему запретов) как провокативный прием усиления мотивации к потреблению. Запугивающая, предупреждающая информация в период взросления часто провоцирует нарушение запретов и предписаний взрослых. Возникает парадоксальная ситуация: чем активнее декларируются взрослыми запреты, тем активнее хочется их преодолевать подросткам. В результате, большинство профилактических систем и программ помогают осваивать в интересной и увлекательной форме поведенческие копинг-стратегии, часто упуская при этом развитие личностно-психологической сопротивляемости (субъектности) как таковой, поскольку эти программы могут быть реализованы только при условии проявления любознательности и покладистости со стороны участников.

В подростковом возрасте идеи независимости в качестве идентификационных признаков привлекательнее, чем положительные примеры хорошего, правилосообразного и осмотрительного поведения. Попытки некоторых авторов воздействовать на подсознание подростков, привлечение к профилактической работе НЛП-технологий сколько-нибудь заметных результатов тоже пока не дали [Ковалев, 2001].

Наличие развитого интеллекта у подростка не является защитой от употребления ПАВ. Среди потребителей наркотиков есть люди с высоким и низким интеллектом, с высокими и низкими показателями школьной и ВУЗовской успеваемости. Более того, значительная часть употребляющих наркотики – люди творческие и

разносторонние [Максимова, 2006]. На первый взгляд это можно объяснить тем, что творческая нереализованность личности является одной из значимых причин школьной дезадаптации подростка и, следовательно, повышения вероятности употребления наркотических веществ.

Развитие творческой активности личности существенно зависит от реакции взрослых на спонтанную активность ребенка. Это помогает ребенку чувствовать и осознавать себя субъектом творческой деятельности. Как правило, дети с творческим, но нереализованным потенциалом проблемны и конфликтны.

Нереализованное творчество толкает человека к разрушению или саморазрушению. Э. Фромм определяет выбор личности в таких ситуациях как «творить или уничтожить» [Фромм, 1998]. Д.Б. Богоявленская предложила понимание творчества как выход за рамки требуемого. Творческая активность личности также может быть понята через понятие «неадаптивная активность» [Петровский, 1992]. В результате проявления неадаптивной активности происходит спонтанное усмотрение новой возможности – появление нового образа, идеи, цели и др. С.В.Максимова предлагает рассматривать творчество как единство неадаптивной и адаптивной активности, что помогает отличать творческий потенциал и его конкретную реализацию. Именно нереализованность творческого потенциала оказывает деструктивное воздействие на личность. С.В. Максимова опровергла концепцию И.Ю. Борисова о «гедонистическом риске», предупреждение которого определяет эффективность профилактики [Максимова, 2006]. Опираясь на концепцию А.В. Петровского о склонности творческой личности к бескорыстному риску, С.В. Максимова выделила два типа такого риска: ответственный риск взрослого эго-состояния и безответственный риск детского эго-состояния.

Мы считаем данную точку зрения наиболее близкой нашему подходу в профилактике наркотической зависимости, который за-

ключается в содействии подросткам в решении онтологически значимых задач взросления и формировании внутриличностной системы самоподдержки. Проявлять субъектность в предрешенной воспитателями ситуации бессмысленно. Неизбежность исключает ответственность за произошедшее и производимое, без ответственности не происходит саморазвитие личности. Действительно, человек обречен лично отвечать за свой выход в непредрешенное (мог бы не выходить, меньше было бы проблем и у него, и у окружающих). Однако, он выходит, «оплачивая» пользование свободой собственной ответственностью. Субъектность – особое качество личности, которое позволяет человеку быть автором своего бытия, причиной происходящего. Условия нашей жизни позволяют нам наблюдать, как возможности самостоятельного выбора человека приобретают все большее значение в его судьбе. Свободно и, вместе с тем, ответственно принимая непредрешенное, человек испытывает себя в своей первопричинности, полагает себя субъектом жизни, обретая свое идеальное существование, представленность и продолженность в себе и других людях.

Вслед за В.А. Петровским, мы в процессе экспериментальных исследований практической работы с подростками смогли подтвердить, что проявления субъектности человеком в процессе взаимодействия с другими людьми «заразительно» и является источником личностного развития для всех. При этом повышается оригинальность мышления, увеличивается готовность к «бескорыстному риску», усиливается флексибельность происходящего, изменяются пороги возникновения зрительных иллюзий, повышается значимость каждого участника действия, уменьшается фрустрационное реагирование, активизируется идеальная представленность людей друг в друге. Однако, проявление субъектности, как было сказано ранее, может быть как собственным, так и заимствованным. Заимствованная субъектность, оставшаяся без последовательной и ответственной

ной рефлексии, может легко стать основой для возникновения психической зависимости личности.

Известно, что различные наркотические вещества неодинаково влияют на организм человека. Опиаты, барбитураты, снотворные, психостимуляторы, галлюциногены дают различные эффекты при их употреблении. Однако, в процессе исследования мы исходили из ранее высказанного положения: **«наркомана создает не наркотик, а особого рода «развитие» его личности в условиях употребления наркотиков»**. Это помогло нам найти ответ на вопрос: Почему наркокультура столь длительное время сохраняет свои позиции даже там, где наркотики давно отсутствуют? Почему наркоманские отношения могут воспроизводиться в условиях других больших и малых субкультур?

Наши исследования подтвердили известное положение о том, что употребление наркотиков способствует появлению и развитию новых качеств в личности их потребителя. Качеств, которых в личности ранее не было или они не доминировали, однако в дальнейшем, приобретенные в период наркотизации, эти качества сохраняются независимо от того, продолжает человек употребление наркотиков или нет. Качественные изменения затрагивают мотивационную, коммуникативную, волевою и смысловую сферы наркозависимой личности.

В связи с этим мы рассматриваем психологическую зависимость как особую активность личности потребителя наркотиков, которая сама является причиной последующего формирования специфических особенностей, новообразований в поведении, сознании и самосознании потребителей ПАВ. Возможно, именно поэтому наркотическая зависимость столь психологична, а ее только медикаментозное лечение столь неэффективно. Проблема заключается в том, что **начинает употреблять наркотики одна личность, а выздоравливать должна будет уже совсем другая.**

Употребление наркотических веществ уголовно наказуемо, поэтому потребитель должен всегда действовать скрытно, не вызывая подозрений. Жить так, как будто никакой зависимости у него нет. Чтобы все время быть «другим», нужно быть внимательным, осмотрительным, решительным. Необходимость в постоянной маскировке, игре, лицедействе, способствует развитию сложных форм поведения, прогнозирования, рефлексии. Возможно поэтому, высказывания специалистов об интеллектуальной деградации употребляющих наркотики не всегда и не во всем верны.

Описание психологических особенностей состояния наркотического опьянения помогает понять динамику внутриличностных изменений наркозависимого. В чем же заключается состояние, которое «не знает» скуки, усталости, разочарования, а также подлинных чувств, доверия, любви и ответственности? Проявления этого состояния весьма парадоксальны. Оно способно повышать работоспособность индивида даже после приема успокаивающих (седативных) средств и снижать ее после употребления порции стимуляторов.

Изменения, наблюдаемые в психической сфере потребителей наркотиков, затрагивают все уровни их психической организации, от простейших ощущений до «Я-концепции».

При употреблении наркотических веществ исчезает состояние дискомфорта, хронические болевые и неприятные ощущения, напряжения и «пустоты» в теле. Дыхание становится свободным и почти незаметным, замедляется пульс. По телу волнами проходит тепло. Внешние границы тела «рассеиваются», внутренние препятствия «исчезают». Локализуются, а затем «выключаются» все очаги неудовлетворенности, тревоги, страха, зависти, стыда, чувства вины. Тело наполняется «самополагающим» движением или покоем. Движения воспринимаются свободными, согласованными и точными. Иногда возникает мышечное напряжение, дрожь в руках, в пальцах, но быстро проходит. Иногда появляется расслабленность

до неподвижности. Кажется, что тело становится «послушнее». Если возникает возможность уединиться, хочется поблаженствовать, возможно, поспать. Во сне наблюдается движение глазных яблок, как будто человек видит сны. Однако, разбуженный в этом состоянии, человек затрудняется воспроизвести содержание своих снов.

Наркотическое опьянение создает конфигурацию «новых» границ тела иной чувствительности и размерности. А.Н. Леонтьев писал, что «сенсорные модальности ни в коем случае не кодируют реальность. Они несут ее в себе. Поэтому-то распадение чувствительности (ее переверзии) порождают ирреальность мира, явления его «исчезновения» [Леонтьев, 1983].

Нами было проведено исследование психофизических особенностей наркозависимых в состоянии наркотического опьянения. Исследование проводилось в медицинских учреждениях, занимающихся деинтоксикацией – «чисткой организма» после применения наркотических препаратов. Задачей исследования заключалась в проверке порогов чувствительности у человека, находящегося под действием наркотических веществ. Как известно, порог различения ощущений для разных анализаторов является постоянной величиной, известной в психологии как константа Вебера. Нами было обнаружено, что действие любого наркотика связано, в том числе, с изменением данной величины. Использование t -критерия Стьюдента для одной выборки позволило установить значимые различия между величиной константы в норме и значением отношения Вебера для человека под действием наркотических препаратов. Общая характеристика обнаруженных нами изменений представлена в таблице 4. Отметим, что чем ниже значение константы – тем выше чувствительность человека к изменениям в том или ином анализаторе.

Таблица 4.

Характеристики отношения Вебера у лиц, находящихся в состоянии наркотического опьянения в сравнении со значением константы Вебера в норме

Порог ощущений	Значение константы Вебера
Ощущение изменения высоты звука	ниже
Ощущение изменения яркости света	ниже
Ощущение изменения веса предметов	выше
Ощущение изменения громкости звука	ниже
Ощущение изменения давления на поверхность кожи	выше
Ощущение изменения вкуса соляного раствора	без изменений

Однако дальнейшее исследование с использованием регрессионных моделей показало, что отношение изменения величины раздражения к изменению субъективного ощущения для человека в состоянии наркотического опьянения несколько различается для разной величины стимула. Иными словами, константа Вебера больше не является константой! Тем самым мир, данный наркоману в его ощущениях, преобразуется, возникает переживание избыточных возможностей своего организма на физиологическом уровне (исследования проводились совместно с Д.Д. Козловым).

Личность воспринимает себя как «полную и прямую понятность», но исключительно индивидуальную и уникальную. Если всегда чего-то не хватает, чтобы себя чувствовать лучше, то в данном состоянии наоборот, всего хватает и даже есть что-то большее, избыточное, чем можно распорядиться совершенно свободно. Однако воплотить задуманное никогда не удастся.

Сознание легко моделирует позитивное будущее, находит внутри себя много значительного даже в мелочах. Все противоречия и проблемы предстают как разрешимые, а противоположные

ценности не отрицают друг друга. Все решения правильны и бесспорны.

Хорошо осознается то, что это состояние может быть продлено по своему желанию, по внутреннему «заказу». Состояние, в котором можно быть самому себе источником самого себя и совершенно понятного мира.

Для нас оказалось совершенно новой информация о том, что в наркотическом опьянении наркоман не преследует цели утраты сознательного контроля, наоборот, он стремится развивать особый вид самоконтроля, поскольку в случае его утраты может не заметить, а значит не пережить наркотический кайф. Если наступает потеря контроля, то это состояние не осознается и не замечается, «как будто внутри выключили телевизор», «экран погас»...

§ 2.8. «Телесное Я» и воспитание

Начало экспериментирования с наркотиками, как свидетельствует медицинская статистика, больше всего приходится на старший подростковый возраст. Традиционно это объясняют кризисом подростковой идентичности, утратой детской позитивной определенности, рассогласованием физической, социальной и психологической фаз созревания подростка. Все три фазы в процессе воспитания подростка, так или иначе, должны быть согласованы между собой. Задача воспитания – способствовать их непротиворечивому взаимодействию. Так было на протяжении всей истории человеческого общества. Развитие цивилизации, информатизация и научно-технический прогресс изменили количество времени, необходимого на подготовку ребенка к взрослой жизни. Наступление физической зрелости стало существенно опережать наступление социальной и психологической зрелости взрослеющего человека. Такого рода диспропорции внесли существенные изменения в процесс индивидуального взросления ребенка, тогда как система воспитания про-

должает придерживаться традиционных принципов и «прививок старины».

Воспитание в широком смысле перестало отвечать глубинным потребностям подростков. Способы решения обострившихся противоречий своего взросления, «расколотого» на отдельные, часто взаимоисключающие друг друга составляющие, подростку приходится узнавать из случайных источников. Задачи педагогических систем и задачи индивидуального взросления оказались несогласованными. Физически зрелый подросток вынужден часто испытывать чувство страха по поводу того, что его способностей не хватит для удовлетворения его актуальных потребностей и родительских ожиданий. К сожалению, несоответствие роста и развития не исчезает в личности самопроизвольно... Как показывает психологическая практика, это несоответствие может сохраняться на всю жизнь в различного рода комплексах неполноценности, избыточном чувстве тревоги, застенчивости, эмоциональной неудовлетворенности, «организмической подавленности».

В детстве внешняя эмоциональная поддержка родителей выполняет роль обратной связи и «контура подкрепления» избирательной активности ребенка. Взрослые, помогая маленьким детям, представляли перед ними «всемогущими и всезнающими великанами». К тому же, по мнению детей, взрослые могут делать все, что захотят, принимая по своему усмотрению решения о том, что разрешить ребенку, а что запретить. Взрослые могут «сообщить» смысл любому известному предмету или вернуть его ребенку в случае утраты. Они, взрослые, являются для детей источником новых возможностей, достижений, ресурсов, всего того, что ребенку пока еще непосильно и неподвластно. Это обуславливает в детях развитие мотивации взросления. Взросление открывает ребенку новые возможности и позволяет чувствовать, понимать и проявлять свою независимость по отношению к окружающим предметам и людям.

Мотивация взросления в подростково-юношеский период одновременно фокусирует физическое, личностно-психологическое и социальное взросление. Их противоречивость и рассогласованность может быть преодолена подростком в процессе проявления своей субъектности и рефлексии последующих событий и переживаний. Условием проявления субъектности является ситуативная неопределенность, связанная с актуализацией внутриличностного столкновения противоположных мотивов или ценностей взрослеющей личности. Однако, если подросток в такого рода ситуации совершает инфантильный или адаптивный выбор, основанный на эмоциональной поддержке, предложенной ему извне или ради избегания наказания, то происходит задержка формирования главного атрибута взросления – субъектности (ответственной самопричинности) личности.

Воспитатель, указывающий подростку однозначное решение в ситуации, требующей от последнего личностного самоопределения, «тормозит» осознанное взросление своего воспитанника, ограничивает его возможности разобраться в главных онтологически значимых вопросах личной жизни.

А.Н. Леонтьев писал, что личность «есть системное и потому «сверхчувственное» качество, хотя носителем этого качества является вполне чувственный, телесный индивид со всеми его прирожденными и приобретенными свойствами» [Леонтьев, 1983, с. 385].

Определяя личность как «сверхчувственное», он указывает на ее телесно-чувственное, а не бестелесное существование. К сожалению, о чувственно-телесном существовании личности в период взросления педагогическая психология почему-то вспоминает очень редко.

Красноречивый пример бесчувственного отношения к чувственности и телесности человека мы встречаем во втором издании Большой Советской Энциклопедии, где тело представлено всего лишь двумя статьями: «Тело алгебраическое» и «Тело геометриче-

ское». В Философской энциклопедии (1970 г.) упоминание о теле и телесности содержится в историко-философских статьях, посвященных Платону, Фоме Аквинскому, Лейбницу и идеалистической философской антропологии. Таким же «бестелесным» остался и «Философский энциклопедический словарь» (1983 г.). И уж совсем удивительно, что ни в «Кратком психологическом словаре» (1985 г.), ни в исправленном и дополненном словаре «Психология» (1990 г.), ни в учебниках психологии тело, если не считать абстрактных психофизиологических процессов и реакций, вообще не упоминается. Человек вынужден жить в сети запретов на знание о своем теле.

Каждый в процессе своей жизни решает множество различных задач. При этом могут меняться мотивы, ценности, социальные роли и даже убеждения человека. Наиболее интенсивно это происходит в период взросления. Представления о себе и о мире в различных ситуациях у подростка могут меняться до полной противоположности. «Стать другим» часто бывает необходимо в процессе личностного развития подростка.

Тело человека сохраняет единство и целостность, продолжительность в будущее и возможность действовать по-разному. Можно категорически менять отношение к своему телу, однако само тело меняется с учетом своих природных законов и правил. Тело обеспечивает «общежитие» множеству личностных качеств и частных «Я» личности человека, реагирует (психосоматически) на сопротивление и согласие между ними. Телесная константность позволяет человеку стать другим, а затем обновленным вернуться назад к себе, все время оставаясь в своем теле. Каждое новое свойство личности, каждое рождение нового частного «Я» наследует имеющееся у человека тело со всеми его недостатками и достоинствами, возможностями и способностями. Именно благодаря единству и самоподобию тело обеспечивает обратимость неудачным «выходам» отдельного «Я» человека за пределы складывающихся обстоя-

тельств. Пока есть эта обратимость, мы можем без всякого ущерба вообразить себя кем угодно, испытать себя в качестве кого угодно, чтобы затем вернуться к своей уникальной сущности. Наше тело дает возможность существовать и действовать нашим различным «Я» одинаково или каждый раз по-разному. Оно дает организмическое согласие языком напряжения или боли на те или иные наши поступки, реагирует на удачное или неудачное воплощение выбранной идентификации личности. Тело – это индикатор (организмичность) качества «стыковки» различных ценностно-смысловых образований в нашей личности. Его проявления видны и ощутимы, в отличие от наших психических процессов и свойств, мыслей и внутренних образов. Телесные реакции очень трудно имитировать, однако, оказывается их можно обманывать, и тогда они увлекают за собой и психические процессы, и психические свойства, и психические состояния. Наркотические вещества способны обманывать телесные параметры, открывая человеку избыточные возможности, к которым он всяких раз оказывается неготовым.

На этом фоне, когда речь заходит о профилактике подростковой и юношеской наркомании, становится непонятным, как она вообще возможна без работы с чувственно-телесной организацией личности. Бестелесная профилактика бессмысленна и бесполезна. Профилактика наркомании может иметь смысл, если подросткам говорят не о том, что наркотики могут повредить здоровью, повторяя одно и то же бесконечное число раз, а о том, что подростка больше всего волнует сегодня, здесь и сейчас, в его теле, в душе, в мыслях, в отношениях. Это особенно важно, когда подрастающее поколение растет в условиях отсутствия прошлых идеалов и непонятного поиска новых. Когда не определены нормы взрослой жизни, профессионального, личностного и национального самосознания.

По мнению Л.С. Выготского, период взросления личности вообще не вписывается в закономерности детского развития. Он говорит о действии иных психологических механизмов возникнове-

ния психических новообразований – о появлении самопричинной активности и саморазвитии личности.

Сегодня реализация механизма саморазвития личности в подростковом возрасте затруднена тем, что педагоги и врачи, психологи и родители на самом деле не могут точно и однозначно сказать, какой образ жизни правильный. В результате все воспитывающие взрослые делают, по их мнению, главное – предупреждают подростков о той или иной опасности всего того, что считается опасным, в том числе о наркотиках, оставляя вопросы чувств, телесной и половой идентификации, этнокультурного самоопределения, личной свободы и бессмертия, внутриличностных мотивационных и ценностных противоречий, субъектности и самооценности проповедовать и обсуждать коммерческим стихиям СМИ. Если же подростки на определенном этапе перестают слушать старших, то на этот случай непослушания существует милиция, которая всегда, если понадобится, успокоит кого угодно.

Итак, «сверхчувственное» не возникает бестелесно. Об этом в первую очередь, не должны забывать те, кто непосредственно занимается воспитанием детей.

Особое место в содержании нравственного воспитания всегда отводилось задачам формирования общественных представлений. Главными в работе с детьми были методы приучения ребенка с помощью упражнений, инструкций, требований к «положительным формам общественного поведения», пример взрослого, показ действий, организация деятельности, методы поощрения и наказания. При достижении подросткового возраста «бестелесно преподаваемая нравственность», чаще всего, оборачивалась рассогласованием детской души и тела, внешнего и внутреннего пространства ребенка, возникновением «онтологической неуверенности».

Сложившаяся ранее правилосообразная и чувственно-телесная рассогласованность в период взросления резко усиливается и приобретает хроническую форму. Подросток вынужден постоянно

приспосабливаться, все чаще самостоятельно, не только к окружающему его миру, но к самому себе в обстоятельствах неконтролируемых с его стороны чувственно-телесных изменений. Дефицит субъектных возможностей обуславливает активный поиск ресурсов, которые для подростка становятся предпосылкой экспериментального поведения с опасными и быстродействующими средствами от страха, скуки, слабости, утомления и др.

Употребление наркотиков быстро «возвращает» подростку скрытую от него же самого его собственную телесность. Ту самую телесность, что была «изъята» взрослыми в процессе «бестелесного» воспитания. Возможно поэтому **на первой стадии употребления наркотических веществ зависимость от них проявляется как нежелание подростка возвращаться в свое «бестелесное» существование.** Открытие способностей своего тела может быть причиной нового, более могущественного «Я», которое запоминается подростком физически на всю жизнь.

Сталкиваясь с такого рода явлениями в реальной профилактической деятельности, мы имели возможность тщательно изучить особенности возникновения психического новообразования, которое мы обозначили как «бестелесное сверхчувственное» в личности подростка. Если «сверхчувственное» задается воспитаннику бестелесно, то вместо того, чтобы расширять свободу его личности, оно ограничивает ее, вступая в конфликт с его чувственностью и телесностью. Понимание этого противоречия помогло нам разработать более эффективные программы психологической профилактики наркотизма в подростковой и молодежной среде.

Сегодня процесс воспитания подростка многие специалисты рассматривают как взаимодействие двух процессов: социализации и индивидуализации [Фельдштейн, 1972; 1994]. Оказываясь в фокусе взаимодействия социального и индивидуального, подросток принимает непосредственное участие в создании теории самого себя – «Я-концепции». По мнению Р. Бернса, формирование «Я-кон-

цепции» относится к одной из важнейших потребностей человека. А.В. Петровский говорит о потребности индивида становиться личностью и, таким образом, быть представленным и продолженным в других людях.

Российская педагогическая практика, семейная и школьная, показывает, что социализация подростка (ролевое, правилосообразное упорядочивание поведения и удовлетворение требований, поступающих извне) значительно превосходит необходимую в период взросления индивидуализацию (переживание единственности, чувственно-телесной локализованности, удовлетворение новых, по сравнению с детством, внутренних запросов развивающейся личности). Внешние образцы ролевого поведения продолжают абсолютизироваться в ущерб живому телу («телесной истории индивида»), нарушая психоорганику жизни взрослеющего человека.

В условиях повышенной онтологической энтропии подросток, вместо того, чтобы ответственно расширять круг своих возможностей и свобод, попадает в зависимость от покровителя, случайно оказавшегося рядом с ним.

Не вызывает сомнений, что ролевое поведение помогает субъекту «оформлять» свою психофизическую активность, но, при этом, не стоит забывать, что такое поведение лишает субъекта самостоятельного выбора, т.е. возможности проявить свою индивидуальную субъектность.

Роль требует от воспитанника соответствия внешним требованиям и соблюдения определенных правил поведения, не предоставляя для этого новых «источников энергии или силы». «Энергия» или «сила», о которой идет речь, – не что иное, как локализованный чувственно-телесный психофизический ресурс личности. Силу, предназначенную для ролевых действий, воспитаннику необходимо всякий раз извлекать «из себя». В этом нет ничего трудного, если тело и душа находятся в динамическом согласии. Но, если воспитанник хронически ощущает нехватку (дефицит) психофизических

ресурсов в ситуациях, когда его социально-психологические роли ему навязаны, то, скорее всего, в качестве источника «внутренней энергии» он будет готов искать внешние средства.

В свое время Декарт провозгласил возможность самостоятельного существования души и тела. Душа – по его мнению, только мыслит, т.е. существует в рефлексии, тело – только двигается и таким образом существует в рефлексах.

С тех пор прошло много лет и сделано много открытий. Душа и тело могут действовать в различных временных и пространственных координатах, но отдельное существование им все же не дано. Тело без души это уже не тело, а организм. Душа без тела уже не душа, а непереводаемый текст, невоплощенная идея.

Когда внешние требования среды значительно превосходят или противопоставляются имеющимся у подростка возможностям, у него возникают затруднения, связанные с телесным существованием. Он начинает «отрицать» свое тело (как непригодное для жизни орудие), выражать ему недоверие, несогласие, протест. Все это способствует развитию чувственно-телесной отчужденности или фальсификации его субъективной жизни. Формируется установка на саморазрушение себя как неэффективного, компенсируемая выдумыванием образа своего фантастического «Я».

Отчуждение телесности выражается в деформации общей чувствительности, которая проявляется не только физически, но и коммуникативно (ограничение контактов), и даже событийно (замкнутость, невнимательность, невключенность в происходящее). У взрослых телесное отчуждение способствует развитию психосоматических расстройств. Что касается подростков, то здесь пока не наблюдается достаточного количества исследований по поводу их телесного отчуждения. Однако, это не может останавливать процесс изучения предпосылок возникновения этого феномена. Так, например, в работах А.Ш. Тхостова мы встречаем мысль о том, как несогласованность в деятельности «культурного» и «анатомическо-

го» тел вызывает внутри человека существенные физические и психические нарушения [Тхостов, 2002]. Опираясь на предложенную модель А.Ш. Тхостова и наши собственные исследования, мы считаем, что противопоставление «организмического» и «сверхчувственного» в процессе воспитания подростка является важной предпосылкой для возникновения, в той или иной форме, психической зависимости наркотического характера.

Это легко показать на примере ситуации, которая направлена на подавление личности подростка. Так бывает, когда воспитатель, публично порицая ошибочные действия воспитанника, задевает его личностно значимые качества. Воздействие вроде бы идет на его «сверхчувственное», тогда как реакции возникают в сфере его «организмического». Быстро и резко усиливается дыхание, сердцебиение, давление крови, появляются вегетативные реакции, покраснение или побледнение кожи. Иногда появляются желудочные спазмы и активное потоотделение. Нарушается нормальная саморегуляция всего организма, в условиях, когда никаких физических или химических воздействий на подростка не оказывается.

Аналогичным образом на подобные ситуации реагируют не только подростки, но и взрослые. Разница лишь в степени выраженности тех или иных реакций организма человека.

Человек, все больше привыкая жить в условиях культуры (цивилизации), продолжает, всегда и везде, жить в природе своего тела. Воспитание немислимо без развития навыков управления телесной активностью. Тем не менее, тело человека не принято называть «субъектом». Но тогда что такое наше тело? Объект? Такая точка зрения уже послужила возникновению множества как теоретических, так и практических ошибок, существующих и сегодня, особенно в сфере исследований по психологии зависимости. По нашему мнению, в контексте решения проблем зависимости, значительно продуктивнее рассматривать **тело** человека не как субъект или объект, а **как процесс** взаимодействия природной и культур-

ной субстанций, не забывая, что культурные (высшие) потребности человека невозможно удовлетворить «бестелесно», точно так же, как и природные. В связи с этим, потребность быть личностью можно проинтерпретировать как потребность быть телесным носителем сверхчувственного с развитой способностью к его (сверхчувственного) отражению, трансляции и рефлексии.

Однако, эта способность человека сама по себе не обеспечивает «счастливого» содержания «Я-концепции» его личности. Мы, вслед за В.В. Розановым, понимаем, что содержание «Я-концепции» «человека – воспитанного» (взрослого) во многом зависит от того, как трактуется сам термин «воспитанный человек». Для церкви «воспитанный» значит религиозный; для семьи – любящий, преданный; для свободного человека «воспитанный» значит крепкий в суждении, сильный в испытании природы [Розанов, 1990].

Характеристики взрослости

В этнокультурных исследованиях взрослости предполагается, что специфика задач, которые общество ставит перед индивидом, определяет динамику и тип взросления личности, содержание социально-психологической компетентности личности и процесса социализации в целом [Арнет и др., 1994; Кон, 1989], особенностей понимания ситуаций социального взаимодействия и социального познания (понимание другого и себя самого) представителями различных культур и сообществ [Мид, 1988].

В большинстве исследований имплицитно подразумевается наличие у взрослого большого «жизненного опыта», большое количество умений и навыков, более высокое их качество, более широкий круг способностей (в том числе более значительный творческий потенциал). Взрослый – более компетентный, чем ребенок, субъект, переживающий жизненные кризисы и неудачи несколько иначе, чем ребенок. Переживание жизненных кризисов и событий некоторые исследователи связывают с особенностями познавательной сферы

субъекта, его «образа мира» и сложностью «внутреннего мира» человека [Анциферова, 1981; Андреева, 1980; Василюк, 1995].

В качестве критериев зрелости называют: способность отвечать за свои поступки, развитую способность к рефлексии и самопознанию, способность устанавливать зрелые межличностные отношения с другими людьми, способность к творчеству и самореализации.

К настоящему времени в сфере исследований развития личности сложились две основные традиции, которые можно определить как отечественную (марксистскую) и гуманистическую (западноевропейскую). Наряду с ними существует интегральный вариант этих традиций.

В марксистской психологии развитие человека чаще всего описывается в терминах формирования, интериоризации социальных ценностей и норм, важнейшая роль отводится пониманию внешнего мира и других людей. Человек связан с миром отношениями принуждения, которые регулируются на основе социальных норм и их понимания субъектом. Упускается или «вытесняется» «субъективность» существования человека и равенство «перед лицом бытия» взрослых и детей, паритетность, диалогичность как условие развития личности [Обухова, 1995; Хараш, 2000].

В гуманистической психологии развитие личности описывается в терминах «создания условий для развития», в терминах выбора, самопонимания, на основе которого формируется миропонимание, «организмическая» целостность.

Интегративный подход акцентирует внимание на личностном статусе, предполагает осознание человеком себя как интерсубъектного и даже мультисубъектного феномена (множественность позиций, оценок и др.). Взросление рассматривается как обретение диалогической компетентности, способности к взаимодействию с другими людьми и самим собой. Система личностных ценностей является средством организации и проявления целостности человека.

Цель взросления – приобретение общечеловеческих качеств, *осознание своей субъективности и субъектности*. Условием психического развития является совместная деятельность, которая помогает осознавать собственную позицию и понимать другие точки зрения. Особую ценность приобретает способность осознания происходящего и самого себя, ценностно-смысловых предпосылок собственной активности [Роджерс, 1994, В.Франкл, 1990]. Взросление – переход от импульсивного к ценностно и духовно «обусловленному» типу реагирования на происходящее [Братусь, 1988]. Познавательная сфера взрослого описывается в терминах «социального интеллекта» и «компетентности» [Холодная, 2004]. Мудрость взрослого означает способность иметь дело с парадоксами, быть диалектиком [Holiolay, Chandler, 1986], умение согласовывать множество мнений (жить в мире полифонии), быть критичным (рефлексивным), мыслить ответами и вопросами. Одной из важнейших способностей взрослого человека является способность осваивать и создавать новые способы, стратегии понимания себя и мира в диалоге с другим человеком. Непременным условием когнитивного и личностного развития взрослого человека является самопонимание. Взрослый решает жизненные, а не учебные задачи. Самопонимание выступает как способность многоуровневого и многопланового отражения человеком своей жизнедеятельности, как одно из главных оснований и условий возможности «переопределить» обстоятельства собственной жизнедеятельности, образ жизни [Рубинштейн, 1975, Фромм, 1994, Анциферова, 1994 и др.].

Взрослого характеризует стремление к личностной самоактуализации. Характеристики самоактуализирующейся личности хорошо описаны А. Маслоу (1999) и Ф. Перлзом (1993). Мы специально обращаем внимание на одну из характеристик самоактуализирующейся личности, относящуюся к переживанию конечности жизни, «страху смерти». Самоактуализирующиеся люди меньше боятся смерти и рассматривают старение и умирание как естественные фе-

номены жизненного цикла человека, несущие очередной вызов их жизненным ценностям и целям. Самоактуализирующаяся личность не столько «стареет», сколько «взрослеет» всю свою жизнь.

Также характеристикой взрослости является способность личности к построению диалогичных отношений с людьми. Развитая самоответственность за свои поступки в межличностной сфере выступает умением справедливо распределять ответственность за происходящее между «вкладами» всех участников и своими собственными.

Проявление взрослости можно наблюдать в проявлении личностью предпочитаемых стратегий понимания других и самого себя, формирования смысла своих действий и состояний, онтологической укорененности, проявляющейся в ситуациях высокой онтологической энтропии посредством внутриличностной системы самоподдержки.

Взрослость – это способность и стремление к самостоятельному, ответственному и осознанному выбору, регулируемому ценностно-смысловой позицией личности и проявлением своей субъектности в обстоятельствах онтологической неопределенности.

Вероятно, проблему телесного «Я» у подростков в процессе их воспитания воспитатели постоянно «вытесняют» по причине собственной телесной недовоспитанности. Телесность подростка «атрофируется» с одной стороны трудовыми навыками, спортом и правилами приличия, с другой, косметикой, рекламируемой глянцевыми журналами, порнографией во всех ее проявлениях вместе с основами гигиены и контрацепции. В результате личность, развитая физически, умственно и нравственно, продолжает жить в своем «детском теле». Телесное «Я» как личностная проблема, к сожалению, возникает и начинает осознаваться только после обострения психосоматических заболеваний или употребления наркотических веществ.

§ 2.9. Наркотизация личности: факторы риска и защиты

Мы провели сравнительный анализ психологических факторов наркориска и защиты личности (предпосылок употребления и сдерживающих побуждений) в отношении употребления наркотиков. К сожалению, он показал количественное и качественное преимущество первых над вторыми. Мотивы употребления выглядят в глазах подростка привлекательнее и даже позитивнее, чем мотивы сдерживания.

В качестве сдерживающих факторов оказываются в основном страхи, т.е. чувства, по определению непривлекательные:

- страх неизвестности;
- страх наказания;
- чувство вины;
- страх перед милицией, судом, лишением свободы;
- страх заразиться и заболеть;
- страх потерять друзей;
- страх попасть в зависимость (наркотическую или финансовую);
- страх лишиться денег или других ценностей.

Страхи, как правило, носят сковывающий характер, а это значит, что они могут стать для личности постоянно действующим мотивом к освобождению от них. После первого же употребления наркотических веществ большинство страхов бесследно исчезает. Таким образом, получается, что чем больше страхов, и чем они сильнее, тем контрастнее от них освобождение в состоянии наркотического опьянения. Тем более, что после такого рода переживаний у подростка больше не остается сдерживающих от употребления наркотиков мотивов (факторов защиты), кроме субъектности, кроме системы внутриличностной самоподдержки. Это все, что он может от себя лично противопоставить факторам риска, таким как:

- любопытство в отношении нового, неизвестного, запретного;

- чувство постоянной генерализованной неудовлетворенности и эмоциональной неуравновешенности;
- психологические нагрузки;
- несогласованность чувств, мыслей и действий;
- репродуктивная протестность и подростковый негативизм;
- ранимость;
- желание превзойти себя и других;
- одиночество;
- безответственность, беспечность, неосторожность;
- криминальная романтика;
- возможность легко и много зарабатывать на продаже наркотиков;
- необходимость проявлять адаптивный конформизм;
- доступность средств снятия душевной и физической боли;
- получение опыта, неведомого родителям, и значит – «возможность встать над ними»;
- «разрешение» многих внутриличностных конфликтов;
- искушение новыми психическими и физическими возможностями;
- желание быть причиной себя, своего могущества, целостности и воли.

Противостоять всему этому невозможно, если в условиях рискованного выбора подросток будет устремлен к расширению пространства своей свободы, оставаясь зависимым от внешней эмоциональной поддержки и покровительства окружающих.

Наша точка зрения по поводу возникновения негативных психических зависимостей в подростковом возрасте согласуется с результатами исследований В.С. Собкина и его коллег [Собкин и др., 2004]. Их выводы могут быть представлены следующим образом.

1. Тенденция роста числа курящих и начинающих употреблять ПАВ учащихся имеет скачкообразную форму в начале девятого класса.

2. Данная тенденция интерпретируется (по аналогии с Э. Эриксонем), с одной стороны, как обострение подросткового кризиса, с другой – как проявление трансформации подростковой субкультуры.

3. Девиантное поведение – особый способ разрешения подросткового кризиса.

4. Широкое распространение такого рода девиантного поведения в подростковой среде может рассматриваться как специфическая норма.

5. Девиантные формы поведения выполняют функцию возрастной инициации, обеспечивающей переход во взрослость (Э. Эриксон).

6. Отличительная черта подросткового возраста – подчеркнутое проявление взрослости.

7. Подтверждение взрослости осуществляется подростками в процессе апробации различных девиантных форм поведения.

Главный вывод заключается в том, что формы поведения подростка – это не только субкультурные нормы, но «идеальные формы» взрослости.

Это «снимает» привычное в педагогической среде оправдание по поводу того, что девиантное поведение присуще только «плохим» ученикам и «трудным» подросткам. Девиантное поведение могут проявлять все взрослеющие дети. Все!

Другое дело, считать такое положение нормальным будет неправильно, однако, признание самого факта существования девиации как «идеальной формы» взросления может прояснить многое как исследователям, так и воспитателям. Но тогда, если общество действительно заинтересовано в решении проблемы профилактики возникновения негативных зависимостей у подростков и молодежи, многие основания привычных культуросообразных моделей подростничества должны быть пересмотрены. Мы полностью согласны с В.С. Собкиным, что, к сожалению, большинство исследователей

все еще фиксируют свое внимание на количественной стороне этого вопроса, на распространенности и внешних параметрах девиантного поведения.

Количеству девиантных форм способствуют не только противоположные и взаимоисключающие мотивы, но и взаимодействие со взрослыми и сверстниками. Сегодня курение многие не оценивают как девиацию, то есть это «нормальное» отношение к сложившимся обстоятельствам.

Остаются мало изученными мотивы и специфика социального взаимодействия подростков, проявляющих девиантные формы поведения. Реальная картина в отношении подростковой девиации сложна и противоречива. В переходный период подросток «перемеривает» на себя взрослые формы поведения, выбирая в качестве «идеальных» форм взрослости именно те девиантные, фиксирующие в культуре границу между взрослым и невзрослым. Необходимо прекратить рассматривать ее только как форму извращенного развития ребенка. Девиация в подростковом возрасте должна изучаться как форма извращенного проявления подростком сильного желания быть взрослым. Если девиация приобрела статус «идеальной формы», то разного рода запретительные методы в отношении ее всегда будут затратны и бесполезны. Это относится и к моделям профилактики, ориентированным на формирование здорового образа жизни как ценности. Здоровый образ жизни не является признаком взрослости, а потому и не может быть ценностью для подростков [Лисецкий, Литягина, 2004].

Многообразие и противоречивость причин начала употребления табака, алкоголя, и ПАВ в подростковом возрасте, а так же наши многочисленные исследования позволяют нам говорить о главном мотиве (смысле) девиантного поведения – мотиве взросления. Подростковая девиация – это стремление подростка решать свои онтологически значимые задачи взросления, проявляя свою субъектность.

Таким образом, учитывая смертельную опасность наркомании для подрастающего поколения, считаем важнейшим условием результативной психопрофилактики развитие субъектности в личности каждого подростка.

Это не самоцель, а способ содействия взрослеющей личности в формировании ее системы внутриличностной самоподдержки, или, говоря языком А. Лоуэна, ее «укорененности» в бытии, «онтологической уверенности».

Для теоретического обоснования такого подхода принцип психологической сообразности явно недостаточен. Его необходимо дополнить принципом онтологической субъектности, т.е. принципом саморазвития бытийствующего (чувственно-телесного) субъекта. Практически, это методика содействия подросткам в решении их онтологических задач взросления.

Движущей силой этого процесса является рассогласованность между физической (чувственно-телесной) представленностью подростка в себе и в мире и его социально-экономической ограниченностью. Ограничение развития самопричинных переживаний подростка, автором которых мог бы являться он сам, тормозит развитие его субъектности, фиксирует инфантилизм и потребность во внешнем покровительстве.

Названное противоречие в период взросления является главной причиной возникновения и фоновой характеристикой состояния генерализованной неудовлетворенности индивида, условием повышения онтологической энтропии личности в ситуациях неопределенности.

Индикатором онтологической энтропии (неопределенности бытия и самобытия) субъекта в каждой конкретной ситуации является динамика рассогласованности его «Я-концепции». Эта динамика задается стремлением личности к психологической целостности и соответственно влияет на выбор средств для ее (целостности) постоянного восстановления или поддержания. Используемые для

этого средства подразделяются на собственные и заимствованные извне. За собственные приходится отвечать перед собой, за заимствованные ответственность перекладывается на тех, кто эти средства предоставляет.

Состояние психологической целостности так же важно подразделить на собственное и заимствованное. Оба эти состояния всегда реально проявляются и переживаются в чувственно-телесной сфере личности. В когнитивной сфере состояние психологической целостности интерпретируется на языке физики и изобилует энергетическими характеристиками, например: «пропало внутреннее напряжение», «увеличилась внутренняя сила и мощь», «вырос потенциал», «возник новый заряд», «появилась душевная и физическая наполненность».

Хотим обратить внимание на то, что состояние собственной и заимствованной целостности описывается одинаково, хотя источники этих состояний принципиально разные. Принципиально разными являются и последствия каждого факта восстановления собственной или заимствованной целостности. При восстановлении собственной целостности индивид взрослеет, его личность онтологически укореняется. При заимствовании положительно подкрепляется инфантилизм и недоверие личности к самой себе.

Внутреннее противоборство суверенных «Я-образов» («частных Я») в личности подростка способствует не только увеличению его онтологической энтропии (само-неопределенности), но и сопровождается ухудшением его самочувствия, настроения, чувственно-телесной конгруэнтности, возникновением неврозоподобных реакций. Если два или более «частных Я», мотивов или личных ценностей подростка блокируют друг друга в ситуации неопределенности, исключая выбор или синтез между ними, возникает внутриличностный конфликт, который переживается как психологический тупик и потеря целостности. Выше мы уже называли три варианта выхода из такого рода ситуаций: инфантильный, адаптив-

ный, субъектный. Однако, главный и наиболее ценный вывод, к которому мы пришли в процессе нашей научно-исследовательской работы, заключается в том, что наркотизацию подростка определяет не наличие душевного кризиса, не обострение внутриличностного конфликта, не психологический тупик, и даже не генерализованная неудовлетворенность, а сложившийся в детстве и сохраняющийся в подростковом возрасте незрелый способ выхода из такого рода переживаний. Подобные ситуации хорошо описаны Г. Бейтсоном как ситуации «двойного зажима»: они возникают тогда, когда два внешних коммуникативных послания, адресованные ребенку, взаимоисключают друг друга [Бейтсон, 2003]. Например, отец разрешает делать то, что категорически запрещает мать. Если это происходит в разное время, то ребенок быстро приспосабливается к этому, максимально извлекая выгоду для себя. Но если это происходит одновременно, ребенок неизбежно попадает в ситуацию «двойного зажима». Аналогичную природу имеет «двойной зажим», возникающий у подростка в результате внутренних противоположных посланий, мотивов или ценностей, иерархически не взаимосвязанных между собой. Г. Бейтсон считал, что «двойной зажим» способствует формированию у ребенка симптомов шизофрении. Д. Гален, вслед за Г. Бейтсоном, говорит об этом феномене значительно жестче. По его мнению, сознание человека, который попадает в ситуации подобного рода, может быть подвержено разрушительным воздействиям. Под разрушением сознания Д. Гален понимал утрату целостности, расщепление, подобное шизофреническому, возникновение независимости в деятельности полушарий головного мозга. Мозг человека при получении по двум разным коммуникативным каналам противоречивой информации может утратить согласованность в работе правого и левого полушарий. Отношения сотрудничества между ними приобретают форму конкурентной борьбы. В детстве эти противоречия разрешаются за счет внешней эмоциональной поддержки взрослых, за счет привлечения чужой воли,

которая отсутствует в ребенке. Именно поэтому главной причиной возникновения зависимого поведения мы считаем неразвитую самопричинность. Это еще раз подтверждает нашу точку зрения о том, что причиной наркотизации подростка может стать любая из его жизненно важных проблем, любой конфликт или затруднение. В связи с этим, мы определили негативную психическую зависимость как *стремление человека к воспроизводству состояния психической целостности личности, могущества и воли, не имеющих причины в себе.*

Переживание себя в качестве причины происходящего как самопричинной активности и самоочевидной воли субъективно обнаруживается при наличии избыточных возможностей в ситуации неопределенности. Это переживание сопровождается чувством «онтологической укорененности» и состоянием целостности индивидуального «Я». Трудно себе представить состояние более привлекательное, ненасыщаемое и самоценное, чем это.

Это наводит нас на мысль о том, что стремление к целостности для индивидуального «Я» может быть важнее морали, нравственности и даже права. Стремление к целостности может служить косвенным объяснением распространенного парадокса улучшения самочувствия и настроения у некоторых людей в результате совершения правонарушений или каких-либо неблагоприятных поступков. В таких случаях вместо объективной рефлексии случившегося или появления раскаяния возникает состояние бодрости и удовлетворенности произошедшим. Употребление наркотиков подкрепляет это переживание, защищает личность от возникновения самоосуждения или чувства вины, избавляет от состояния внутренней борьбы – самого нежелательного состояния человека, «возвращает» желанную целостность.

Таким образом, зависимость от наркотических веществ характеризуется самоценной, ненасыщаемой формой личностной активности, является средством локализации генерализованной неудов-

летворенности, достижения состояния избыточных возможностей человека, даже в условиях снижения доверия к самому себе. Одна из ее основных функций – компенсация недоверия к себе, к своим возможностям, разотождествление с ответственностью, а значит – и с субъектностью. Зависимость прямо или косвенно завязана на потребности в снятии ограничений и освобождении чувств, на возвращении чувства целостности любой ценой.

ГЛАВА 3. ОНТОСУБЪЕКТНЫЙ ПОДХОД К ПОНИМАНИЮ И ПРОФИЛАКТИКЕ НАРКОЗАВИСИМОСТИ ЛИЧНОСТИ

§ 3.1. Беспричинно-следственная связь

Уже десять лет мы исследуем специфику возникновения у различных людей всевозможных психических зависимостей. Речь идет о наркомании, азартных играх, деструктивных культах и др.

Изучение известных психологических теорий, концепций, подходов, идей и практических достижений отечественных и зарубежных авторов, в надежде найти хотя бы косвенные подсказки к возможному решению поставленной проблемы, оказались малорезультативными. Многочисленные описания психологии человека «по частям» (процессы, свойства, состояния), а также с точки зрения принципа «сообразности», продемонстрировали их низкую практическую пригодность в качестве средств предупреждения названных зависимостей.

Стремления многих исследователей «найти и уничтожить» причины возникновения зависимого поведения способствовали появлению множества безуспешных попыток обобщения разнородных фактов, разработке эффектных, но неадекватных методов, а также всевозможных теоретических фальсификаций на данную тему. Теоретическое обоснование «найденных» причин возникновения психической зависимости удавалось авторам гораздо лучше, чем его практическая реализация.

Возможно, за неимением лучшего, в последнее время за рубежом усиленно пропагандируются проекты «минимизации вреда». В них предлагаются условия «гигиенически мирного» (бесплатная раздача разовых шприцов) сосуществования наркозависимых и здоровой части населения. Эпидемиологически это результативно, но уж очень хрупко и ненадежно. Проведенный обзор теорий и ме-

тодов предупреждения наркотической зависимости (наиболее опасной и распространенной во всем мире) показал, что различные авторы, так или иначе, придерживаются в своих рассуждениях одной из двух сложившихся на сегодня основных точек зрения.

Первая точка зрения: возникновение зависимости имеет донаркотические причины, в основе которых лежат предрасполагающие отклонения или патологии индивида.

Вторая: зависимость наркотического характера возникает в результате давления социальных условий и выполняет функцию защиты от стресса или «бегства» от невыносимой реальности жизни.

В так называемых «факторных моделях», где систематизированы факторы риска и факторы защиты, как правило, сочетаются обе точки зрения.

Чаще всего, механизм возникновения зависимости объясняется как «срыв» цикла удовлетворения заблокированной жизненно важной потребности в результате ее перенапряжения. Подразумевается, что если потребность длительно не удовлетворяется, то человек начинает переживать нарастание психического или физического напряжения.

Если вдруг встречается «заместитель» разрядки, например, наркотическое вещество, то нормальный цикл удовлетворения потребности оказывается неостребованным и быстро «атрофируется». Срабатыванию механизма блокирования потребностей способствуют определенные психические расстройства. Аналогично, психологическое и физическое напряжение человека может усиливаться под воздействием на него сильного социального давления. Способность сопротивляться постоянно действующему социальному давлению постепенно исчерпывается, и тогда, под видом депрессии или агрессии, появляются предвестники «срыва». Наркотические вещества давно зарекомендовали себя «лучшей» защитой от многих видов экзистенциального отчаяния.

Предпринимаемые ранее и продолжающиеся сегодня многочисленные попытки создать «безвредные» заменители психоактивных веществ пока что реальным успехом не увенчались. То же самое можно сказать о разного рода профилактических программах. Результаты анализа наиболее распространенных моделей и методов профилактики наркомании приведены в наших более ранних публикациях [Березин, Лисецкий и др., 1998, 1999, 2001б, 2001в, 2005б и др.]. Нам удалось показать, как и каким образом объективные противоречия, скрывающиеся в основаниях общепринятых концепций профилактики наркомании, обесценивают огромные финансовые затраты со стороны государства и снижают эффективность профессиональных усилий высококвалифицированных специалистов-энтузиастов.

К сожалению, попытки создания «полезных» наркотиков остаются актуальными до настоящего времени. По-видимому, сторонники этих попыток мало знакомы с этнокультурными исследованиями А.В. Сухарева. На основе этнофункционального подхода им были показаны принципиальные ограничения некоторых ошибочных представлений, сложившихся в общественном сознании по отношению к наркотическим веществам. Приведены научные доказательства наличия и функционирования у целых народов этнокультурных механизмов стрессопротекции, связанных с использованием психоактивных веществ, которые не вызывают разрушительного эффекта для здоровья тех, кто придерживается сложившихся этнокультурных традиций и не употребляет чужеродных «экзотических» веществ наркотического характера.

Исследования А.В. Сухарева подтвердили, что наркотическая зависимость как болезнь возникает там, где используются «экзотические», несбалансированные природой и культурой психоактивные вещества [Сухарев, 1996, 1998].

Значит, поиски биохимически «безвредных» наркотиков бессмысленны. Натура и культура давно нашли решение этого вопроса.

Сторонники психоаналитического подхода в качестве причин наркотизации склонны называть психологические комплексы и психотравмы, полученные до возникновения наркотической зависимости. Многие психотерапевты считают, что помощь в решении не решенных в прошлом жизненно важных проблем освобождает человека от опасности попадания в наркотическую или другую подобного рода зависимость. Данное предположение имеет глубокие основания, но лишено возможности проведения объективных измерений. Немало известно в практике случаев, когда человек всю жизнь мучается под гнетом своих неразрешимых проблем, но при этом не начинает употреблять наркотические вещества. Тогда как другой, вполне жизнерадостный и благополучный, вдруг начинает принимать наркотики, да так, что остановить его нет никакой возможности.

С необъяснимой периодичностью приобретают популярность идеи «несанкционированного» воздействия на подсознание детей и подростков в целях профилактики употребления наркотических веществ. Сторонники такого рода идей отказывают детям в праве иметь собственное сознание (ради их же блага), но при этом не подозревают, что для того, чтобы такого рода методика была результативной, необходимо лишить детей еще и чувственно-телесных переживаний.

Сегодня наиболее обоснованными с точки зрения профилактической эффективности выглядят так называемые копинг-стратегии. Стратегии совладания с проблемами, встречающимися на жизненном пути подростка. В психологии накоплен значительный ресурс адаптационных моделей поведения, способов подавления саморазрушительных желаний человека. Их низкая эффективность, по видимому, связана с тем, что кризис, в условиях которого находится сегодня формирующаяся личность подростка, представляет собой слишком сложное сочетание противоречивых тенденций. Часто становится непонятно, к чему нужно приспособливаться не только

в среднесрочной, но и в краткосрочной, и в долгосрочной перспективе. Размывание культурно-смыслового ядра жизни и структуры личностных ценностей создает рассогласованность как во внешнем окружении, так и в душевном мире подростка. Методологической основой копинг-стратегий является принцип психологической сообразности. А это, так или иначе, подразумевает психологическую интервенцию, в лучшем случае рефлексию взрослых в отношении правилосообразности детского поведения, но главное – интерпретирует «взрослость» как понятие, тождественное «послушности».

Таким образом, сегодня копинг-стратегии «помогают» чаще всего тем подросткам, которые и так достаточно послушны и ответственны. Для непослушных подростков это выглядит так: «безвольные учителя учат своевольных учеников подчиняться сомнительным правилам».

Наркотики в подростковой среде не даны, а заданы. Они могут решать совершенно противоположные задачи. Они вплетены в контекст молодежной субкультуры. Чем сильнее «мой копинг», тем привлекательнее испытание себя, тем я сильнее и увереннее в себе. После первой же пробы наркотики перестают пугать.

И еще одна стратегия профилактики – «прививка» творческим самовыражением. Подростки рисуют, поют, пишут стихи, лепят из пластилина. Однако, бывает достаточно одной встречи с взрослым творческим самовыражением, проявляющимся наилучшим образом при употреблении наркотика, и вся «прививка» превращается в свою противоположность.

Факторные модели

Так называемые «факторные модели» предупреждения наркотической зависимости построены на учете макро- и микрофакторов риска и защиты, создают впечатление стройных систем, предназначенных для проведения высококачественной профилактической работы. Однако, нас не покидает чувство, что «факторные модели»,

как и другие «психологические априори» профилактики, придумываются только во имя общественного спокойствия, поскольку остаются низкорезультативными. Иначе, как же объяснить положение, когда все причины наркомании выявлены и изучены, когда созданы государственные и международные базы данных и т.д. и т.п., но всякий раз, когда дело касается конкретного человека, неизвестным остается ответ на единственный вопрос: почему все теории и модели на практике дают необъяснимый сбой?

В 1996 году в наиболее неблагоприятных с точки зрения наркотической обстановки районах Самарской области мы провели масштабное исследование среди старших подростков и молодежи, имеющих опыт употребления наркотических веществ. Из множества респондентов для продолжения более тщательных исследований были отобраны две группы по 90 человек в каждой. Первая группа была составлена из ребят, которые имели максимальное количество «факторов риска», но при этом наркотики не употребляли. Во вторую группу вошли те, у кого количество «факторов риска» было минимальным, но они периодически употребляли наркотические вещества.

Сравнение результатов исследований не выявило значительных различий между представителями этих групп. Однако, в индивидуальных беседах и при выполнении экспериментальных заданий в условиях психологических тренингов, проведенных с большинством участников исследований, нам все-таки удалось заметить признак, который мог бы стать решающим в работе с подростками по профилактике наркомании. Этот признак, по существу, был способностью личности проявлять свою субъектность. Ребята из первой группы проявляли его значительно активнее. К аналогу этого качества личности можно отнести изученное и измеримое в психологии так называемое «устремление» личности, описанное в работах В.А. Петровского.

Исследования ограниченности причинно-центрированного подхода были ранее опубликованы в наших работах [Лисецкий, 2003а, 2003б]. В процессе научной и практической деятельности в области психологии зависимости мы доказали несколько важных положений, которые предопределили результативность всей нашей дальнейшей работы.

1. Зависимость наркотического характера может быть вызвана разными причинами: социального, морального, экологического, психологического, психофизиологического, патологического и др. характера. Таким образом, можно считать, что она «МУЛЬТИПРИЧИННА». Но это означает, что «донаркотической личности не существует».

2. Вопрос, которого стараются избегать сторонники тех или иных теоретических моделей предупреждения зависимости: «Почему одни люди, имея все предпосылки, тем не менее, не употребляют наркотические вещества, тогда как другие, не имея для этого видимых причин, начинают систематически употреблять наркотические вещества?» – пока остается без ответа.

3. Наши исследования показали, что именно субъектность личности, становится решающим фактором как возникновения, так и предупреждения психической зависимости.

4. Главная цель профилактики возникновения зависимости наркотического характера у подростков – формирование и развитие их субъектности.

§ 3.2. Возникновение зависимости личности

Опиаты, в частности морфий, используемый в медицине, по своему действию на организм человека не сильно отличаются от наркотиков, приобретаемых у наркоторговцев. Однако в первом случае позиция потребителя выражается формулой: «Я болен, я слабее других, поэтому мне дают лекарство». Во втором – «Я сильный, смелый, сильнее других и поэтому могу себе позволить полу-

чать запретное удовольствие». Таким образом, во втором случае он – «Личность», действует на свой страх и риск, получает «награду» из собственных рук (положительное подкрепление) за проявленную смелость.

Для употребления наркотиков подростку необходимо постоянно проявлять смелость и находчивость, которые объективно являются условиями индивидуального саморазвития и открытия в себе новых возможностей. Соблазн возможного столь велик, что начинает превосходить инстинкт самосохранения. Так зарождается «превосходящее «Я».

Опыт профилактической работы и исследовательская деятельность помогли нам прояснить психологический механизм возникновения и развития психической зависимости. В редуцированном виде его можно представить как стремление индивида к воспроизводству психологической целостности и переживанию избыточных возможностей за счет внешних ресурсов, поддержки и попечительства без актуализации личной ответственности.

Основой нашего понимания психической зависимости является не дефицитарность как потребностное состояние индивида, мотивирующее его на поиски объекта (или его заменителя) для удовлетворения актуальной потребности, а стремление к получению избыточных возможностей, которыми индивид сможет распоряжаться произвольно и безотчетно. В связи с этим психическую зависимость мы определяем как **стремление индивида к воспроизводству состояния целостности, могущества и воли, не имеющих причин в себе**. Именно этим можно объяснить неисчерпаемость и самоценность психической зависимости.

Психоаналитики упоминали подобные феномены, в том числе и среди причин наркотизации, относя их к сильной незавершенной симбиотической зависимости детей от родителей. Специалисты, близкие по своим взглядам к бихевиористам, объясняют этот меха-

низм как внешнее положительное эмоциональное подкрепление детского поведения.

У индивида в ситуации неопределенности может увеличиваться пространство свободного выбора, открывается возможность для проявления собственной субъектности (самопричинности). Однако, неопределенность усиливает беспокойство личности за последствия принятых решений. Внешняя эмоциональная поддержка, «покровительственная подсказка» снижает беспокойство, освобождая личность от ответственности за «собственные», «свободные» действия. На самом деле такой выбор заключается в выборе безответственности, «заимствовании» субъектности. В результате расширяется пространство внешней свободы, появляются новые возможности, но при этом в личности исключаются противоборства мотивов и душевное напряжение. Пространство свободы как бы превосходит пространство онтологической неопределенности и тревоги. Воспроизводство этого состояния лежит в основе возникновения психической зависимости от чего-либо или кого-либо, особенно в период взросления личности, интериоризированной в «превосходящем Я».

Ориентация субъекта на реально присутствующее или идеально представленное лицо, несущее в себе функцию онтологического контроля, не просто сопутствует или аккомпанирует действиям человека, оно активно включается в систему отношений личности к выполняемым действиям, видоизменяя и опосредуя их. Ориентация на «значимого другого» усиливается в ситуации внутригруппового взаимодействия. Здесь действия подростка попадают как бы под двойной контроль: со стороны внутреннего и внешних соучастующих наблюдателей. Достаточно вспомнить эксперименты Мелле, который исследовал изменения чувствительности человека к боли под влиянием группового «сопровождения». Он обнаружил, что выносливость к боли в ситуации внутригруппового взаимодействия заметно повышалась. В случае выбора партнеров на усмотре-

ние личности выносливость увеличивалась на 37 % [Кричевский, 1991]. Групповое посещение стоматологического кабинета уменьшает количество реакций страха. Стрессовые воздействия могут быть резко ослаблены. Одобрение группой определенного способа поведения индивида направляет его волевые усилия, но ограничивает пространство вариантов поведения.

Исследования В.А.Петровского показали, что контролирующая группа или субъект могут быть идеально, а не реально представлены в индивиде, отображены в его внутреннем мире, однако их контролирующая функция может длительно сохраняться. Будет неверно отождествлять контроль идеально представленного субъекта и собственный самоконтроль личности. Тем не менее, явление изменения болевой переносимости имеет место и может быть вполне объективно воспроизведено в экспериментальных условиях. Различие между первым и вторым («идеально представленным другим» и самоконтролем) заключается в соотношении меры заимствованной или собственной субъектности. В дальнейшем нам удалось доказать, что вероятность возникновения психической зависимости у индивида определяется уровнем сформированности его собственной субъектности. Внешняя эмоциональная поддержка детской активности играет роль эмоционального подкрепления экспериментальных действий ребенка. Под эмоциональной поддержкой ребенка со стороны взрослых мы понимаем однозначное проявление эмоционального одобрения, ситуативного, непосредственного, менее осознаваемого по сравнению с моральной или социальной поддержкой.

Эмоциональное сопровождение ребенка в ситуации неопределенности является средством воздействия родителей на проявление детской спонтанности. Организуя активность ребенка извне, родители обеспечивают контроль безопасности его жизни. Однако такого рода внешний контроль со временем все больше тормозит развитие внутреннего контроля. В ситуациях выбора, риска и неопреде-

ленности потребность ребенка в эмоциональной поддержке актуализируется и оказывается определяющей в принятии решений. По мере взросления необходимость внешней эмоциональной поддержки, особенно в условиях с непредрежденным результатом, может приобретать форму эмоциональной зависимости, повышая ее социальное значение и сохраняя личностный инфантилизм подростка.

Внешнюю эмоциональную поддержку индивида можно представить как «внешний контур», «внешнее кольцо подкрепления», контур подражания и внешней причинности. «Внутренний контур», по нашему разумению, представляет собой «кольцо самоподкрепления», самоподдержки, самоподражания. «Внутренний контур» возникает тогда, когда происходит накопление субъективного опыта самопричинного поведения, самостоятельности в условиях неопределенности. Индивид, осуществляя жизненный выбор в ситуации с непредрежденным результатом, делая это без внешней поддержки, вынужден самостоятельно (от первого лица) согласовывать внутри себя взаимоисключающие побуждения и противоречивые ценности, ответственно становясь причиной себя, своей воли и своих действий. По нашему мнению, развитие «внутреннего контура самопричинности и самоподдержки» составляет содержание процесса взросления личности и условие становления ее субъектности.

Значение субъективной системы самоподдержки всякий раз возрастает пропорционально величине неопределенности конкретного жизненно важного выбора индивида, если он оказался без внешней поддержки в условиях конфликта побуждений и ценностных ориентаций.

Хорошо известно, что дети могут вести себя наперекор желаниям и эмоциональной поддержке своих родителей. В нашей работе такой вид отношений мы не рассматриваем, поскольку в них нет неопределенности и непредсказуемости свободного выбора, как для детей, так и для их родителей. Положительная или отрицательная эмоциональная поддержка все равно остается внешней детерминан-

той поведения для ребенка. В детском возрасте эмоциональная поддержка взрослых соединяет в себе и моральную, и социальную, и интеллектуальную. В подростковом возрасте моральная, социальная, интеллектуальная поддержки должны постепенно дифференцироваться и отделяться от эмоциональной. Сохранение их первичной слитности становится помехой в развитии самостоятельной личности подростка. «Законсервированная» слитность «поддержек», часто противоречащих друг другу, усиливает потребность в эмоциональной поддержке даже у взрослого человека, воспроизводя в нем эмоциональную зависимость от окружающих в ситуациях жизненно важного, ответственного выбора.

Отождествление эмоциональной, социальной, интеллектуальной и моральной поддержки в подростковом возрасте вносит путаницу в понимание самостоятельного, взрослого, ответственного, социально-ориентированного поведения, способствует возникновению новых внутриличностных конфликтов, «двойных зажимов» взаимоисключающих мотивов и ценностей.

В когнитивной сфере подростка эмоциональная зависимость проявляется в представлениях о себе как о слабом, неуверенном, неспособном (на фоне восприятия других как сильных и влиятельных). Зависимость обеспечивает подростку чувства безопасности, защищенности и уверенности, при их значительной внутриличностной недостаточности. Мотивационную сферу такого подростка определяет активность, направленная на поиски покровителя, внешнего руководства, идеально представленного в опыте «превосходящего Я», а не личного опыта.

В ситуациях, требующих самостоятельного поведения, эмоционально зависимые подростки испытывают сильное чувство тревоги, особенно при наличии внешних оценок, страх собственной несостоятельности или несоответствия чужим ожиданиям. Стремление к внешнему одобрению, даже противоречащему собственным представлениям и чувствам, характеризует поведение эмоциональ-

но зависимых подростков. Развитие эмоциональной независимости в подростковом возрасте вовсе не подразумевает разрушения привязанностей, любви, уважения к окружающим. Эмоциональная независимость предполагает становление личностно-психологической системы индивидуальной самоподдержки, а не протестного поведения. Независимость мы рассматриваем как синоним взрослости, целостности, ответственности, а не негативизма и упрямства. Независимость – стремление самостоятельно и ответственно разрешать или согласовывать значимые противоречия, возникающие в процессе жизни.

«Дефицит субъектности» можно трактовать в терминах «выученная беспомощность» [Ротенберг, 2002], «недоверие к себе» [Скрипкина, 2002], «конфликтность», «психологическая неустойчивость», «онтологическая неуверенность» [Лэнг, 1995], «внешний локус контроля» Д.Роттера [Хьелл, Зиглер, 2005] и др.

Отсутствие системы самоподдержки, внутреннего контура самоподкрепления, «субъектная недостаточность» являются, как показали наши исследования, психологической основой возникновения различных видов зависимости у подростка, в том числе и наркотической. Понимание психологического механизма различного рода негативных зависимостей способствует повышению результативности профилактической работы.

§ 3.3. Наркотическая личность

Активный поиск наркотиков и их систематическое употребление культивируют «сдвиг» нейрофизиологического равновесия (дифференциальных порогов ощущений) в организме потребителя, преобразуют чувственную картину тела, способствуют дереализации личности.

Нарушение физиологической и феноменологической корреляции в содержании эмоций влечет за собой рассогласование эксте-

роцептивной чувствительности и появление отчуждающих переживаний, не соответствующих сложившейся динамике жизни.

В личности потребителя наркотиков возникает и развивается новообразование – «наркотическая личность». По мере усиления наркотической зависимости это новообразование начинает «отпочковываться» от базисной мотивационно-смысловой структуры прежней личности. Базисная личность вместе с имевшими место критериями ориентации в себе и в мире оказывается все более «заслоненной» новым источником активности «превосходящего «Я». Любая форма деятельности, осуществляемая в состоянии наркотического опьянения (следовательно, совместимая с ним), оказывается положительно подкрепленной, в результате чего к ней вырабатывается положительное отношение. Любая деятельность, несовместимая с наркотиками, оказывается отрицательно подкрепленной, и к ней формируется совсем иное отношение.

Этот механизм положительного чувственно-телесного самовознаграждения лежит в основе преобразования ценностно-смысловой сферы личности индивида, потребляющего наркотики. Если обозначенное состояние каким-нибудь образом становится хроническим, то вследствие этого и возникает «тип», то есть привычная установка, в которой один механизм постоянно господствует над всеми остальными [Юнг, 1998]. Новые более «эффективные» навыки, вырабатываемые в состоянии наркотического опьянения, хорошо воспроизводятся при повторении этого состояния. Эффект легко подтверждается и у здоровых людей под действием фармакологических препаратов, под действием плацебо или суггестивного воздействия [Данилин, 2003]. Складывается некое подобие «кольца самоподкрепления»: хорошее настроение повышает эффективность выполнения действий и формирования навыков, реализация которых улучшает настроение. Многие респонденты (потребители наркотиков) говорили даже о нарушении чувств единства и целостно-

сти «Я», о формировании внутренней установки на саморазрушение своего «Я», неэффективного без наркотиков.

Факт социального запрета на употребление наркотических веществ исключает формирование поведенческих стереотипов и автоматизмов у наркозависимых в процессе их поисковой активности. К тому же сама по себе среда, связанная с незаконным оборотом наркотиков, является очень опасной, агрессивной, жесткой. В ней нет места сочувствию, взаимопониманию. За ошибки приходится платить очень дорого. Такие условия вынуждают постоянно проявлять хитрость, находчивость, «творчество» в процессе поиска наркотических веществ или средств на их приобретение. Сравнивая «личную эффективность» в состоянии наркотического опьянения и без него, потребитель подкрепляет свое сознательное стремление к пребыванию в этом состоянии.

Переживание избыточных возможностей, а затем соблазн их повторных переживаний обуславливает появление праформ зависимости. По мере употребления наркотиков у индивида начинает формироваться новый жизненный цикл и новая «Я-концепция». Этот цикл состоит из двух фаз. Первую, инъекционную, сопровождает улучшение настроения и самочувствия. Вторую, абстинентную, сопровождает ухудшение самочувствия и настроения. Двухфазный цикл образует «объективную» для наркомана единицу измерения всех жизненных процессов и смысловую ось его мотивации. Ориентация во времени с опорой на свое физическое состояние под действием наркотического вещества ясно диагностируется при нарративном анализе историй из жизни наркозависимых, которые они рассказывают на психотерапевтических сессиях.

Повторяющиеся колебания телесного самочувствия изменяют размерность физического времени и ранее сложившуюся последовательность ежедневных событий. Зависимость создает мир непрерывности иного рода. Однако «новое время и новое пространство» тщательно маскируются и долго остаются незаметными

для окружающих. «Новое пространство» представляет собой конфигурацию ложных границ тела иной чувствительности. Телесные границы расширяются после употребления наркотического вещества за счет увеличения порога болевой чувствительности. Параллельно с изменением пространственно-временных ощущений нам удалось выявить парадоксальные изменения в мотивационной сфере наркозависимого человека.

Для наркомана побудителями активности являются не цели, планы, ценностные ориентации, а колебания его настроения и самочувствия. Ухудшение самочувствия повышает его активность, а улучшение самочувствия способствует возникновению состояния покоя и даже обездвиженности.

У человека, не употребляющего наркотические вещества, как правило, все наоборот. Ухудшение настроения и самочувствия приводит к снижению его активности, тогда как хорошее настроение повышает его жизненный тонус, подвижность и продуктивность деятельности.

Этот парадокс необходимо понимать и учитывать специалистам по реабилитации наркозависимых. Мотивационная сфера человека, употреблявшего наркотики, восстанавливается очень медленно, поскольку утратила свои нормальные функции. «Зачем что-то делать, если я хорошо себя чувствую?». Более того, србатывает пропорция: чем лучше я себя чувствую, тем меньше мне хочется что-либо делать.

Изменение смысловой сферы личности наркозависимого проявляется в его буквальном «выпадении» из целостного контекста жизни в ситуационный контекст однозначно направленной активности.

Макроинтервалы времени как элементы его жизненной перспективы дробятся на однородные микроинтервалы, разрушая прежнюю организационную основу его жизнедеятельности. Поскольку для потребителя наркотиков все, что с ним происходит, и все, что происходит внутри него, существует реально, физически

достоверно, у него вырабатываются подкрепленные организмически правила существования себя. В личности потребителя наркотиков возникает и постепенно укореняется новая структура согласования когнитивных, аффективных и поведенческих компонентов. Наркоман всегда знает, что ему нужно делать. Это освобождает его от поиска задач, целей, смысла происходящего и в конечном счете – смысла своей жизни.

Наркоман без труда находит определенность в любой неопределенности. Являясь орудием своей зависимости, он буквально «сливается» со всеми своими действиями.

Естественно, что организм человека всячески сопротивляется употреблению наркотических веществ. Это видно по таким проявлениям, как толерантность и абстиненция. Однако, по мере употребления, в первую очередь «на сторону врага» переходит эмоциональная сфера. В результате развивается ангедония – невозможность получать удовольствие от того, что раньше его доставляло. Происходит притупление чувств и угасание интересов. Тогда как наркотическое опьянение, по мнению большинства опрошенных, позволяет им постоянно воспроизводить универсальное, неисчерпаемое и всегда привлекательное состояние.

Влечение к наркотическому опьянению усиливается по мере развития его патологических последствий. Несмотря на то, что со временем физические и психические возможности наркозависимого заметно снижаются, контраст переживаний между «могу» при наличии наркотиков и «не могу» при их отсутствии все равно продолжает увеличиваться. Это маскирует действительное состояние организма (степень заболевания) от самого наркозависимого. Нарушенное чувство «Я» окончательно разотождествляет индивида с социальной, моральной и личностной ответственностью. Низкая ответственность не позволяет ему достигать значительного успеха в различных областях жизни, кроме сферы употребления наркотиков.

§ 3.4. «Я-концепция» как опыт саморазвития подростка

Опыт саморазвития подростка отражается и фиксируется в структуре его «Я-концепции». Решение онтологической задачи взросления может произойти только в процессе проявления и развития субъектности подростка, в реальной ситуации с неопределенным исходом, рефлексией происходившего и осознанием последствий.

«Я-концепция» – это система понимания человеком собственного Я, теория себя. Понятие «Я-концепции» складывается из двух частей: «Я» и «концепция». «Я» можно обозначить как априорное чувство и условие психической и социальной активности (или пассивности). Человек переживает свое «Я» как неопровержимую спонтанность и очевидность собственного присутствия в мире. «Я» – непосредственная данность личного опыта. Понятие «концепция» раскрывают термины «единство», «целостность», «способ понимания».

Учитывая данные определения «Я-концепции», следует сделать вывод, что каждый человек является исследователем не только мира явлений внешней действительности, но и своего внутреннего мира. Таким образом, «Я-концепция» отражает опыт понимания человеком самого себя.

В понимании своего Я человек не может оперировать объектами внешнего, иначе говоря, внепсихического мира. Понимание человеком чего-либо всегда происходит по отношению к его собственному Я. «Я-концепция» представляет собой сложившийся к наличному моменту времени образец самопонимания [Агафонов, 2000]. Но тогда получается, что «Я-концепция» является продуктом собственного сознательного производства, индивидуации самого себя, а это значит, что «Я-концепция» не может быть правильной или ошибочной, поскольку критерий ее адекватности задается самим же «Я», самим субъектом – носителем сознания. Когда Я строит теорию относительно себя, последняя в рамках пси-

хологического настоящего естественно является единственно верной. А это значит, что если человек считает себя умным, трусливым, красивым, сильным и т.д., он и является таковым в той части картины мира, которая относится к его представлению о собственной личности. Это вовсе не означает, что он такой на самом деле, каким себя представляет. Его «Я-концепция» – следствие субъективного самоотражения. Поэтому, изучение «Я-концепции» есть изучение не того, что человек из себя представляет, а того, что он представляет о себе.

Структуру «Я-концепции» рассматривали многие зарубежные и отечественные психологи. Р. Бернс определял «Я-концепцию» личности как совокупность представлений о себе, сопряженную с их оценкой [Бернс, 1986]. По его мнению, «Я-концепция» – это не только система представлений о самом себе, но и то, что собой представляет индивид. Р. Бернс объединил «Я» человека и систему его самопонимания, связав воедино описательную и оценочную составляющие. «Я-концепция» интегрирует в единое целое множество образов Я, построенных, в том числе, и на оценочных основаниях. Самооценка – это результат отношения личности к тем или иным своим качествам. Самооценка носит локальный, более частный характер.

По мнению Э. Эриксона (1968), «Я-концепция» – это согласованное самовосприятие, а также самопонимание индивидуумом своей личности. В качестве синонима он использовал термин «Эгоидентичность». И. Кон понятия «Я-концепция» и «Я-образ» использует как взаимозаменяемые. «Образ Я» – представление индивида о себе в процессе самосознания [Кон, 1978].

Признание и принятие всех аспектов своего аутентичного Я обеспечивает интегрированность «Я-концепции», утверждает Я в качестве мерила самого себя и своей позиции в жизненном пространстве. Внутренний диалог здесь выполняют функции прояснения и утверждения самоидентичности, а его конкретные формы, причи-

ны возникновения и мотивы указывают на степень гармоничности - противоречивости, зрелости самосознания. Психологические конфликты тогда становятся препятствием личностному росту и самоактуализации, когда прерывается, «расщепляется» взаимодействие, диалог «Я – образов» («частных Я»), каждый из которых, являясь существенной частью «Я – концепции» («целостного Я»), силится «заявить о себе», «заговорить», «быть услышанным», но при этом не принимается за свой, а отторгается или защитно трансформируется. Возникновение конфликта возможно между любыми образовавшимися в результате дихотомического противопоставления аспектами личности, мотивами, ценностями, чувствами, «втянутыми» в реципрокные отношения [Чеснокова, 1977]. Такие реципрокные отношения становятся реактивными источниками сначала телесного, а затем и душевного дискомфорта. Будучи производными внутриличностных конфликтов, т.е. не имеющие своих собственных причин, они трудноосознаваемы и потому трудноустранимы.

Адекватно осознанное и последовательное эмоционально-ценностное отношение личности к себе является центральным звеном ее внутреннего психического мира, создающим его единство и целостность, согласовывая и упорядочивая внутренние ценности личности, принятые ею в отношении самой себя.

По поводу противоборства или партнерства разных частей человеческого «Я» Р.Бернс высказал следующие соображения: «Они часто кажутся нам или на самом деле являются несовершенными. У них различные потребности, мотивы, ценности, чувства и т.п.» [Бернс, 1987, с. 174].

Многие авторы, в частности, Х. Маркус (Marcus, 1986), Е. Хиггинс (Higgins, 1989), Л.Я. Дорфман (Дорфман и др., 2005) говорят не о частях «Я» человека, а о частных «Я». Динамика взаимодействий между частными «Я» трудноуловима и очень сложна, поскольку частные «Я» относятся к невидимым формам человеческой сущности.

Наиболее известное различие образов «Я» на «Я-реальное» и «Я-идеальное» можно найти в работах У. Джеймса, З. Фрейда, К. Левина, К. Рождерса и др.

Согласно К. Хорни, большое расхождение между реальным и идеальным Я нередко ведет к депрессии, обусловленной недостижимостью идеала. Олпорт считает, что идеальное Я отражает цели, которые индивид связывает со своим будущим. Комбс и Соупер рассматривают идеальное Я как образ человека, которым индивид хочет или надеется стать, то есть как набор черт собственно личности, которые необходимы, с его точки зрения, для достижения адекватности, а иногда и совершенства.

Р. Бернс, подробно описывая структуру и функции «Я-концепции», указывал, что ее формирование является неотъемлемой задачей не только развития, но и саморазвития личности. Саморазвитие личности становится возможным при условии возникновения внутри личности механизма самоизменения. В роли такого механизма может выступать механизм взаимодействия между основными составляющими «Я-концепции» – «Я-реальным» и «Я-идеальным». Расхождение между «Я-реальным» и «Я-идеальным» в «Я-концепции» личности может привести к различным, как негативным, так и позитивным следствиям. С одной стороны, значительное рассогласование может стать основанием для возникновения разрушительного внутриличностного конфликта, с другой, некоторое расхождение необходимо для развития личности, совершенствования ее психологических, социальных и духовных качеств. Многое зависит от степени рассогласования и самооценки личности.

По мнению К. Рождерса и многих других исследователей «Я-концепции», значительное расхождение между «Я-реальным» и «Я-идеальным» порождает во внутреннем пространстве личности большое психическое, а впоследствии и физическое перенапряжение. Чем больше расхождение между «Я-реальным» и «Я-

идеальным», тем заметнее неконгруэнтность в действиях, импульсивность в поведении, непоследовательность в поступках человека.

Исследование большого количества разновозрастных испытуемых, в том числе и потребителей наркотиков, на предмет выявления структурных особенностей в их «Я-концепциях» помогло нам открыть признаки «Я-концептуальной надежности» в отношении наркотической контаминации личности. В наших работах мы использовали психосемантические методы построения субъективных семантических пространств. Предметом нашего анализа были как выделенные факторы самооценивания, так и взаимное расположение в семантическом пространстве «модусов Я» – различных аспектов представления человека о себе (таких, как «Я в прошлом», «Я глазами окружающих» и др.) Обработка и анализ результатов показали устойчивую связь между степенью рассогласованности «Я-реального» и «Я-идеального», самоотношения и самопонимания личности с вероятностью возникновения и сохранения наркотической зависимости. Нами также были обнаружены противоречивое, амбивалентное отношение наркозависимых к своему прошлому, противоречивость или несформированность планов на будущее, меньшая значимость значимых других [Литягина, 2004; Лисецкий, Литягина, 2006].

В данном случае, речь не идет об очередной структуре донаркотической личности или выявлении новой психологической монопричины наркотизации. Мы давно убедились в ошибочности понятия «донаркотическая личность». Еще в середине 1990-х годов, в попытке обнаружить пресловутые «факторы риска», приводящие к возникновению наркотической зависимости, мы проводили масштабное психологическое тестирование наркозависимых, обращающихся за психологической помощью в различные реабилитационные центры. Батарея использованных нами методик включала в себя личностные опросники (тест Кеттела, ММРІ и др.), опросник самоотношения В.В. Столина, опросник уровня субъективного кон-

троля и многие другие. Сравнение результатов тестирования наркозависимых с контрольной группой испытуемых, не употребляющих наркотические вещества, хотя и выявили статистически достоверные различия в ряде случаев, однако величина таких различий каждый раз оказывалась недостаточной для того, чтобы выделить тот или иной фактор в качестве одного из ведущих при формировании наркотической зависимости. Использование методов дисперсионного анализа показало, что в каждом случае процент дисперсии, объясняемый тем или иным сочетанием исследуемых факторов, не превышает 20 %. Процент объясненной дисперсии – это «вклад» исследуемых факторов в возникновение зависимости, их «удельный вес» во всем многообразии причин. Полученные результаты, несомненно, представляют собой некоторую научную ценность, однако выявленный процент объясненной дисперсии является явно недостаточным для того, чтобы строить на их основании профилактические программы и всерьез рассчитывать на их успешность. Таким образом, наши исследования в который раз подтвердили положение о том, что в наркотическую зависимость может попасть любая личность, особенно, если она «задерживается» на переходных этапах своего развития. Однако, если подростку в период взросления оказать необходимое содействие в становлении его субъектности, в решении его актуальных онтологически значимых задач взросления, то это поможет ему сформировать собственную систему самоподдержки и «блокировать» стремление к «заимствованию» извне психологической целостности своей личности.

Обобщая результаты проведенных нами исследований, следует признать, что трудно верифицируемый, постоянно ускользающий из поля зрения исследователей определяющий фактор начала употребления наркотиков в любом возрасте, как правило, независимо от сочетания «факторов риска и защиты», может быть обозначен как «недостаточная субъектность», неспособность стать причиной себя

в ситуации неопределенности при значительной рассогласованности «Я-концепции» личности.

Введение этого признака помогает объяснить, почему огромные силы и средства общества и государства, затрачиваемые на профилактические мероприятия по предупреждению подростковой и юношеской наркомании, чаще всего нерезультативны, почему всеобщая осведомленность о смертельной опасности наркотиков не способна удержать человека от их употребления.

Это не означает, что в процессе наркопрофилактики не нужно информировать подростков о вреде наркотиков, однако, действительную результативность профилактической работы будет определять активность совсем другого рода.

§ 3.5. Проблема субъектности

В истории развития антропологической мысли гносеологические аспекты бытия человека имеют приоритетное значение по сравнению с онтологическими. Но познание, в единственном числе, не может обеспечить человеку целостности бытия. Ожидать того, что люди начнут наконец-то жить по-новому, когда окончательно все поймут, несерьезно.

Возможно, несовпадение «сухой теории» и «древа жизни» – результат доминирования естественнонаучной, как бы «бессубъектной», традиции объективной психологии. Это совсем не означает, что субъекта нет вообще, теоретически он присутствует, но его активность носит причинно-следственный, а не самостоятельный, характер. Теоретический субъект, будучи научной идеализацией, в отличие от живого субъекта, оказывается лишенным главного – возможности проявлять свою субъектность. Значит, он не существует, как не существует в физике абсолютно черного тела или абсолютно нуля. В результате абстрактный, идеальный субъект – это субъект, который либо ничего не понимает, либо понимает все.

Большинство ученых в рассуждениях о человеке признают его разумность и самостоятельность (*Homo sapiens!*). Но, далее, по ходу своих теоретических построений они уподобляют человека то психической функции, то рабу-активисту врожденных патологий, то, в лучшем случае, пристрастному продукту predetermined эволюции общественного развития. Все начинают «за здравие», но заканчивают «заупокойной молитвой»...

По-видимому, такие свойства субъекта, как способность к самоизменению, самопричинности противоречили естественнонаучной точке зрения с самого начала и потому были ею «вытеснены». Тем не менее, историки и философы с древних времен и по сей день продолжают спорить «о роли личности в историческом развитии общества», тогда как психологи вопрос «о роли собственной личности человека в его индивидуальной истории развития» обсуждают менее активно.

Мир человека детерминирован двояко: законами бытия, где истина необходима и неизбежна, и законами должествования как механизмами социального взаимодействия. Соответственно развитие человека как субъекта так же двойственно детерминировано. Его с неизбежной необходимостью определяют законы природы, продуктом которой является индивид, и неоднозначно – законы исторического развития общества, в котором он, как субъект, имеет возможность выбирать должное и недолжное в отношении себя. Бытие человека представляет собой единство отраженного людьми и порожденного людьми. Данность мира, представленная в языке, не тождественна объективной реальности. Соответственно понимание человеком мира, других людей, себя самого находится не в объекте, а в культуре, и не в идеализированном, а в персонифицированном субъекте.

Язык – источник и пространство не объективных, а символических связей человека с миром, с другими людьми, с самим собой. Процесс интериоризации субъекта двойственен, поскольку является

результатом логико-гносеологического и ценностно-смыслового взаимодействия. Поэтому субъект не может быть безличен, а его активность – инструментальна.

Трудности с конкретными характеристиками субъекта возникают в связи с несовпадением точки отсчета естественнонаучного и гуманитарного знания. Субъект познания отличается от субъекта бытия мерой собственной познанности. Гносеологический субъект – это абстракция идеального наблюдателя, предпосылка классической рациональности, вводимая для «устранения» человека из гносеологической ситуации и обеспечения объекту независимого от субъекта проявления. Однако идеальный наблюдатель должен быть абсолютно «прозрачен» для самого себя, абсолютно самоосознаваем и, значит, абсолютно самопредсказуем.

В гуманитарных науках категория субъекта является одной из центральных, особенно в философии, онтологии, антропологии. Субъектная природа человека проявляется в его способности изменять мир и себя в нем, выстраивать взаимоотношения с другими людьми, осознавать происходящие изменения. Онтологический субъект – субъект бытия – не поддается полной объективирующей рефлексии, так как расположен не только в сознании человека, но и в его теле, и в его неполностью определенном мире.

При теоретическом рассмотрении субъект-объектных отношений не предполагается или вытесняется сама «сущность в себе» человека [Мамардашвили, 1997].

Отстраняя бытие от самих себя, даже на мгновение, мы получаем ситуацию, в которой все предстоящее перед нами в качестве объекта перестанет существовать. Встреча субъекта с другим (объектом или субъектом) без одновременной встречи с самим собой в реальных условиях невозможна. Бытие порождает себя, встречаясь с собой во внутреннем мире человека.

Онтологический субъект не может быть «точкой покоя». По мнению М. Фуко, человек – постоянно изменяющая свое местопо-

ложение «точка схождения означающего и означаемого» [Фуко, 1996]. Проявляя субъектность, человек оказывает влияние на местонахождение «точки схождения». Субъект – это точка начала активности, изменений, поиска, выбора в момент «здесь и сейчас» – точка возможной бифуркации.

Мы не ставим перед собой цель ниспровергнуть научные авторитеты более, чем этого требует заявленная проблема предупреждения психической зависимости наркотического характера. Но, «стоя на плечах гигантов», беремся утверждать, что «Психология зависимости» представляет собой самостоятельное и малоизученное направление психологической науки. Самостоятельное и малоизученное настолько, что может быть использовано в качестве «пробного камня» для старых и новых психологических теорий. Сегодня этот камень, как в прямом, так и в переносном смысле является кладбищенским.

Наша многолетняя практическая и экспериментальная деятельность в области психологии зависимости показала, что наибольшей эвристичностью и плодотворностью обладают идеи В.А. Петровского о неадаптивной активности, свободной причинности, отраженной субъектности, а также его критический анализ принципа «сообразности» в психологии.

«Сообразность» как принцип широко используется для объяснения первопричин человеческого поведения. В рамках «сообразности» (соответствия чего-то чему-то) создается впечатление, что возможно найти цель, в соответствии с которой все происходит и с человеком, и в человеке. Все остальное исключается как не имеющее отношения к цели.

Ученые-психологи, манифестируя «гедонистическую», «гомеостатическую», «прагматическую» концепции, фактически определяют субъекта как функцию изначальной цели, выводя из нее или сводя к ней все факты поведения и сознания. «Сообразность» с целью становится критерием совершенства взаимоотношений челове-

ка с миром. В таком случае, «гомеостатический человек» все время стремится к «душевному равновесию», но рассчитывается за это постоянной уязвленностью или «тупым безразличием». В свою очередь, «гедонистический человек» живет в «вечной» дилемме: «пресытиться» тем, что есть, или всякий раз бездумно рисковать ради обновления ощущений. «Прагматичный» – озабочен своим будущим настолько, что вынужден все время упускать свое настоящее (уже достигнутое) ради того, чтобы продолжать упускать его в последующем. Цели и результаты не совпадают. Выходит, сообразность исключает субъекта. С другой стороны, отказ от целевой регуляции неизбежно будет подменяться зависимостью человека от внешнего воздействия, от судьбы, от среды, от социальной программы, от чужого мнения. В таком случае, развитие личности человека превращается в сугубо адаптивный процесс, в дрейф предустановленного (В.А. Петровский). Тогда вопрос о субъекте опять остается без ответа.

Принцип «сообразности» легко опровергнуть при рассмотрении психической зависимости наркотического характера. Например, как с точки зрения сообразности, ответить на вопрос: «Зачем индивид выбирает то, что опасно и вредно для его здоровья, социально неодобряемо, приносит короткое наслаждение на фоне постоянного страха разоблачения и сильной физической боли, нарушает стабильность всей жизни? Если механизм «срыва» и «разрядки» так прост (блокирование потребности, рост напряжения, «срыв»), то зачем люди выбирают то, что требует большего напряжения сил и времени?» Тем, кто будет продолжать искать ответ на этот вопрос в рамках «сообразности», напомним об исследовании Д.Якобсон. Ей удалось доказать, что состояние напряжения может быть приятным, тогда как состояние разрядки, напротив, – мучительным. Так что не все так, как представляется на первый взгляд.

И еще несколько слов об одном явлении, которое в последнее время получило распространение в молодежной среде – «наркотиз-

ме». «Наркотизм» характеризуется употреблением наркотических веществ в качестве «украшения» досуга, «экзотики», времяпрепровождения. В медицинском смысле это трудно назвать заболеванием. С другой стороны, жизнь тех, кто подобным образом увлекается наркотиками, нельзя отнести к тяжелой, стрессогенной, беспросветной. Как правило, это молодые люди из семей со средним и высоким достатком, с достаточно образованными родителями, учащиеся в привилегированных учебных заведениях. Наркотизм вернее отнести к безнравственному и безответственному поведению человека, нежели давать ему биологическую интерпретацию. Изучение большого числа людей, употреблявших ранее наркотические вещества, показало нам, что многие из тех, кто прекратил употребление, смогли сделать это вопреки всем известным сегодня психологическим теориям.

«Сообразность» – «методологический аппендикс» в «организме самопричинности», орган когда-то важный, но утративший свое значение, плод искушения разума определенностью в мире неопределенности. Хочется вслед за А.Маслоу выкрикнуть: «Не продешевили ли мы с пониманием человека?», если «пути освобождения» его от разного рода зависимостей столь «неисповедимы»...

§ 3.6. О происхождении субъектности

Общеизвестно, что если самостоятельной силой реакции обладает всякое живое существо, то активность как самостоятельная форма бытия свойственна только человеку.

Человек в процессе эволюции, обитая в суровых и динамичных условиях жизни на земле, не только приспособивался к ним, но и все время, преодолевая сопротивление окружающей среды, приспособивал их к себе. Это увеличивало его возможности и концентрировало в нем «новую силу», направленную против любых потенциальных ограничений. Постоянные изменения в окружающей среде вынуждали человека искать разнообразные средства для субъек-

тивного сопротивления объективным условиям жизни. «Новая сила» все больше приобретала характеристики орудия по преодолению ограничений как таковых.

В процессе поиска, проб и ошибок возникали пространственные и временные совпадения (синхронны) разнородных явлений. Эти явления, не состоящие между собой в причинно-следственной связи, при взаимодействии в определенных условиях открывали человеку неожиданные эффекты и масштабы «покорения» мира. Например, огонь, вода и глина – явления по своему происхождению разнородные. Однако размягченная в воде и обожженная в огне глина приобретает свойства сохранять заданную форму, в которой можно неоднократно нагревать на огне воду. Этот эффект возникает только при условии поэтапной синхронизации разнородных явлений, только при «обработке» одной природной формы с помощью другой в строгой последовательности. Хроногенная локализация – время для отдельного от мира процесса, отдельного порядка, последовательности событий.

Воспроизводимость выявленных эффектов обеспечила индивиду несомненные преимущества над его врожденными (природными) возможностями и инстинктами, способствовала синтезу новой формы жизнедеятельности человека. Природная сущность доисторического человека подверглась искушению могуществом, которое обещала ему общественно-историческая форма жизнедеятельности. Это подтверждают мысли Выготского о том, что индивидуальная жизнь появилась из коллективной, т.е. развитие человека идет не к социализации, а наоборот, общественные отношения превращаются в психические функции.

Содержание новой формы существования все меньше зависело от законов «капризной природы», и все больше – от общественно-исторической организации жизни, построенной людьми. В мире возникли новые причинно-следственные связи, на которые мог оказывать влияние общественно-исторический опыт «носителя

причинности». Это обеспечивало человеку превосходство и все большую автономию среди всех живых существ. Возможно, тогда же ему открылась (в нем самом) его новая родовая социальная сущность. Она появилась как устойчивая форма, «обожженная в печи» новой организационной структуры общественной жизни и оказалась пригодной для хранения эффектов прогрессирующего могущества.

В родовой социальной сущности человека объективный мир мог отражаться субъективным образом. Это позволяло человеку по своему усмотрению вносить изменения в существующий порядок вещей. Соединения несоединимое и разъединя неразрывное, человек создавал вокруг себя новую культурно-историческую среду обитания. Возможности, которые предоставляет человеку культура, стали превосходить его врожденные (природные) возможности задолго до их биологического созревания. Сегодня ребенок, еще не способный физически забраться на дерево, умеет включать телевизор, видеомаягнитофон и даже играть на компьютере.

Социальная сущность человека стала условием его освобождения от зависимости, навязанной со стороны дикой природы и, таким образом, получила статус потребности. Потребность стать и быть социальной сущностью помогла человеческому индивиду подняться над своими первичными инстинктивными потребностями.

Чтобы остаться в рамках исследования психологии зависимости, воздержимся от погружения в детали процесса исторического развития человека, ограничившись только тем, что имеет прямое отношение к нашей работе.

Для нас не важно, появилась ли родовая социальная сущность у доисторического человека в процессе длительной эволюции или резкого качественного скачка, развивалась она линейно или лавинообразно, как цепная реакция, осуществлялась сразу в этнокультурной специфике или это влияние более позднего периода. Важно

то, что сегодня мы можем наблюдать, как люди проявляют свою социальную сущность, даже если не успевают это осознать.

Не нужно специальных экспериментов, чтобы заметить, как внешнее ограничение человека, вопреки его желанию, вызывает сопротивление. Тогда как расширение его возможностей (степеней свободы) не требует дополнительного стимулирования. Получение нового опыта само по себе может служить для человека сильной мотивацией. Тем, кто в этом сомневается, предлагаем в качестве эксперимента приковать себя наручниками к водопроводной трубе на некоторое время. Наблюдения за своими мыслями и чувствами развеют сомнения. Для чистоты эксперимента все это можно проделать в темной комнате.

Мы будем придерживаться мнения, что родовая социальная сущность человека – продукт общественно-исторического опыта сопротивления природным ограничениям. Социальная сущность способствует развитию у человека новых возможностей, превосходящих его естественно-биологические. Социальная сущность – необходимое условие существования человека среди людей, ставшая объективной потребностью. Социальная сущность человека развивается несоизмеримо быстрее, чем естественно-биологическая. Социальная сущность превзошла биологическую настолько, что между ними стал возможен процесс отчуждения и даже конфронтации. Примером конфронтации природно-биологической и социальной сущности в человеке может служить растущий перечень психосоматических заболеваний.

К сожалению, проблема не ограничивается страданиями отдельных индивидов. В последнее время обострились глобальные проблемы развития человеческой цивилизации со всеми вытекающими последствиями. Экологические, экономические, энергетические катаклизмы, военные конфликты, футурошок, создание оружия массового уничтожения, терроризм и тому подобное вызывают у всего населения планеты постоянную тревогу, стресс и растерян-

ность. Разделение труда и имущественное расслоение общества способствовали отчуждению человека от продуктов его собственной деятельности, порождая в нем (человеке) ощущение беспомощности и самоутраты.

Трудно назвать конкретный исторический момент, когда стремление к независимости обернулось для человека потерей целостности и даже, в отдельных случаях, смертельной опасностью. Специфика опасности такого рода заключается в том, что она (опасность), вместо того чтобы, как это часто бывает в природе, объединять, сплачивать людей, усиливает в них переживание одиночества и отчаяния. Философско-психологические последствия утраты человеком целостности и смысла своего существования подробно изложены в литературных произведениях экзистенциалистов.

Та же самая потребность (в преодолении ограничений), что привела человека к могуществу над природой, лишила его внутренней целостности. Попытки интерпретировать столкновение природного и социального в человеке как столкновение каких-то внутренних «сил», «частиц» и даже энергетических «поток» обречены на ошибку и упрощение. Правильнее сказать, что в человеке обе его сущности (на самом деле, части), биологическая и социальная, могут находиться в «конкурентных» отношениях. Победа временно переходит к той сущности, которая на мгновение оказывается лучше, чем другая, приспособленной к сложившимся обстоятельствам. Так, чаще всего, работают механизмы адаптации человека в окружающем его мире. Некоторые приемы психотерапии построены на «переадресации» адаптивных свойств от одной сущности к другой. Однако, как показывает практика, предпочтение одной из своих сущностей (частей) на основе рациональной саморегуляции не восстанавливает в человеке утраченную, по условиям выбора, целостность. Тем не менее, внутренняя несогласованность может быть преодолена как внешняя ограниченность,

как сопротивление, возникшее на пути развития человека. Но, в таком случае, автору поступка придется выбирать «неопределенное», выходить за границы ситуативной заданности, проявлять неадаптивную активность. Потребность рождается на стыке органических аппаратов жизнеобеспечения и культурных аппаратов поведения, открывающих человеку новые возможности.

В.А. Петровский пишет о существовании у человека объективной потребности быть личностью. Быть личностью – это значит быть в состоянии восстанавливать свою целостность. Преодолевая ограничения внешнего мира, человек обретает свою личность, восстанавливает единство души и тела, чувств и мыслей, внешнего и внутреннего. Выход за предрешенное позволяет превращать зависимость от обстоятельств в зависимость от воли человека. Выбирая неопределенное, человек испытывает себя в своей самопричинности, полагает себя субъектом. Самополагание – неотчужденность полагающего и полагаемого, возможна только в случае ответственности полагающего за полагаемое. Здесь ответственность, выступая расплатой за пользование свободой, принимает вид самоответственности [Петровский, 1996б].

В психологической литературе понятие «субъективность» и «субъектность» используются в различных значениях. Субъективность, в широком смысле, обозначает принцип существования человеческой реальности, форму ее бытия, способ ее организации, способность быть в отношении к собственной жизнедеятельности. В узком смысле, «субъективность» характеризуется пристрастностью, относительностью восприятия действительности, актуальным несовпадением идеального и реального как возможного или ошибочного.

Дать определение понятию «субъектность» значительно сложнее. Субъект изначально противопоставлен миру объектов, и поэтому как объект непознаваем. Любое определение субъекта обречено на статус гипотезы.

Человек – «живое противоречие», «сотканное из противоречий» (М. Бердяев), он неопределим с точки зрения теоретической перспективы закрытых стереотипов.

Субъектный подход к психологическому пониманию человека в последнее время становится методологическим основанием в преодолении противоречия и противопоставления между объективным и субъективным, материальным и идеальным, психическим и физическим, внешним и внутренним. Возникновение термина «субъектность» связано с исследованиями С.Л.Рубинштейна и его школы. Психологические аспекты «субъектности» представлены в работах отечественных психологов К.А. Альбухановой-Славской, Б.Т. Ананьева, Л.И. Анциферовой, А.Г. Асмолова, А.В. Брушлинского, А.Н. Леонтьева, В.Н. Мясищева, В.П. Петровского и др.

«Субъектность» – системная целостность противоречивых качеств, процессов, свойств, состояний сознания и бессознательного [Брушлинский, 1996]. Субъектность реализуется в моментах выхода человека за границы предустановленного (надситуативные акты), отраженности его в других людях (идеальная представленность и продолженность) и возвращенности к себе (воспроизводстве своего бытия в других и в себе) [Петровский, 1992, 1996а].

Субъект – производитель и очевидец самоизменений, т.е. он всегда должен быть «больше самого себя». Иначе субъекта нет. Чтобы субъект был в состоянии «исполнить» свою субъектность, он должен обладать избыточной активностью, достаточной для преодоления «гравитации» предустановленного и «возвращения домой» с продуктами нового опыта. В действительности, человек проявляется не только в противостоянии миру, но и в продолженности в мире [Братусь, 1989]. Это определяет человека как самостоятельного суверенного субъекта жизни, открывает механизм внутренней свободы и ответственности.

Суверенный субъект жизни, если к тому же он участвует в самоизменении, не может существовать вне телесно-чувственной ло-

кализации. Даже если названный субъект является предметом мысли другого субъекта и, таким образом, является бестелесно отраженным в нем, то и это не отнимает у него его собственного тела, до тех пор, пока в нем продолжается жизнь.

§ 3.7. Атрибуты и корреляты субъектности

В работах В.А. Петровского показан процесс редукции одной из важнейших идей психологии – идеи «развития личности» и подмены ее идеей «формирования личности» (Рис. 5).

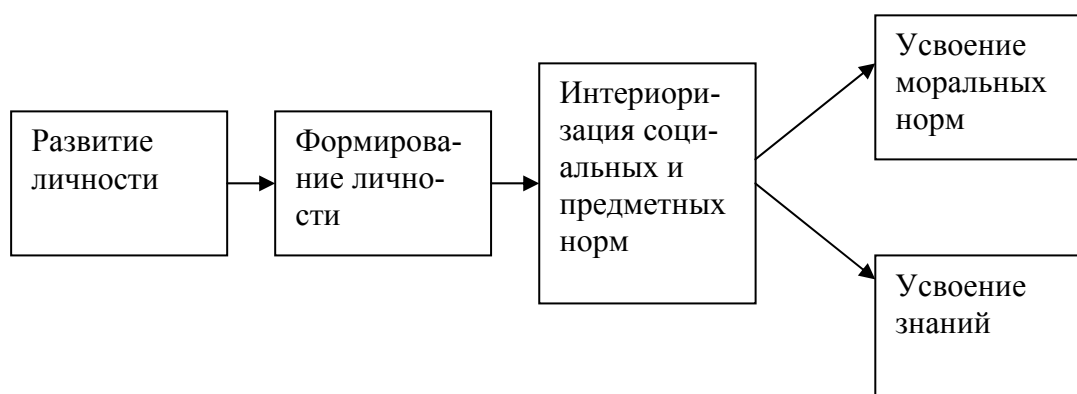

Рис. 5

Из идеи «развития», сформулированной как «формирование», выпадает момент спонтанности. Но тогда рост личности интерпретируется как управляемый извне (что, конечно, абсолютно противоречит самой сути развития личности как ее самодвижения). Сведение процессов формирования личности к интериоризации социальных и предметных норм элиминирует витальные и экзистенциальные отношения; космичность бытия человека, его слитность с природой, микрокосм его самости – все это упраздняется во имя правилосообразного поведения. Завершающий шаг в этих подменах – переход к «школьной» доктрине развития как усвоения того, что когда-нибудь пригодится в жизни; при этом не остается места ни духовности, ни душевности, ни *телесности* (добавлено нами К. Лисецкий).

Воспитывающие взрослые интерпретируют стремление детей к свободе как стремление делать то, что запрещено (нарушать дисциплину и порядок), а не как стремление к творческому поиску и созданию чего-то нового. Таким образом, из педагогического процесса выхолащивается процесс детского саморазвития. Сожаление о том, что педагоги не умеют определять реальную субъектность детей неоднократно высказывал в своих работах Д.И. Фельдштейн [1972, 1994]. По-видимому, слишком велико искушение оправдывать деструктивное поведение людей (конфликтность, капризность, безответственность, глупость) некоторым сходством с проявлением их субъектности и тем самым отторгать необходимость ее (субъектности) развития в педагогической практике.

Мы уверены, что прояснение характеристик субъектности поможет педагогам и психологам (всем воспитывающим взрослым) понять феноменологию субъектности не только как теоретическую абстракцию, но и как «плоть и кровь» эффективного средства воспитания и взаимодействия людей.

Изучение литературных источников представителей субъектного подхода в психологии позволило нам сориентироваться в концептуальном пространстве поставленной проблемы. Субъектность – это способ развития личности и одновременно свойство, присущее развитой личности. Субъектность – средство восстановления целостности личности человека и условие его автономии. Наибольшую сложность представляет собой прояснение противоречия, лежащего в основе феномена субъектности. Субъектность как ответственность за непредустановленное, оказывается единством двух противоположностей: свободы и контроля.

В качестве расшифровки понятия «субъектность» В.А. Петровский использует термин «самопричинность» [1992]. Самопричинность – фундаментальное свойство и способность субъекта быть причиной себя, быть способным проявлять одновременно спонтанность и ответственность.

Спонтанность – произвольная активность субъекта. Любые ограничения, рефлексия или контроль для нее исключены. Ответственность, ее личностно-психологический аспект (не правовой и не моральный), т.е. самоответственность, так или иначе, все равно представляет собой не что иное, как ограничение и контроль. Мы совершили попытку осмыслить противоречие между спонтанностью и ответственностью.

1. Спонтанность может неограниченно проявляться до тех пор, пока ее свобода ответственно гарантирована субъектом.

2. Спонтанность может неограниченно проявляться до тех пор, пока ответственный самоконтроль будет исключать свободу ее саморазрушения.

3. Спонтанность может неограниченно проявляться до тех пор, пока ответственный самоконтроль рефлексировывает наличие изменений.

4. Спонтанность может неограниченно проявляться до тех пор, пока субъект ответственно «находится» в неопределенности.

Презумпция ответственности требует «другого» или другого «Я» (К. Ясперс), т.е. соотнесения двух «точек схождения» «означающего и означаемого» между собой или соотнесения проекций одной точки в разных системах координат. Ответственность, представленная в таком виде, помогает человеку постичь (почувствовать) силу утверждающей его свободу личностной целостности. Свобода – акт целеполагания, когда цель – полагание себя как причины изменений, привносимых в мир. Идея свободной причинности заключена в действиях с непредрежденным исходом. Решение об участии в такого рода действиях принимает личность человека.

К основным характеристикам личности относятся целостность, автономность, структурность. Все они неразрывно связаны между собой. Целостность личности – это согласованность внешней объективной и внутренней субъективной реальности человека (мыслей, чувств и действий). «Человек жаждет целостности» [Гроф, 2003].

Структурность – иерархическое соподчинение потребностей, мотивов, целей и ценностей во внутренней субъективной реальности. Автономия – относительная независимость личности при изменениях во внешней объективной реальности. Целостность переживается как самоидентичность (соответствие внутренней структуре) личности за границей предустановленного. Автономия личности требует соответствия той внутренней структуре, которая обеспечивает ей автономию. Изменение в любой характеристике влечет за собой изменения во всех других. Взаимосвязь характеристик должна быть либо восстановлена (на новом уровне), либо изменяющаяся структура личности начинает произвольно разрушаться. Эти разрушения могут вызвать у человека душевные расстройства, способны проникнуть в его организм, изменить психическое и физическое состояние его здоровья.

Восстановление «онтологической целостности» человека может быть осуществлено или за счет проявления им субъектности (само-развития личности), или за счет каких-либо внешних ресурсов.

Однако в связи с тем, что проблема развития личности в психологии окончательно не решена, и до сих пор не существует общепсихологической теории личностного развития как непрерывного целостного процесса, многие исследователи вынуждены интерпретировать свои научные и практические достижения, не имея фундаментальных оснований. В результате доказательство того или иного положения в психологии развития личности, как правило, осуществляется либо на основе понятий (языка) других наук, либо только по результатам обработки экспериментальных данных. Поскольку это неизбежно, психология зависимости в данном случае не является исключением. Разница может быть только в том, что наличие или отсутствие психической зависимости, а также степень ее выраженности труднее скрыть или фальсифицировать. Таким образом, объективно фиксируемая зависимость оказывается значи-

мым при проверке параметром результативности такого или иного психологического метода.

На вопрос: «С чего начинается личность?» В.А. Петровский отвечает, что *личность начинается с преодоления*, с выхода за пределы приспособленности, адаптивности. Производя себя как субъекта, индивид вместе с тем производит себя как личность. Таким образом, признаком субъекта является трансценденция, выход за предустановленное, вхождение в неопределенное. Субъект входит в мир, буквально «воплощаясь» в себе, в других, в предметах деятельности. Самополагание имплицитно содержит полагающие начало, находящиеся вне субъекта принадлежащее к категории «Не-Я». Выходит, что субъект исполняет роль медиатора. Медиатора между определенностью и неопределенностью, внешним и внутренним, идеальным и реальным, физическим и психическим, «Я» и «Не-Я» в человеке.

Проявление человеком своей субъектности осуществляется не только в акте самополагания (в полагании себя), но также в исполнении себя и в полагании на себя (на свое «Я-реальное»). Субъектность проявляется как медиация полагания себя и полагания на себя в процессе саморазвития личности.

Казалось бы, на что же еще можно опираться человеческому «Я» в проявлении своей активности, как не на самого себя? Но если так, то почему проблема развития человека остается до сих пор одной из главных в психологии. Почему ее решение всякий раз «ускользает»? Почему до сих пор не удалось найти корень для «уравнения жизни», в одной части которого находится идеальный мир человека, в другой – реальный? Все потому, что исключение онтологического субъекта превращает уравнение жизни в «гносеологическое» тождество, и только при появлении онтологического субъекта два мира начинают существовать, взаимообуславливая друг друга своей нетождественностью.

Проявление субъектности подобно соединению «через себя» не связанных между собой или разъединению взаимосвязанных предметов и явлений. Это позволяет создавать причинно-следственные связи, не существовавшие ранее в природе.

Порожденная таким образом «из-Я» картина Мира, представляющая собой единство (не тождество) различного, сотканного из «через себя» соединений множества разнородных независимых переменных (объектов, событий), создает условия для творческой, авторской «отсебятины» человека. «Отсебятина» может существовать только при существовании «себятины»: имени (нареченности, названности, т.е. именительного падежа в единственном числе), лица, собственного тела, «концепции-Я», самоидентичности. Эта «отсебятина» – начало и способность человека к «всепроникновению», свойственному его мысли, способность переплавлять в себе все и становиться всем. Мысля себя, человек проникает собой в мир, обретает в нем свою «отраженность».

Как не вспомнить Вергилия, который говорил о том, что все может надоесть, кроме понимания. Однако существовать – это не только «отражать», сканируя лучом познания суть вещей, но и одновременно возвращаться к себе, объединяться с собой, отражаться в себе.

Одним из ключевых проявлений субъектности – свободного, спонтанного и ответственного проявления собственной субъективности – является способность к совершению экзистенциального выбора, который характеризуются свободой и непредрежденностью собственных результатов. В психологии В.А. Петровским совместно с Т.А. Таран была предложена математическая метаимпликативная модель такого выбора и намечены пути ее эмпирической верификации. В наших работах была сделана попытка «уловить» субъектность, основываясь на работах этих авторов.

Согласно В.А. Петровскому, субъект – это свободное, целеустремленное, рефлексивное и развивающееся существо. Каждая из

перечисленных характеристик, взятая сама по себе, не может никаким образом ни охарактеризовать субъектность, ни быть показателем ее выраженности. Для проявления субъектности необходимо наличие всех перечисленных характеристик и их определенной структурно-функциональной взаимосвязи.

В основании любого проявления субъектности лежит свободное намерение действовать так или иначе – интенция, устремление (единство «могу» и «хочу»). Для реализации собственных устремлений субъект должен быть способен к целеполаганию, в противном случае благие намерения так и останутся всего лишь намерениями. Субъектное целеполагание основывается на собственных устремлениях, однако оно не обязательно полностью им соответствует. Целеполагание и дальнейшее поведение, направленное к поставленной цели, может быть успешным, состоятельным, и неуспешным, несостоятельным. К каким бы результатам ни привела субъекта его активность, за ней должна следовать рефлексия, осмысление результатов деятельности, решение «задачи на личностный смысл». Результатом рефлексии является определение соответствия цели и полученного результата, принятие решения о том, зачем достигнутый результат необходим человеку. Действительно, о достижении цели, удовлетворении побуждений человек судит не столько по объективным результатам своей деятельности, сколько на основании собственной рефлексии, субъективной удовлетворенности и значимости достигнутых целей.

Таким образом, в структурно-функциональном плане субъектность можно представить как рефлексия субъекта, основанную на результатах собственного целеполагания, которое, в свою очередь, основывается на интенциях и устремлениях субъекта.

Следует отметить, что несовпадение цели и результата, целеполагания и собственных устремлений вовсе не означает отсутствие субъектности. Как раз наоборот: через рефлексия субъект способен обнаружить себя даже в тех результатах собственной актив-

ности, которые никак не соотносятся с изначальными устремлениями, «присвоить» себе непредрежденные результаты собственных действий. Состоятельность всех трех процессов – устремлений субъекта, его целеполагания и рефлексии – это и есть состоятельность субъектности, обеспечивающая ее, субъектности, развитие (а точнее, САМО-развитие).

В нашем исследовании была предложена метаимплицативная модель для диагностики субъектности, а также проведено сравнение выраженности субъектности у лиц, склонных к употреблению психоактивных веществ, и не употребляющих наркотические вещества. В содержательном плане импликация $x \rightarrow y$ может быть описана как « x опирается на y », «для удовлетворения запроса x требуется ресурс y ». Тогда применительно к нашей модели метаимплицативная модель субъектного поведения может быть представлена как двойная метаимпликация $(x \rightarrow y) \rightarrow z$, где:

x – побуждение к действию, интенция, желание заниматься той или иной деятельностью;

y – целеполагание, способность человека поставить перед собой конкретную цель для реализации собственных побуждений. Действительно, для реализации побуждений необходимо определить цель, достижение которой будет приводить к удовлетворению этих побуждений;

$(x \rightarrow y)$ – состоятельность целеполагания, соответствие поставленной цели изначальным намерениям;

z – рефлексия, осмысление результатов деятельности, решение «задачи на личностный смысл»;

$(x \rightarrow y) \rightarrow z$ – состоятельность субъектности, обнаружение личностного смысла и установления соответствия между изначальными намерениями x и результатом активности, освоение и присвоение человеком результатов собственных действий, состоятельность признания себя как субъекта выбора и поведения, «авторства» своей жизни, своего присутствия в ней.

В нашем исследовании в качестве испытуемых выступали как люди, употребляющие легкие психоактивные вещества, так и люди, не проявляющие склонности к их употреблению. Общая выборка исследования составила 80 человек, из которых 40 являются потребителями легких ПАВ, остальные 40 – нет.

Для эмпирической проверки имплицативных моделей В.А. Петровский предлагает использовать опросники, направленные на выявление частоты возникновения в жизни человека ситуаций, в которых присутствуют или отсутствуют устремления, целеполагание и личностная рефлексия. Нами были составлены несколько предложений, соответствующих каждому из возможных сочетаний трех переменных в модели (всего восемь возможных сочетаний). Методом экспертных оценок были отобраны по два предложения для каждого сочетания. Испытуемым предлагалось ответить на вопрос, как часто в их жизни возникают ситуации, соответствующие предложенным предложениям, и отметить частоту их возникновения на неградуированном отрезке длиной в 10 сантиметров, с полюсами, подписанными как «никогда» и «всегда».

При обработке результатов мы исходили из положения, что все 8 сочетаний описывают все возможные варианты, возникающие в жизни человека. Тогда сумма всех возможных вариантов должна равняться полной вероятности – т.е. единице. Поэтому при обработке результатов длины отрезков, отмеченные испытуемыми, были предварительно нормированы. Полученные результаты позволяют на основании табличного определения импликации количественно оценить каждую из переменных моделей, а затем, пользуясь формулами метаимпликации и двойной метаимпликации, определить значения состоятельности целеполагания и состоятельности субъектности.

Нас также интересовала взаимосвязь уровня субъектности, равно как и ее отдельных структурных элементов, с личностными особенностями испытуемых. Для диагностики личностных харак-

теристик нами была подобрана батарея психодиагностических методик, включающая в себя:

1. 16-факторный тест Кеттелла.
2. Опросник уровня интернальности-экстернальности.
3. Трансактный опросник выраженности эго-состояний.

Нами было обнаружено, что для реализации субъектности выбор деятельности должен быть свободны, непринужденным и, в терминологии личностных черт по тесту Кеттелла – «расслабленным». Развитый навык целеполагания приводит к большей выраженности доминантности в структуре личности. Он также связан с развитием самоконтроля и практичности. Развитие рефлексивных навыков оказалось связанным с большим уровнем тревожности и самостоятельности. В то же время интернальность в области неудач, наоборот, не способствует большей выраженности личностной рефлексии. Наконец, состоятельность субъектности в целом детерминирует выраженность эго-состояния «Взрослый», общий уровень интернальности, безмятежность, невысокую тревожность и самоконтроль. Отметим, что выраженность эго-состояния «Взрослый» оказалась значимо детерминированной только общим уровнем субъектности, и никак не связана ни со способностью к целеполаганию, ни с развитостью личностной рефлексии, ни с состоятельностью целеполагания, входящими так или иначе в структуру субъектности. Иными словами, субъектность – это Взрослая позиция по отношению к себе и своей жизни, к собственной спонтанной, свободной и ответственной субъективности.

Сравнение выборок испытуемых, употребляющих и не употребляющих ПАВ, представленное в таблице 5, показало, что наибольшее различие между группами наблюдается как раз по уровню состоятельности субъектности в целом.

Таблица 5

Сравнительный анализ диагностических показателей среди испытуемых, употребляющих и не употребляющих легкие ПАВ

Шкала	Средние значения		t-критерий	Степень свободы	p-уровень
	потребители ПАВ	не употребляющие ПАВ			
Опросник выраженности эго-состояний					
Д	43.07	46.93	-1.19250	38	0.243072
В	42.53	47.20	-1.38038	38	0.178391
Р	29.33	29.40	-0.02362	38	0.981323
Общий уровень интернальности					
Ио	5.07	5.93	-1.16676	38	0.253148
16-факторный тест Кеттелла					
А	4.00	6.67	-3.42458	38	0.001917
В	6.40	7.20	-1.09545	38	0.282655
С	5.47	7.27	-3.29506	38	0.002674
Е	5.67	6.20	-1.16870	38	0.252380
F	7.33	6.93	0.63145	38	0.532865
G	3.60	4.33	-1.38430	38	0.177201
Н	7.27	7.07	0.34674	38	0.731379
I	5.93	5.87	0.07923	38	0.937410
L	5.33	5.60	-0.39661	38	0.694658
М	6.73	6.07	1.15580	38	0.257530
N	4.47	4.87	-0.67628	38	0.504413
O	6.33	4.73	2.04726	38	0.050120
Q1	7.00	7.27	-0.45250	38	0.654398
Q2	5.07	3.87	1.39827	38	0.173009
Q3	3.60	5.53	-2.44472	38	0.021048
Q4	5.40	4.87	0.71351	38	0.481438
уровень субъектности					
	0.58	0.69	-4.06651	38	0.000232

Иными словами, ни одна из исследованных нами личностных характеристик не является «фактором риска», равно как и их соче-

тание в структуре личности. Среди употребляющих легкие психоактивные вещества, равно как и среди не употребляющих ПАВ, есть тревожные и спокойные, экстерналы и интерналы, лица с большей выраженностью эго-состояния «Взрослый» и эго-состояний «Родитель» и «Ребенок»... Список можно продолжать и далее. Однако отсутствие субъектной позиции по отношению к себе и к собственной жизни, «неприсутствие» в ней оказалось той самой характеристикой, по которой употребляющие и не употребляющие ПАВ испытуемые отличались между собой в максимальной степени.

§ 3.8. Субъектность личности: собственная и заимствованная

В отношении подростковой и юношеской наркомании накоплено большое количество данных, которые оказывают влияние на общество и государство при выборе средств и методов решения этой проблемы. Концептуальные ошибки и неверные ориентиры ведут к значительному увеличению материальных затрат государства при низкой результативности профилактических программ и мероприятий. Если ошибки постоянно не исправлять, опасность наркотизации подрастающего поколения возрастает.

Взросление подростка осуществляется одновременно в трех пространствах обитания его личности: во взрослом сообществе, в субкультурном сообществе сверстников, в организмическом пространстве собственного тела. Рассогласованность этих пространств постоянно нарушает целостность «Образа Я» подростка, усиливает конфликтность и противоречивость в основных сферах его личности, увеличивает энтропию его ценностно-смысловой ориентации. В ситуации ответственного выбора или «двойного зажима» подросток испытывает беспомощность, потерю целостности, легко попадает в зависимость от случайного источника интеграции его актуально конкурирующих побуждений [Березин, Лисецкий и др., 2005б].

Проявление субъектности, способности к осмыслению и рефлексии своего субъективного опыта на когнитивном, аффективном и телесном уровнях помогает подростку в ситуации неопределенности открывать новые качества своей личности. В этом случае неопределенность выступает источником возникновения и развития избыточных возможностей в личности субъекта за счет интеграции его внутриличностных противоречий и взаимоисключающих побуждений.

В случае инфантильного или адаптивного реагирования подростка на возникновение ситуации неопределенности, она (неопределенность) становится пространством «заимствованной целостности», почвой для развития различного рода психических зависимостей.

Выбор решения в ситуации неопределенности является точкой бифуркации дальнейших событий в жизни подростка. Решения, как правило, бывают либо самостоятельные, либо навязанные. Таким образом, можно говорить и о субъектности либо как о собственной, либо как о заимствованной. Решения не всегда «снимают» неопределенность, но всегда определяют последствия. Собственная субъектность формируется в процессе саморазвития личности, заимствованная – за счет внешних средств или покровителя. Заимствованная субъектность разотождествляет личность с ответственностью.

Наркотическая зависимость – это своего рода форма заимствованной субъектности. Собственная целостность отличается от заимствованной не столько подлинностью переживаний, сколько личной ответственностью за их происхождение. Собственную целостность личности можно обозначить как динамическую согласованность когнитивных, аффективных и телесных переживаний в результате проявления личностью своей субъектности в ситуации онтологической неопределенности. Состояние субъектности личности можно охарактеризовать понятием «устремление» В.А. Петровского.

«Устремление» В.А. Петровский обозначает как влечение к продолжению, как форму самоценной, самовоспроизводящей активности человека, которая представляет собой единство переживаний «могу» и «хочу» в действовании, продолжающем избыточные возможности [Петровский, 1996а]. Собственная целостность личности подростка приобретает устойчивые черты в процессе развития внутриличностной системы самоподдержки. Мотивом ее развития, как правило, является стремление подростка к личной независимости. Исходя из этого, взросление можно представить как процесс последовательного решения подростком задач саморазвития и создания собственной системы самоподдержки.

Каждое решение такого рода задачи требует от подростка осознания и проявления своей субъектной позиции. Эти задачи, по сути, являются задачами «онтологического укоренения» личности во внешнем и внутреннем мирах обитания. Несмотря на то, что задачи вполне объективны, их решения воплощаются каждым человеком субъективно и неповторимо. Обратим внимание воспитателей на то, что проявление личной субъектности в ситуациях неопределенности не может иметь конкретных образцов. Их осознание возникает только при наличии неопределенности в процессе рефлексии произвольного выбора.

Своевременное решение каждой из задач во многом определяет последующее содержание жизни растущего человека. Задачи, оставшиеся неразрешенными, способствуют формированию «заимствованной» целостности и фиксируют в личности невротическое поведение.

Без развития субъектности взросление личности не наступает, даже если ее хронологический возраст намного опережает психологический. Движущей силой взросления являются противоборствующие мотивы и ценности, осознание которых определяет характер и содержание взросления. Анализ литературных источников и многоступенчатые исследования противоречий, возникающих в «Я-

концепции» личности в период взросления, помогли нам выделить из этих противоречий несколько целевых групп. На их основе мы и составили перечень онтологически значимых задач взросления. Решение каждой задачи, как показала практика, должно быть найдено подростком не только на когнитивном, но и на чувственно-телесном уровне.

В процессе дальнейшей исследовательской и практической работы нам удалось определить те задачи взросления, решение которых является достаточным для построения у подростка психологической основы внутриличностной системы самоподдержки.

1. Организмическое (чувственно-телесное) принятие подростком своего имени, внешности, тела.

2. Развитие способности к конструктивному преодолению внутриличностных мотивационных и ценностных противоречий, готовности к развитию своей «Я-концепции».

3. Выстраивание ответственных отношений со сверстниками обоего пола.

4. Достижение эмоционального равенства (психологической независимости) с родителями и другими взрослыми без эмоциональной зависимости.

5. Выбор способа бессмертия.

Разработанный нами на основе *онтосубъектного* подхода психологический тренинг содействия личности в решении ее онтологически значимых задач взросления показал хорошую результативность, высокую мотивационную привлекательность и соответствие глубинным психологическим запросам подростков (подробное изложение программы тренинга см.: Березин, Лисецкий, 2005б; Лисецкий, Литягина, 2004 и др.). Специально подготовленный для работы с подростками психолог может в процессе тренинга создать психологические условия, способствующие подросткам в решении их задач взросления.

В процессе тренинга моделируются ситуации высокой степени неопределенности, требующие от участников субъектного поведения и ответственного выбора. Деятельность психолога направлена на последовательное увеличение зоны ближайшего субъективного выбора и рефлексии происходящих изменений в отношениях и самоотношениях каждого из участников. Выбор – это шанс подростка превзойти себя, проявив свою субъектность, стать причиной происходящего.

Субъектное поведение в отношении самобытия помогает подростку самостоятельно находить себя в онтологической неопределенности, ответственно становиться собой, а не искать внешнего покровителя или адаптивно избегать возможности наказания.

Для диагностики онтологической энтропии в личности подростка мы использовали метод «тематической тревожности». Этот метод помогает обнаружить и зафиксировать факт решенности – нерешенности той или иной задачи взросления, а также качество состоявшегося решения.

Метод заключается в отслеживании «эмоциональных всплесков» [Боуэн, 2001], динамики увеличения тревоги в процессе конфиденциального обсуждения фундаментальных психологических основ системы внутриличностной самоподдержки подростка. Каждая тема прямо или косвенно связана с той или иной конкретной задачей взросления. Для диагностики эмоциональных всплесков нами были использованы методики биологической обратной связи (БОС), которая позволяет судить о выраженности состояния ситуативной тревоги по физиологическим характеристикам исследуемого. В качестве «маркеров» тревожности нами были выбраны такие параметры, как частота сердечных сокращений, равномерность и глубина дыхания. Конечно, каждый человек имеет свои особенности, связанные с физиологией, и потому характеризуется индивидуальными показателями частоты сердечных сокращений, глубины и равномерности дыхания в норме. Поэтому перед проведением ис-

следования необходимо определить физиологические показатели, характерные для испытуемого в норме – в состоянии покоя. Существенное изменение диагностируемых физиологических показателей является объективным признаком изменения его психологического состояния: в случае роста всех трех указанных нами показателей можно констатировать рост ситуативной тревожности. Использование нескольких физиологических критериев одновременно увеличивает надежность диагностики тревожного состояния и делает методику тематической тревожности высоковалидной. Эффективный способ разрешения актуальных для подростка проблем, способность совладать с ростом онтологической энтропии и примирить противоречивые тенденции собственного Я связано со способностью спокойно, без роста ситуативной тревожности, говорить на соответствующие темы и отвечать на вопросы исследователя.

Проявление собственной субъектности тренера-психолога в процессе работы с подростками является необходимой составляющей результативности проводимого им тренинга. Мастерство ситуативного моделирования, искусство ведения тематических диалогов, рассуждения на жизненно важные темы не обеспечивают достаточной эффективности работы психолога без реализации принципа пропорциональной субъективности. Это один из важнейших принципов онтосубъектного подхода, который мы разработали в последние годы: *личность может проявить свою субъектность пропорционально степени заданной неопределенности.*

Умение психолога в процессе тренинга произвольно повышать или снижать ситуативную неопределенность пропорционально возможностям участников является главной характеристикой его профессиональной и личностной готовности к работе с подростками по содействию в решении их онтологических задач взросления.

§ 3.9. Характеристики онтосубъектного подхода

Индивидуальное развитие человека, с точки зрения онтосубъектного подхода, рассматривается нами как **становление «истинного субъекта жизни» (Л.С. Рубинштейн) на основе чувственно-телесной локализации онтологического и гносеологического единства (буквального взаимопроникновения субъекта и объекта, бытия и сознания), персонифицированного в конкретной данности.**

Проблема развития в психологии является важнейшей и фундаментальной. На ее фоне отдельный интерес вызывает проблема саморазвития человека как личности. Социальные и психологические основы, условия и механизмы саморазвития личности рассматривались на протяжении многих веков различными учеными.

Определяя процесс индивидуального САМО-развития как особый вид развития, мы рассматриваем его с точки зрения возникновения, проявления и становления «субъектности» как системного качества развивающейся личности человека.

Как было указано ранее, «субъектность», следуя за Кантом, мы понимаем как «Causa sue» – причину себя, «самопричинность», определяя ее как ответственность в условиях неопределенности, как единство спонтанности и ответственности, как свободную причинность, следуя за В.А. Петровским.

Взаимосвязь между терминами «субъективность» и «субъектность» может быть проинтерпретирована следующим образом: субъектность – это ответственное проявления субъективности в условиях неопределенности. Субъектность, в нашем понимании, есть проявление единства сознания и бытия в форме персональной, чувственно-телесной локализации при непредреженности результатов действия. Такое понимание субъектности позволяет говорить о ней как об источнике самодетерминации поведения человека.

Единство бытия и сознания невозможно без чувственно-телесной единичности, воспроизводства персонифицированной

единственности «истинного субъекта жизни» в конкретной данности. Принимая «субъектность» в качестве главного понятия онто-субъектного подхода, необходимо прояснить ее отличительные признаки относительно других понятий и характеристик, прямо или косвенно указывающих на источники внутренней детерминации субъективной активности человека. Речь идет о таких понятиях, как «интенция», «воля», «целесообразность» и «целеустремленность», «случайность», «намерение», «стремление», «направленность». Интенция характеризуется внутрипричинной направленностью на определенный предмет. Воля проявляется в условиях существенной определенности. Случайность как источник детерминации безлична. Импульсивность безответственна, лишена выбора. Целесообразность и целеустремленность предварительно оформлены идеальной моделью желаемого результата. Стремление – чувственное переживание потребности, «тяготеющее» к определенному предмету. Намерение – желание завершить действие в соответствии с программой, с тем, что до начала «наметил» и «на-мерил». «Направленность» – совокупность устойчивых мотивов, интересов, идеалов, убеждений – того, что относится к мировоззренческой сфере личности.

Таким образом, каждое из названных понятий характеризуется либо предустановленным определенным результатом, либо, при неопределенности результата, случайностью или безличностью выбора. Каждое из явлений оказывается «безучастным» к самому себе, не способным к самопричинности в отношении себя. «Субъектность» не сводима ни к одному из них, и не выводима ни из одного из них.

Термин «субъектность» помогает нам обозначить целый ряд психических явлений, во-первых, в совокупности имеющих неопределенную направленность, во-вторых, ответственно и персонально выбираемых, в-третьих, чувственно-телесно локализованных. Эти явления имеют также произвольно выраженную причинно-

следственную связь, которая открывает человеку в конкретной данности возможности, превосходящие его актуальные потребности.

При определении «субъектности» как ответственности за непредрежденное действие [Петровский, 1996б] возникает необходимость в прояснении понятия «ответственность». Естественно, что речь идет не о юридической и не о моральной ответственности человека. Речь идет о психологических аспектах проявления субъективной ответственности. Ответственность за непредрежденное действие мы рассматриваем как самоответственность и потому не уподобляем ее внешнему ограничивающему контролю. «Самоответственность» в нашем понимании – это рефлексивно-динамический процесс в условиях конкретной ситуации, который представляет собой ответственность за возможность выполнения субъективной организации актуальной реальности. Иначе говоря – это ответственность за мыслимое и возможное, полученное из до того не мыслимого и не возможного, ответственность за расширенное воспроизводство субъектом самого себя. Такого рода ответственность помогает субъекту осознавать и даже ощущать последствия своих действий в отношении себя буквально и непосредственно.

В дополнение к сказанному напомним, что К. Левин относил к ответственности «полинезависимость» [Левин, 1980], а В. Франкл считал ответственность явлением «эпифеноменальным» [Франкл, 1990].

Носителем преобразующих свойств субъекта, его субъектности, является личность человека. Личность вынуждена находиться одновременно в двух несовпадающих между собой реальностях: внутренней и внешней (открытой для других и открытой только для себя). Проявляя субъектность, личность «снимает» противоречия, возникающие между этими двумя реальностями. Таким образом, личность развивается, обеспечивает человеку его целостность и систему взаимоотношений с другими людьми.

Если все происходит именно так, то управление человеком как объектом невозможно по определению. Сразу вспоминается аристотелевский вопрос: «Возможна ли вообще наука об индивидуе?». Субъект – творец небывалого. Значит, результатом такого небывалого творения может оказаться он сам, возникший в процессе творчества и совершенно немыслимый в качестве первоначального замысла. Это делает невозможным создание непротиворечивой теории субъектности, так же как теории свободы или теории счастья.

С другой стороны, нельзя забывать о том, что человек, «говорящее животное», т.е. может управляться извне посредством знаков или искусственных символов. Эти символы первоначально использовались другими людьми (взрослыми, родителями, воспитателями), но, будучи усвоенными (в процессе интериоризации), начинают действовать автоматически, становятся внутренними регуляторами мышления, эмоциональных состояний, волевых действий ребенка. Вместо грубого принуждения современные педагогика и психология «набрасывают» на ребенка тонкую «сеть» многочисленных норм, ограничивающих его тело и чувства по образцу и подобию неизвестной ребенку и неживой среднестатистической «нормальной личности». Хотя, с другой стороны, если всем и во всем предоставлять свободу (включая олигофренов, сумасшедших и т.д.) никто не знает, что может произойти в условиях современного уровня технического развития нашей цивилизации. Не будем даже фантазировать на эту тему.

Тем не менее, нужно признать, что воспитание в некотором смысле – это принудительное формирование тела, мыслей и чувств ребенка в соответствии с представлениями взрослых. Но тогда возникает закономерный вопрос: если субъектность (самопричинность) является важнейшим свойством личности, то возможно ли, и если да, то каким образом, правильно ее формировать, развивать или усиливать? Какие признаки могут стать объективными критериями ее развития? Дано ли человеку самому замечать, переживать,

произвольно проявлять и рефлексировать свою субъектность? Какими свойствами обладают атрибуты и корреляты субъектности? Что может служить референтами субъектности?

§ 3.10. О сходстве и различии понятий «взросление», «созревание», «развитие» и «локус контроля» личности

Что представляет собой процесс развития субъектности подростка? Как можно практически содействовать подростку в развитии его субъектности?

Мы, вслед за В.А. Петровским, определяем субъектность как ответственную самопричинность, рассматриваем ее развитие как неперенное условие взросления личности. Психологическое взросление личности не возникает само по себе, как физическое созревание (рост), оно может возникать только при условии саморазвития личности. Как уже говорилось ранее, понятие «развитие личности» близко по смыслу понятию «взросление личности», однако они не тождественны. Во-первых, взросление невозможно без развития личности, тогда как развитие некоторых личностных качеств возможно без взросления. Во-вторых, взросление – это всегда рост личной ответственности, тогда как развитие личности может происходить только за счет появления новых свойств и отношений с окружающим миром. Развитие личности может быть деструктивным, патологичным, односторонним, инфантильным, чрезмерно адаптивным, тогда как взросление всегда интегративно, целостно и проявляется в субъектном, ответственном поведении человека. В нашем понимании, взросление личности мало связано только с количественным накоплением тех или иных сознательных навыков. В качестве «единицы взросления» мы выделяем либо самостоятельное и ответственное решение личностью мотивационного или ценностного жизненно важного конфликта, либо решение онтологически значимой задачи собственного взросления с последующей рефлексией событий и последствий. Результатом взросления личности

мы считаем сформированность внутриличностной системы самоподдержки, а не потерю детской спонтанности.

Ничто иное, кроме накопления личностью своего субъектного опыта, не может стать основой системы внутриличностной самоподдержки и содержанием процесса взросления. Если же подросток не сможет синтезировать свой субъектный опыт в процессе саморазвития, то в дальнейшем он останется эмоционально зависимым от внешней поддержки и оценки, «субъектно недостаточным», «онтологически неукорененным», нуждающимся в покровительстве и контроле извне, останется невзрослым.

К сожалению, такое поведение нередко встречается среди людей зрелого и даже пожилого возраста. Хотя можно найти немало примеров, когда свободное и ответственное поведение встречается в младшем подростковом возрасте.

Как правило, проявление субъектности предполагает наличие спонтанных действий в поведении личности. Однако, хотим предупредить о принципиальных различиях спонтанности и безответственности. Спонтанность свойственна более самостоятельным и ответственным людям, тогда как безответственность чаще проявляют люди демонстративные и эмоционально зависимые [Петровский, 1996а].

Мы рассматриваем взросление как универсальный мотив, предметом которого является расширение пространства личной свободы индивида. Этот мотив на протяжении всей жизни является для человека весьма актуальным. Однако, взросление личности подростка качественно отличается от взросления хронологически зрелого человека. Взросление подростка переживается значительно острее и не всегда им синхронно осознается. Взросление – это своего рода постоянно действующая внутренняя мотивация и несознаваемое устремление. Оно всегда влечет. При этом большое значение в процессе взросления подростка принадлежит организмиче-

ской детерминации, изменению его телесных функций, состояний, возможностей.

Мы отдаем предпочтение термину «взросление личности», «взрослость», а не понятию «созревание личности», «зрелость». В психолого-педагогической литературе понятие «зрелость» и «взрослость» часто используются как синонимы. Однако, на наш взгляд, термин «взрослость» имеет больший психологический оттенок, чем «зрелость». Зрелость вызывает ассоциации скорее биологического, чем психологического характера. К тому же взросление, по мнению многих авторов (Э. Эриксон и др.), может продолжаться всю жизнь, т.е. до самой смерти человека, тогда как зрелость представляет собой характеристику более завершенного процесса, после которого, если жизнь продолжается, может наступить разве что «перезрелость». Если развитие человека понимать как отбор реакций на среду, созревание – как участие в динамическом равновесии со средой, то взросление человека представляет собой свободный и ответственный отбор реакций на самого себя.

В период взросления так называемая «онтологическая энтропия» постоянно растет в связи с физическими, психическими и социальными изменениями, происходящими как в самом подростке, так и вокруг него. Взросление в этом контексте мы мыслим не как приобретение новых умений или навыков в предметной деятельности под руководством воспитывающего взрослого при наличии соответствующих образцов, а как согласование, «онтосинтез» внутриличностных противоборствующих мотивов и ценностей в условиях неопределенности, непредрешенности и субъектного выбора.

Взросление мы интерпретируем как процесс активного снижения «онтологической энтропии» личности, как средство ее «онтологического укоренения». Близкое по смыслу понимание взрослости мы находим у Э. Берна. Однако, отличительной чертой нашей интерпретации является то, что «взрослость» для нас скорее состояние личностно-психологической целостности, проявляющееся

в ситуациях неопределенного, рискованного выбора, а не одна из трех частей личности, как у Э.Берна.

Взросление как «онтологическая укорененность» личности формируется на основе субъектного опыта, полученного в процессе синергетического взаимодействия спонтанности и ответственности.

Взросление подростка «переполнено» переживаниями внутриличностных противоречий и взаимоисключающих побуждений. Внутренняя противоречивость и мотивационная «расщепленность» на чувственно-телесном (организмическом) уровне может переживаться как личностная беспомощность. Если подобные состояния души и тела подростка становятся хроническими, то употребление наркотических веществ может оказаться для него одной из наиболее вероятных альтернатив «плохому самочувствию». Плохое самочувствие в данном случае является результатом незавершенных столкновений в субъективном пространстве подростка взаимно уничтожающих друг друга потребностей, мотивов, ценностей.

К сожалению, ни в семье, ни в школе не учат подростка тому, как преодолевать и разрешать внутриличностные рассогласования и противоречия. Здоровый образ жизни как панацея от всех проблем в подростковом возрасте актуально не привлекает. Физкультура и спорт, художественная самодеятельность, интересные экскурсии, книги, участие в олимпиадах, все, что принято называть занятостью подростка, само по себе еще не обеспечивает психологическую устойчивость, защиту личности от употребления наркотических веществ, формирование внутриличностной системы самоподдержки.

Обучение подростков копинг-стратегиям (стратегиям преодолевающего поведения) в отношении жизненно важных проблем ориентировано на когнитивные, рациональные «подавления» одних (негативных) побуждений другими (позитивными, с точки зрения воспитателей). Это значит, что развиваются в основном адаптивные

способности подростка к избеганию возможных наказаний со стороны воспитывающих взрослых. Результат такого обучения часто остается для подростка внешним, не находит в нем чувственно-телесного резонанса, а значит – отчуждается.

Методы профилактики, лишённые субъектной активности самого подростка, всегда будут давать сбой по субъективным причинам в ситуации неопределённости, непредреженности, неоднозначного выбора.

Наши исследования и практическая деятельность подтвердили, что личностно-психологическая устойчивость подростка к возникновению различного рода негативных зависимостей не может быть сформирована вне чувственно-телесной сферы его личности. На основе разрабатываемого нами онтосубъектного подхода мы создали специальную программу содействия подросткам в решении их онтологических задач взросления. Программа реализуется как процесс синергетического взаимодействия ментальных и организмических сфер человека в условиях групповых тренинговых занятий и индивидуальных консультаций с психологом, готовым профессионально и личностно осуществлять эту деятельность. В процессе решения онтологических задач взросления происходит согласование субъективных противоречий, актуально представленных в личности подростка не только на когнитивном, но и на чувственно-телесном уровне. Поиск решения каждой задачи взросления помогает подростку обнаруживать в себе новые избыточные возможности, переживать чувство личностно-психологической целостности, фиксировать в субъективном опыте психическое состояние «Я – МОГУ!», превосходящее дефицитарное состояние «Я – ХОЧУ!».

Такие понятия, как «онтологическая энтропия», «онтологическая укорененность» очень сложно верифицировать экспериментально, хотя они помогают выстроить модель практической работы. В своей работе мы исходили из положения, что процесс снижения онтологической энтропии и развития онтологической укорененно-

сти будет неизбежно отражаться на особенностях «Я-концепции». На протяжении ряда психокоррекционных групп мы исследовали особенности структуры и динамики участников терапевтического процесса методами психосемантики, последовательно проводя несколько психосемантических срезов с каждым из участников. Затем мы обобщили полученные результаты.

При исследовании личностной динамики участников групповой работы, а также влияния на личностную динамику значимых других в группе и за ее пределами, нами была обнаружена зависимость величины и характера изменений в «Я-концепции» в зависимости от ее структурных особенностей. Для описания выделенных структур мы воспользовались четырьмя выделенными критериями различия.

1. Согласованность представлений о себе (расстояние между Я-реальным и Я-отраженным).

2. Принятие актуального прошлого (расстояние между Я-реальным и Я-прошлым). Речь здесь идет именно о принятии прошлого, об отсутствии конфликта с ним и выраженного противопоставления, так как участники эксперимента сами решали, *какое именно и насколько прошлое* прошлое они оценивали.

3. Реалистичность (расстояние между Я-реальным и Я-идеальным).

4. Воспринимаемая самооэффективность (расстояние между Я-идеальным и Я-возможным).

По результатам кластерного анализа мы выделили три типа структур основных модусов «Я-концепции», для каждого из которых характерны свои динамические особенности.

1. «Гибкая» структура: высокая согласованность, умеренное принятие своего актуального прошлого, высокая реалистичность, высокая воспринимаемая самооэффективность. Такие результаты мы интерпретируем как высокую степень согласованности представлений о себе в целом, высокий уровень «онтологической укорененно-

сти». Динамика структуры «Я-концепции» у этих испытуемых в процессе групповой работы максимальна: наиболее близкие к «Я» значимые другие, не присутствующие в группе, могут стать далекими (непохожими) по отношению к «Я» после завершения экспериментальной процедуры. Расхождение между модусами «Я-концепции» во втором срезе, как правило, немного увеличивается, хотя структура в целом воспроизводится. Складывается впечатление, что такие участники группы стремятся обнаружить новое в себе и своих возможностях (расстояния между «Я-реальным» и «Я-прошлым», «Я-реальным» и «Я-возможным», как правило, также незначительно увеличиваются), готовы ставить перед собой новые цели личностного развития и искать новые пути их достижения. Обобщенная кластер-структура для этих испытуемых изображена на рис. 6.

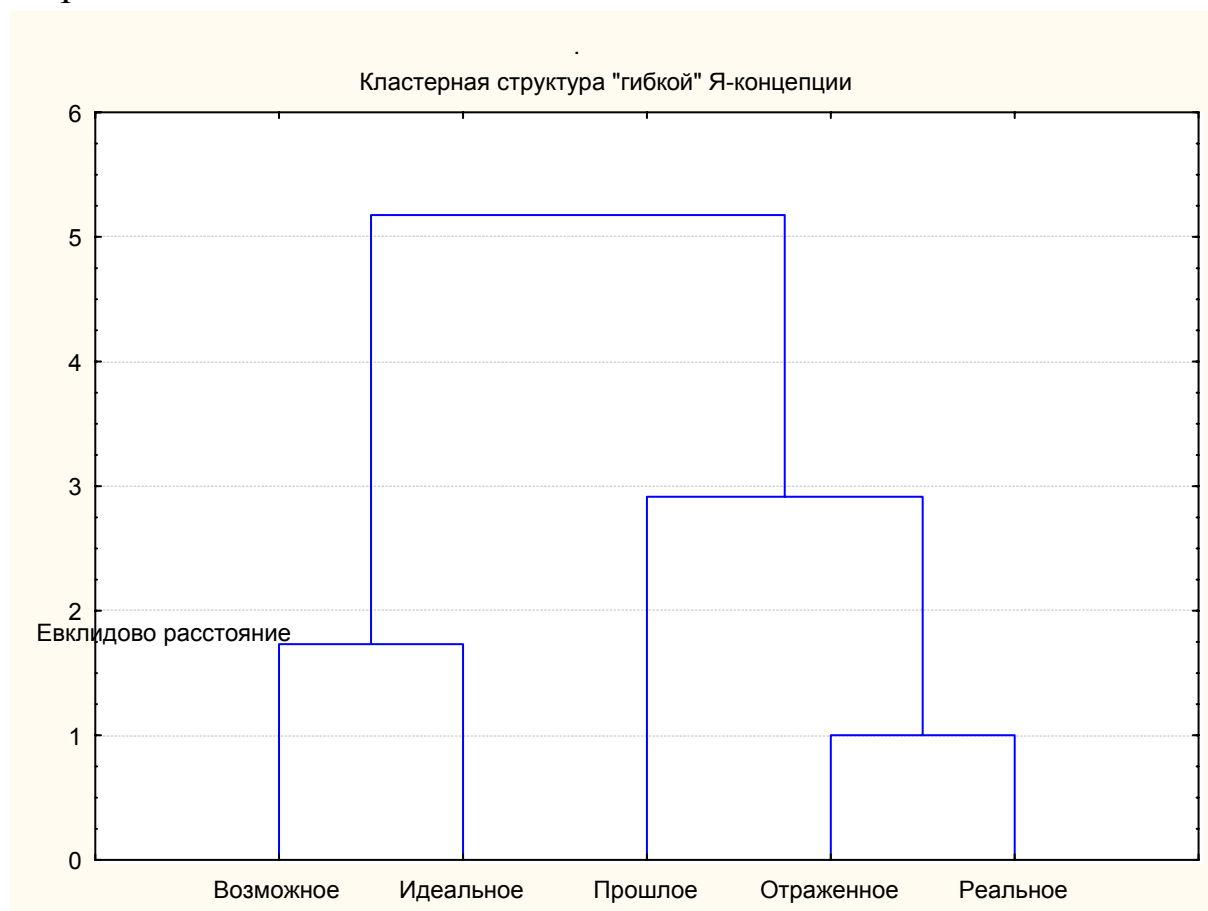

Рис. 6

2. «Ригидная» структура: высокая согласованность, выраженное неприятие своего актуального прошлого, низкая реалистичность, крайне высокая воспринимаемая самооэффективность (вплоть до полного совпадения «Я-идеального» и «Я-возможного» у некоторых испытуемых). Характерными особенностями для данных участников эксперимента являются: крайность субъективных оценок объектов для шкал исследования, очень активное участие в работе группы (активная обратная связь, высокое самораскрытие, максимальное количество значимых людей в группе) либо уход от взаимодействия в группе. В большинстве случаев существует значимый другой (из числа не присутствующих в группе), очень близкий к «идеальному Я». Несмотря на большое количество значимых участников эксперимента, ни один из них не оказывается в такой степени близким к идеалу (хотя расстояние до «Я-идеального» остается небольшим). Самым весомым оказывается противопоставление прошлому, в сравнении с которым все остальные аспекты Я как бы сливаются в некоторый обобщенный идеальный образ. Складывается впечатление, что для этих участников смысл взаимодействия с другими людьми сводится к подтверждению «девиза»: «Я не такой(ая), как был(а)!», или избеганию ситуаций, которые могут поставить этот «девиз» под сомнение. «Реальное Я» вбирает в себя многие черты идеального, а неприемлемые, «порочащие» его факты либо игнорируются, либо вытесняются в «прошлое Я», что еще больше обостряет существующий внутриличностный конфликт с актуальным прошлым. Такой конфликт переживается как борьба за собственное Я, однако на деле оборачивается потерей и самого себя, и своего развития, детской попыткой вернуть себе утраченное могущество в мире, стремлением повзрослеть «на халяву», не прилагая к этому личностных усилий. С нашей точки зрения, такая ситуация соответствует невысокой «онтологической укорененности», однако «онтологическая энтропия» в данном случае невелика: «Я-концепция» оказывается хорошо структурированной, причем системообразующим фак-

тором здесь выступает конфликт со своим прошлым. Соответствующая кластер-структура приведена на рис. 7.

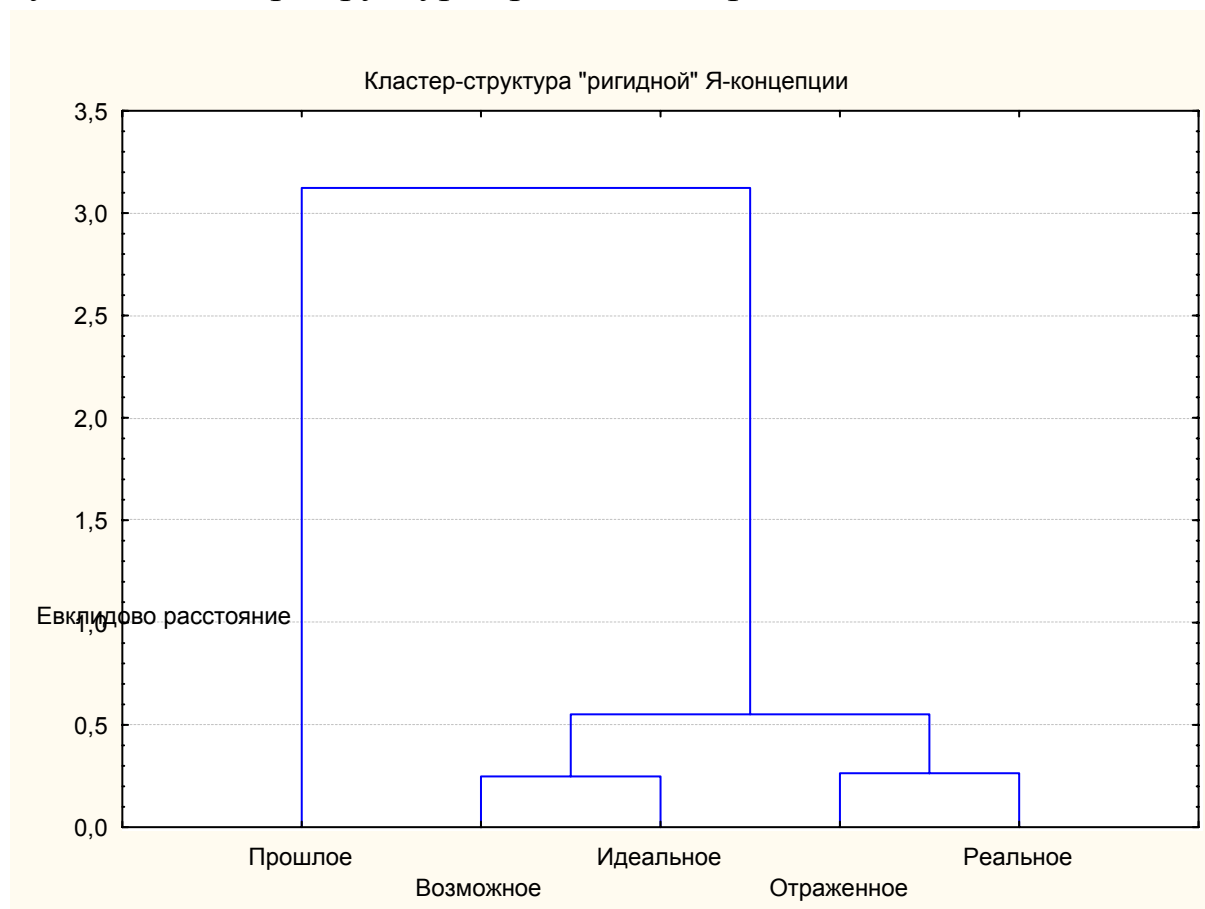

Рис. 7

3. «Спутанная» структура, основной характеристикой которой является диссоциация между различными аспектами представлений о себе. Поэтому здесь невозможно выделить явные закономерности, мы можем говорить только о преобладающих тенденциях к рассогласованности, росту различий, вплоть до противопоставления, «Я-реального» и «Я-идеального», снижению воспринимаемой самооценки. Это наглядная картина высокой «онтологической энтропии». Большое расстояние между модусами Я-концепции также является явным признаком спутанной идентичности (Э. Эриксон). Результаты сравнения разных срезов свидетельствуют об умеренной динамике «Я-концепции». После участия в групповой работе расстояние между «Я-реальным» и «Я-возможным» (а в большинстве

случаев и с Я-идеальным) немного уменьшается. Количество значимых участников группы, как правило, невелико (обычно 1-2). Значимыми для таких людей, по-видимому, становятся те, кто способствует формированию их идентичности, способствуя развитию ценностных представлений о себе (на кластерной структуре такие люди занимают место вблизи модусов «Я-идеальное» и «Я-возможное»). В отличие от первой группы, значимые другие здесь содействуют не столько открытию новых граней личности, сколько организации, упорядочиванию, согласованности имеющихся представлений о себе (об этом свидетельствует заметно меньшее изменение положения значимых других, не присутствующих в группе, относительно модусов «Я-концепции»). В аспекте задач взросления такие результаты говорят о неуспешных попытках их решения: магический мир потерян, а в новом я ничего не могу и не умею. Соответствующая кластер-структура приведена на рис. 8.

Рис. 8

Выделенные группы испытуемых позволяют использовать такую классификацию как косвенный способ диагностики «онтологической энтропии» личности. Мы сравнили количество человек с каждым из выделенных типов «Я-концепции» среди подростков, употребляющих психоактивные вещества, и не употребляющих наркотические препараты. Результаты проведенного сравнения представлены в таблице 6.

Таблица 6

Количество подростков с разными типами кластерных структур «Я-концепции»

Тип кластерной структуры	Количество испытуемых	
	употребляющие ПАВ	не употребляющие ПАВ
«гибкая»	7	23
«ригидная»	9	18
«спутанная»	14	12

Значение критерия χ^2 , вычисленного для данных таблицы 6, показывает, что распределение испытуемых по группам в зависимости от употребления ПАВ носит неслучайный характер ($\chi^2=0,056$, $df=2$, $p=0,0277$). Поэтому мы можем утверждать, что среди наркозависимых подростков существенно больше человек обладают «спутанной» «Я-концепцией», что свидетельствует о высоком уровне их онтологической энтропии. Как показывают результаты нашего исследования и опыт практической работы, работа именно с такими подростками оказывается наиболее сложной.

Взросление как переживание чувства целостности мы предлагаем осмыслить еще и в терминах «устремление» (В.А. Петровский) и «поток» (М. Чиксентмихайи). Это сделает заметнее специфику самого взаимодействия ментального и организмического, сверхчувственного и телесного в период взросления подростка, в отличие от хронологического взросления зрелого человека.

Опыт «потока» описывается М. Чиксентмихайи как состояние полной одновременной поглощенности деланием, собой, окру-

жающим миром, сопряженностью во всем и выходом за пределы своих программ и ограничивающего сознания. Все происходящее подчиняется внутренней логике, не требуется никакого дополнительного напряжения. Личность переживает состояние онтологического единства процесса и результата, действия, чувствования, осмысления.

Термином «устремление» В.А. Петровский обозначает влечение к продолжению, форму самоценной, самовоспроизводящейся активности человека, которая представляет собой единство переживаний «хочу» и «могу» в действовании, порождающем избыточные возможности. Собственная целостность личности подростка приобретает устойчивые черты в процессе развития внутриличностной системы самоподдержки. Мотивом ее развития, как правило, является стремление подростка к личной независимости. Исходя из этого, взросление можно представить как процесс последовательного решения подростком задач саморазвития и создания собственной системы самоподдержки.

Итак, субъектность – атрибут взрослости, движущая сила взросления. Зависимость («полизависимое поведение») – характеристика адаптивной, инфантильной, «онтологически неуверенной», нуждающейся в покровительстве, невзрослеющей личности. Взросление подростка невозможно без ответственного поведения на основе личного выбора.

Задачи взросления – это задачи онтологического укоренения личности как субъекта жизни. Они объективно возникают перед подростком в виде тематических множеств мотивационных и ценностных противоречий (внутриличностных конфликтов, столкновений, напряжений), требующих личностного самоопределения. Факт решения задачи взросления замечается подростком в катарсическом переживании чувственно-телесной целостности, увеличении доверия к себе и миру, расширении внутриличностного пространства, рефлексии когнитивного усложнения своего сознания.

Рассмотрим оппозицию «экстернальность – интернальность» как одну из существенных характеристик взросления. Эта оппозиция была подробно рассмотрена в исследованиях Дж. Роттера [Хьелл, Зиглер, 2005]. В соответствии с общепринятым пониманием его работ, принципиальное различие между людьми зависит от того, на кого человек возлагает ответственность за происходящие в его жизни события. Д. Роттер экспериментально доказал, что есть люди, уверенные в том, что их собственное поведение создает положительное подкрепление их деятельности. Они убеждены, что наказание и поощрение существуют внутри них и являются продуктом их собственной психики. По мнению М. Мид, «Я-концепция» таких людей выполняет функцию «защитника». Ответственность за результат своих действий они возлагают на самих себя, и поэтому их относят к людям с интернальным локусом контроля (Д. Роттер). С другой стороны, существуют люди, которые ответственность за свои поступки возлагают на внешние обстоятельства, находящиеся за пределами их души и тела. Таким образом получается, что все жизненно важные события человека являются либо результатом его собственной деятельности, либо результатом деятельности чуждых его личности сил.

Д. Роттер доказал, что «локус контроля» универсален для любых ситуаций, с которыми в процессе жизни сталкивался человек как в полосе своих неудач, так и в полосе успехов. Экстерналам, в его теории, свойственна беспомощность и неуверенность, категоричность и приспособленчество. Экстернальность отражает внешнее поведение, соответствующее внутреннему бессознательному состоянию «онтологически неуверенного Я» (в модели Р. Лэнга). Экстерналы, как правило, склонны к зависимому поведению, поискам покровителей, конформизму и т.д.

В свою очередь интерналы, наоборот, воспринимают авторитарную идеологию и различные виды зависимости как помехи в реализации их жизненной позиции, как явления, чуждые их чувству «Я».

Казалось бы, вот основа для выявления «преднаркотической личности». Интернал должен быть более устойчив к наркотикам, а экстернал – нет. К сожалению, эта простая классификация Роттера на практике часто дает сбой, если исследования относятся к подростково-юношескому периоду развития конкретной личности. Проведенное нами сравнение уровня интернальности-экстернальности среди молодежи, употребляющей наркотические вещества, и не употребляющих наркотики, не выявило значимых различий по уровню общей интернальности для сравниваемых групп. Обнаруженные нами различия касаются только отдельных шкал методики. При этом, учитывая объем выборки (данные собирались в течение более чем 10 лет практической работы) и уровень статистической значимости результатов, обнаруженные различия оказались хоть и не случайными, но все же незначительными. Подробнее результаты проведенного сравнения приведены в таблице 7.

Таблица 7

Сравнение показателей интернальности и экстернальности у лиц, склонных к употреблению психоактивных веществ и не употребляющих психоактивные вещества

Шкала	Средние значения (станы)		t-критерий	Степень свободы	p-уровень
	потребители ПАВ (90 чел.)	не употребляющие ПАВ (115 чел.)			
Ио	5,79	5,63	1,20	203	0,232
Ид	6,23	6,54	1,71	203	0,088
Ин	4,84	5,16	2,41	203	0,017
Им	5,87	5,68	1,43	203	0,154
Ип	5,11	5,08	0,23	203	0,822
Ис	4,76	4,54	1,66	203	0,099
Из	4,23	4,65	2,26	203	0,025

Анализ результатов, представленных в таблице 7, показывает, что статистически достоверные различия обнаружены только по

шкалам интернальности в области неудач (Ин) и интернальности в отношении собственного здоровья (Из). Однако в каждом случае это различие не является статистически высоко значимым: p -уровень остается выше, чем 0,01. Таким образом, хотя различия в выборках и существуют, они относительно невелики.

Однако, если внимательно вчитаться в работы самого Роттера, то станет понятно, что в его понимании локус контроля – это обобщенное понимание того, в какой степени человек контролирует получаемое им подкрепление. Интерналы – это всего лишь люди, которые «в большей степени влияют на получаемое подкрепление» (Rotter, 1982). Заметим, что основное внимание Роттер уделяет позитивным подкреплениям социально одобряемых действий. Именно на способность человека добиваться социально приемлемых подкреплений своих социально одобряемых действий в большей степени и направлен тест на диагностику локуса контроля. Получается, что девиантные подростки, к которым несомненно относятся и потребители психоактивных веществ, изначально будут обладать более низким уровнем интернальности. Тем более удивительно, что наше исследование выявило так мало значимых различий!

Таким образом, тест Роттера на определение «онтологической уверенности» человека является слишком «грубым» и поверхностным. Это облегчает его использование в общей психодиагностической практике, но делает малопригодным для изучения проблем наркотической зависимости периода взросления.

Достаточно напомнить о неизбежной «интернальной жизни» потребителей наркотиков в условиях уголовной, социальной и экономической опасности, чтобы понять ошибочность сложившегося в общественном сознании и среде профессиональных психологов мнения о том, что наркоманы – типичные экстерналы. Экстерналы – люди не только безответственные, но и часто беспечные, они могут позволить себе не заметить опасность, повторить ошибочные действия, чего наркозависимый позволить себе никогда не может. Для не-

го слишком высока цена расплаты. Признание экстернальности потребителей наркотиков, скорее всего – ошибочное заблуждение и результат несовершенства диагностических методик.

Если подросток категорически отрицает и осуждает употребление наркотиков, то это совсем не означает его взрослость. Адаптивный, ситуативный, «полевой» (по К. Левину), выбор на основе внешней эмоциональной поддержки не нуждается в осознании, поскольку облегчает подростку жизнь, фиксирует и продлевает его эмоциональную зависимость. Решение в ситуации свободного выбора, продиктованное подростку извне, лишает его шанса на проявление своей субъектности, саморазвития и, соответственно, взросления.

Однако, по мере физического и хронологического взросления у подростка обостряется противоречие между потребностью быть личностью (расширять пространство своей свободы) и зависимостью от внешних ограничений (дефицита внутренних возможностей). Это противоречие принципиально неразрешимо при внешней эмоциональной поддержке воспитывающих взрослых, т.к. само является продуктом такой поддержки. Но несформированность у подростка внутриличностной системы самоподдержки ограничивает возможность разрешения им вышеназванного противоречия, а это уже исключает развитие его личности в условиях, требующих проявления субъектности.

Непрекращающиеся внутриличностные столкновения взаимоисключающих побуждений повышают у подростка физическое и психическое напряжение, способствует возникновению состояния генерализованной неудовлетворенности. В таком состоянии «встреча» подростка с наркотическими веществами может оказаться для него роковой. Переживание избыточных возможностей, которое возникает под действием наркотиков, возвращение «изъятой» в процессе «бестелесного» воспитания телесности, «открытие» в себе способности «уверенно» принимать решения в ситуациях неопре-

деленности, замешательства и риска – все это оказывает сильное влияние на развитие деструктивного самосознания невзрослой личности. Подросток, получив доступ к наркотическим веществам, получает в буквальном смысле «в свои руки» эффективное средство «самоподдержки». А необходимость приобретения наркотиков при наличии уголовного преследования и социального запрета способствует быстрому развитию внутреннего «локуса контроля» и самопричинного поведения.

На основании вышесказанного мы можем утверждать, что возникновение наркотической зависимости у подростка, на самом деле, не является прямым продолжением или преемником его эмоциональной зависимости. Начало употребления наркотиков может восприниматься подростком как способ получения избыточных возможностей для освобождения себя от детского эмоционально зависимого поведения, как «особая система» самоподдержки, как новая копинг-стратегия, как идентификация с «превосходящим – «Я».

§ 3.11. Психолог как субъект деятельности по профилактике наркомании

Знания психолога об особенностях наркомании, умение выявлять условия и механизмы формирования зависимых форм поведения становятся особо значимыми в современных условиях ее стремительного распространения.

По мнению исследователей (М.Р. Битянова, А.А. Осипова, Дж. Бьюдженталь, Р.Мэй), личность психолога, его особенности, способы построения отношений с клиентами оказывают непосредственное и определяющее влияние на результативность изменений личности каждого участника коррекционного процесса. Эффективность программ первичной профилактики во многом зависит от уровня готовности психолога к ведению профилактической деятельности, к управлению процессом развития, происходящим на групповых занятиях и принятию ответственности за

процесс и результат работы. Готовность психолога, в том числе и личностная, – важное условие понимания и восприятия задач, возникающих в процессе личностного развития подростка, а значит – и условие эффективности профилактической деятельности. Поэтому обучение психологов работе с подростками предполагает не только основательную теоретическую и практическую подготовку по вопросам патогенеза наркомании, но и формирование личностной готовности как особого качества психолога, работающего в данной области [Самыкина, 2002].

Под личностной готовностью понимается совокупность качеств личности, являющаяся элементом структуры профессиональной готовности и обеспечивающая эффективность профилактической деятельности. Педагогами и психологами накоплен значительный опыт в изучении феномена психологической готовности к профессиональной деятельности инженера и педагога (В.А. Слостенин, Л.Г. Ахтариева, К.М. Дурай-Новакова, М.И. Дьяченко, Л.А. Кандыбович и др.). Однако, несмотря на стабильно высокий интерес к данной проблеме и актуальность проблемы распространения наркомании в молодежной среде, отмечается недостаточная разработанность вопроса о личностных особенностях практикующего психолога, занимающегося первичной профилактикой наркомании.

Проблема формирования личностной готовности психологов к профилактике наркомании не рассматривалась в литературе, однако, существуют исследования, посвященные проблеме психологической готовности к педагогической деятельности, в частности, к разрешению межличностных конфликтов в подростковой среде и среде старшеклассников (И.С. Пилипец), к руководству самопознанием школьников (И.П. Краснощеченко), к деятельности куратора академической группы (Е.В. Винославская), к педагогическому общению у будущих учителей (Е.А. Орлова) и т.д.

Между тем в психологии накоплен богатый материал, связанный с рассмотрением человека как субъекта деятельности

(Б.Г. Ананьев, А.Н. Леонтьев, В.Н. Мясищев, С.Л. Рубинштейн и др.), что дает основание рассматривать профессиональные особенности психолога с позиций анализа его субъектности. Под субъектностью в данном случае понимается отношение человека к себе как к деятелю. Атрибутными характеристиками субъектности являются активность, способность к целеполаганию, возможность свободы выбора и ответственность за него в условиях неопределенности и риска. Наличие этих качеств часто связывается с готовностью.

Психологическая готовность выступает как определенный уровень развития личности, предполагающий сформированность целостной системы ее мотивационно-побудительных проявлений, реализующих эмоциональные, когнитивные и поведенческие компоненты сферы личности. Так понимаемая психологическая готовность «вбирает» в себя убеждения, взгляды, отношения, мотивы, чувства, волевые и интеллектуальные качества личности, ее знания, навыки, умения, установки, настроенность на определенное поведение.

Личностная готовность помогает правильно использовать знания, опыт, перестраиваться в различных педагогических ситуациях, является решающим условием быстрой адаптации к условиям труда, дальнейшего профессионального самосовершенствования. По мнению Л.Н.Захаровой, личностная готовность обеспечивает такие характеристики, как интегральное соответствие личности решаемым задачам, количество и качество решенных задач, результативность и успех в проблемных ситуациях. Сюда добавляется и знание последствий применения конкретных способов воздействия и их эффективности.

Очевидно, что деятельность психолога, работающего в субъект-субъектной парадигме, требует большего внимания к субъектным проявлениям личности и понимание ее внутреннего мира. Взаимодействие психолога и подростка в процессе психокоррекци-

онной деятельности должно носить развивающий характер, т.е. выступать таким процессом, в котором не только формируется личность подростка (как в процессе воспитания), но и осуществляется содействие в решении онтологически значимых задач его взросления. Т.е. по своему содержанию профилактическая деятельность среди подростков должна быть отнесена к психокоррекционному, способствующему онтологическому укоренению личности, воздействию. Личностная готовность психолога к профилактике наркомании, таким образом, является системным качеством, сочетающим готовность к педагогической и психологической деятельности.

По мнению Г.А. Цукерман, способность психолога к созданию условий для саморазвития подростков означает «способность дать себе и миру отчет в своих ценностях, осмелиться показать, как из сугубо личного представления о предназначении человеческой жизни через их соотнесение с социокультурными традициями и тенденциями могут быть выведены представления профессиональные – о задачах развития в каждом возрасте, о способах и средствах решения этих задач и т.д.» [Цукерман, 1994].

Как было показано ранее, условием эффективности профилактики личности является содействие ей (личности) в решении онтологически значимых задач взросления.

Соответственно, готовность психолога к профилактической работе с подростками должна непременно включать наличие этой способности в личности самого психолога.

Развивать в подростках самоценные формы активности (устремления), не имея их в структуре собственной личности, психологу вряд ли под силу. Если у психолога собственные задачи взросления в основном остаются нерешенными, то его профилактическая деятельность с подростками будет формальной и бесполезной.

В соответствии с данным положением мы разработали модель личностной готовности психолога к первичной профилактике наркомании.

Теоретическими предпосылками разработки модели послужили мнение Н.В. Кузьминой о том, что «эффективность деятельности выше, когда структура личности соответствует структуре деятельности», а также теория персонализации В.А. Петровского.

Принимая за основу выделенные А.А. Деркачем, Н.В. Кузьминой группы личностно важных качеств, в структуре личностной готовности психолога к деятельности по первичной профилактике наркомании были выделены следующие элементы: интеллектуальный, нравственный, эмоциональный, волевой, организаторский.

Теоретическая модель личностной готовности психологов к первичной профилактике наркомании предстает как существование в личности психолога самооценных форм активности – устремлений, проявляющихся в различных сферах.

Рассмотрим подробнее каждый структурный элемент личностной готовности психолога к первичной профилактике наркомании.

В интеллектуальной сфере устремления представлены в виде децентрации, критичности, рефлексии.

Децентрация понимается нами как способность к выходу «за пределы» проблемной ситуации при ее решении, к восприятию точки зрения другого человека. В деятельности психолога, работающего со старшеклассниками по первичной профилактике наркомании, децентрация выступает условием эффективного взаимодействия с детьми. Это обусловлено тем, что онтосубъектный подход, подход, с учетом которого осуществляется профилактическая деятельность, направлен на построение развивающего взаимодействия.

Для этого необходимо, чтобы взаимодействие психолога с подростком осуществлялось на основе сотрудничества, партнерства, доверия, когда взрослый строит свои отношения с ребенком не на основе воздействия (при котором собственная точка зрения ребенка игнорируется или преодолевается), а на основе взаимодействия, когда взрослый стремится сопоставить свою точку зрения с точкой

зрения ребенка. Механизмом координации точек зрения выступает децентрация.

В основе *критичности* лежит критическая установка, для которой характерна готовность изменять, проверять, опровергать, фальсифицировать. Критическая установка принимает некоторую «схему ожидания» (миф, предположения, гипотезы), однако определяет готовность модифицировать, исправлять, отбрасывать эти ожидания. Критичность включает рефлексивное отношение человека к процессам и результатам его деятельности, а также рассмотрение спорных и слабых сторон своей деятельности с целью их дальнейшего развития. Критичность в работе психолога по первичной профилактике наркомании проявляется в первую очередь как критичность к себе, своим действиям, своей профессиональной и личностной позиции. Однако существует опасность быть критичным вплоть до негативизма. Мы считаем, что такое возможно при утрате доверия к себе как условия развивающего взаимодействия.

Рефлексия – это непрерывный процесс отражения в сознании и оценивания индивидом своих качеств, характеристик, особенностей поведения. Способность к рефлексии проявляется как знание о границе собственных знаний, умений, возможностей. Рефлексия предполагает наличие у субъекта способности к выходу «за пределы» себя, к определению собственных критериев оценки эффективности-неэффективности деятельности, правильности-ложности суждений, соответствия-несоответствия поведения ситуации и т.д. Уровень «хочу» в рефлексии представлен потребностью в самопонимании, самопринятии, самоуважении, а уровень «могу» – в процессе выхода «за пределы» внешних оценок и в поиске и нахождении собственных критериев оценки своей личности и поведения.

В нравственной сфере устремления проявляются в качестве ответственности.

Ответственность, традиционно понимаемая как следование правилам, в контексте работы практического психолога проявляет-

ся в переоценке и изменении правил, построении собственной системы ценностей, соотносимой с системой ценностей партнера по взаимодействию.

Создание условий для самовоспроизводства устремлений в личности подростков требует от психологов спонтанных, непредрешенных, нестереотипных действий, т.е. проявления субъектности. Субъектность становится возможной, если индивид берет на себя ответственность за осуществление действий с неопределенным исходом, иначе говоря, становится субъектом избрания целей, результат достижения которых непредрешен.

Кроме того, психологу, работающему по первичной профилактике наркомании со старшеклассниками, приходится брать на себя ответственность не только за собственные действия. Мы согласны с Б.А.Ясько, которая утверждает, что профилактика наркомании требует большей моральной ответственности психолога, чем другая психокоррекционная деятельность, поскольку имеет непосредственное отношение к жизни и смерти ребенка, а также связана с решением социально значимой проблемы. Ответственность психолога проявляется тогда, когда в ходе профилактической деятельности ему приходится решать моральные дилеммы. Это касается, в первую очередь, ситуации, когда ребенок сообщает об опыте употребления или экспериментирования с психоактивными веществами. Перед психологом стоит вопрос: сообщать ли об этом родителям ребенка или следовать правилу конфиденциальности, сохраняя в тайне признание подростка. Очевидно, что правильного ответа на данный вопрос не существует, и решение его зависит исключительно от конкретной ситуации, от системы ценностей, моральных качеств, уровня развития личности психолога. Кроме того, решение этого вопроса будет зависеть также от того, несет ли психолог ответственность за свое решение или руководствуется общепринятыми нормами и правилами.

В эмоциональной сфере устремления представлены как эмпатия, чувство юмора.

Эмпатия – это способность понимать и проникать в мир другого человека, а также передавать ему это понимание.

По мнению В.А. Петровского, эмпатия должна быть рассмотрена как трехзвенная структура: сопереживание – сочувствие – импульс к содействию. Эмпатийный процесс основывается на потребности в другом человеке. Началом этого процесса можно считать эмпагогенную ситуацию (эмоциональное состояние другого), эмоциональное заражение, которое представлено субъекту эмпатии в качестве сопереживания, т.е. переживания аналогичных эмоций другого, «запускает» эмоциональную идентификацию с другим.

Познавательные компоненты, включенные в процесс в связи с желанием разобраться в ситуации, вызывают ослабление идентификации, способствуют переводу субъекта на собственную позицию, а также обуславливают переход к сочувствию. Адекватное сочувствие требует от субъекта эмпатии определенного уровня интеллектуального развития и наличие способности в социальном ориентировании. Сочувствие и анализ ситуации вызывают импульс к содействию, а результатом эмпатийного процесса является акт реального содействия.

Изменение интенсивности эмоциональной идентификации позволяет довести эмпатийный процесс до содействия, например, до помогающего поведения или вступления в развивающее взаимодействие. Подобное управление базируется на сочетании знания и выявления основных психологических закономерностей эмпатии с личностью психолога, его творчеством, находчивостью, способностью к выходу за пределы «себя», способностью к партнерскому, субъект-субъектному взаимодействию со старшеклассниками.

Чувство юмора традиционно понимается в двух смыслах: юмор как деятельность и юмор как свойство личности. Нами юмор понимается как интегральная характеристика, обеспечивающая

единство личности и деятельности. Необходимость развития чувства юмора у психологов, работающих с подростками по профилактике наркомании, очевидна. Остроумие, импровизация, «свободное» поведение как проявления юмора в деятельности и общении относятся к тем качествам, которые старшеклассники в первую очередь ценят во взрослых.

По мнению Т. Ахолы, Б. Фурмана [Фурман, 2001], юмор в быденной жизни и юмор как средство психокоррекционного воздействия отличаются тем, что в первом случае цель юмора – «высмеять, заставить замолчать, снять напряжение», а во втором – «пересмотреть точку зрения, изменить ход понимания проблемы, уйти от сужения сознания, переоценить ситуацию». Кроме того, юмор выступает как фактор сплочения группы, поскольку помогает ее участникам говорить более открыто и искренне.

Юмор используется в психокоррекционной деятельности в нескольких направлениях: анекдоты, юмористические замечания, комментарии, юмористические фантазии, задания, юмористическое оспаривание или доведение до парадокса.

Чувство юмора для психолога является и личностным качеством, и средством психокоррекционного воздействия, поскольку помогает ему, во-первых, найти контакт с группой старшеклассников, а во-вторых, переоценить проблемную ситуацию и помочь в этом старшеклассникам.

В волевой сфере устремления представлены в виде саморегламентации, т.е. способности к самостоятельному определению границ, правил и способов деятельности, а также в виде проявления волевых качеств личности – целеустремленности, настойчивости, решительности, уверенности.

Саморегламентация представляет собой установление субъектом своих собственных правил, норм, ограничений и запретов. В.А. Петровский говорит о том, что потребность в регламентации является мотивирующим фактором активности, а значит, служит

одновременно причиной внесения ограничений, а с другой – определяет источник активности, направленной на их преодоление. Поскольку внутренняя работа по привлечению дополнительных смыслов или созданию новых понимается как усилие, устремленным в данном случае будет процесс смыслопорождения в ситуации отсутствия мотивации и реализация поведенческих реакций в неадаптивном направлении. Как отмечает В.А. Петровский, развитие воли связано с двумя основными моментами: во-первых, с повышением роли речи в регуляции поведения, а во-вторых, с иерархизацией мотивов, среди которых выделяются главные, высшие, с лежащими в их основе наиболее значимыми ценностями, и второстепенные, подчиненные первым. Более или менее совершенный способ волевой регуляции зависит не только от степени зрелости личности. Большую роль играет сложность задачи и то значение, которое она имеет для индивида: чем сложнее деятельность, которую предстоит осуществить, чем бессмысленнее она кажется, тем труднее продемонстрировать волевое поведение, и тем ценнее будет результат.

Волевые свойства личности (настойчивость, самостоятельность, уверенность и т.д.) часто называются в качестве профессионально важных. А.И. Высоцкий к волевым свойствам относит дисциплинированность, сознательное выполнение установленных в данной ситуации правил, самостоятельность, выполнение деятельности без контроля со стороны, умение организовать свою деятельность, выдержку, терпение, решительность, настойчивость как стремление довести начатое дело до конца, преодолевать трудности, умение продолжать деятельность при снижении желаний ею заниматься.

По мнению А.А. Деркача [Деркач, 2002], воля характеризует человека как субъекта деятельности, своего развития, жизненного пути, и во многом определяет его личные особенности и результаты достижения цели.

Уверенность психолога, его способность к самостоятельному определению цели и стремление к ее достижению являются важным элементом личностной готовности к первичной профилактике наркомании.

В организаторской сфере устремления проявляются в способности к ориентации и планированию деятельности в зависимости от изменяющихся условий, а также высокого уровня самоорганизации и саморуководства.

Вслед за А.Ф. Бондаренко, мы понимаем, что *самоорганизация и саморуководство* являются продолжением таких процесса, как самопознание, самовоспитание и саморазвитие. А.Ф. Бондаренко, исследуя становление личности психолога, уделяет внимание самовоспитанию как критерию готовности личности к профессиональной деятельности. Он подкрепляет это предположение тезисом о том, что «в условиях внутренней детерминации действий и в ситуациях свободного выбора формирование субъектности психолога происходит путем саморазвития».

Для описания развития способности к самовоспитанию А.Ф. Бондаренко выделил следующие звенья.

Первое звено в процессе саморазвития личности психолога – это познание тех специфических требований, которые предъявляет к психологу его деятельность, оценка своих знаний, умений и качеств, определение степени соответствия требованиям профессии.

Второе звено – осознание тех изменений, которые необходимо произвести в своей личности, и разработка программы действий для этого.

Третье звено – реальная саморазвивающая деятельность, сознательные и преднамеренные действия психолога, рассчитанные на самоизменения. При этом главное – освоение способов самовоздействия.

По мнению А.Ф. Бондаренко, поведенческие проявления психолога связаны с особенностями его профессионального самосоз-

нения, а точнее – с уровнями его развития, а динамика развития профессионального самосознания личности психолога отражается в прохождении следующих его уровней: регулятивно-прагматического, эгоцентрического, стереотипно-зависимого и субъективно-универсального.

1. Регулятивно-прагматический характеризуется ситуационными аспектами самосознания, т.е. психолог привязан к ситуации, выполняя только служебную роль. Это дает возможность человеку лишь в минимальной степени адаптироваться к ситуации и регулировать свое поведение.

2. Эгоцентрический – уровень, на котором исходным моментом являются личная выгода, удобство, престижность и т.п. Другие рассматриваются либо как факторы, способствующие самоактуализации («удобные для меня»), либо как препятствующие ей («плохие»), либо как индифферентные («не мешающие мне»). Подобный поход к задаче самореализации является в конечном итоге тупиковым. Такой психолог не может вырваться за пределы эгоцентрического уровня личностно-смысловой сферы. Его Я-отношение обнаруживает явную деформацию. Удовлетворенность собой и своей деятельностью достигает максимального значения и превращается в свою противоположность, разрушающую систему саморегуляции, что ведет к еще большим деформациям самосознания.

3. Стереотипно-зависимый – уровень самосознания, на котором жизнедеятельность человека определяется его близким окружением или людьми, которых он ставит выше себя. Если на предыдущем уровне другой человек выступает как вещь, как средство для достижения эгоцентрических целей, то на этом уровне люди делятся на «своих», обладающих самооценностью, и «чужих», лишенных ценности. Следствием этого становится потеря творческого начала и неизбежное возникновение зависимости от ценностной ориентации значимых других. А это, в свою очередь, тормозит процессы глобо-

кой рефлексии и не способствует поиску конструктивных способов преодоления трудностей.

4. Субъективно-универсальный уровень – это высшая ступень профессионального самосознания. Ее главные характеристики связаны с внутренней устремленностью человека на создание таких результатов (продуктов деятельности, общения, познания), которые принесут равное благо другим людям, обществу, человечеству в целом. Такой психолог строит систему отношений с людьми, основанную на принятии их как самоценности, и подобное отношение складывается у него к себе, в своем труде он развивает себя как личность и профессионал.

Проведя анализ психологической литературы, можно сделать вывод о том, что степень овладения психологом самовоспитанием как специфической деятельностью зависит от качества таких осуществляемых им действий, как:

1. Целеполагание: выбор личностью значимых целей и задач самоизменения.
2. Планирование: выбор действий, которые позволяют достигнуть поставленных целей и задач.
3. Овладение средствами и способами самовоспитания.
4. Самоконтроль: сравнение достигнутых результатов с ожидаемыми.

По результатам анализа психолого-педагогической литературы и работы по подготовке психологов считаем достаточным рассмотреть личностную готовность к первичной профилактике наркомании на трех уровнях сформированности: низком, среднем, высоком.

На первом уровне – низком – деятельность по профилактике наркомании еще не приобрела конкретного содержания и существует лишь в виде формального исполнения должностных обязанностей. Деятельность психолога является подражанием кому-то или переносом общепсихологических знаний на процесс профилактики наркомании. Личностные качества здесь не имеют своего выраже-

ния, т.е. существует рассогласование между личностью и деятельностью.

На втором уровне деятельность по первичной профилактике наркомании становится более конкретной. Это происходит, в основном, по мере накопления опыта, но не связано с развитием личности психолога: он ставит определенные задачи, но эти задачи касаются не всей личности в целом, а каких-то частных качеств и умений. Тем не менее психолог проявляет активность в определении целей собственной деятельности, проявляет свои личностные качества в работе и начинает самостоятельно отслеживать результаты своей работы.

На третьем уровне психолог самостоятельно и всесторонне анализирует и предельно конкретно формулирует цели деятельности, осознает возможности их реализации в процессе практической работы, положительно, но в то же время критично оценивает собственную деятельность, своевременно анализирует ошибки и находит новые ресурсы для их коррекции. На этом уровне психолог проявляется как целостная взрослая личность и использует свои личностные ресурсы в работе по первичной профилактике наркомании, самостоятельно осуществляет планирование деятельности, управляет развитием старшеклассников и собственным развитием, находит новые, творческие, оригинальные приемы работы по первичной профилактике наркомании.

Эффективность работы психолога по профилактике наркомании в среде подростков зависит от готовности психологов к организации развивающего взаимодействия. Развивающее взаимодействие, вслед за М.В. Клариним, В.А. Петровским, Т.П. Скрипкиной [Петровский, 1995; Скрипкина, 2002] мы определили так:

- отношение к личности другого как к субъекту развития;
- ориентация на развитие и саморазвитие личности;
- создание условий для самореализации и самоопределения личности;

- установление субъект-субъектных отношений;
- наличие доверия себе и доверия другому;
- создание атмосферы доброжелательности и взаимопомощи;
- введение положительных факторов, расширяющих шкалу ценностей;
- организация совместной деятельности.

Выделяя эти условия, мы руководствуемся тем, что субъектная позиция человека проявляется в субъект-субъектном взаимодействии, где существует взаимное принятие внутреннего и внешнего, взаимное их положительное отрицание, обуславливающее возможность саморазвития личности. Многими авторами подчеркивалось, что человек занимает одновременно две позиции: ролевую и межличностную, так как с одной стороны, он отражает все, что связано с его актуальными потребностями, интересами и желаниями, а с другой – то, что актуально он взаимодействует «здесь и сейчас». Это ведет к диалогическому взаимодействию. Действительно, стремление к сотрудничеству, уравновешенность ролевого и межличностного во взаимодействии является основой развития отношений. Сотрудничество в данном случае происходит по принципу: «свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех».

Для того, чтобы быть субъектом развития, человеку необходимо пройти этап «адаптации», который выражается в индивидуальном своеобразии типологически определенного поведения человека. Актуализация субъектности зависит не только от активности самого человека, но и от встречной активности окружения. И в этом смысле стоит говорить о человеке, выступающем активным, субъектным, помогающем со-организовать пространство другого человека, где сможет актуализироваться субъектность другого, о человеке как «реальности для других».

Складывающиеся в деятельности потенциальные возможности динамичны, изменчивы, что позволяет субъекту встать в ситуацию неопределенности при оценки собственных возможностей, порожд-

дая в сознании конфликт между переживаниями «могу» и «не могу». Потенциальные возможности выступают в сознании в «неопределенно-чувственной форме». Осознание этих возможностей, придание им «определенно-чувственной» формы и тем самым как бы «вписывание» их во внутренне достоверный образ себя есть, прежде всего, внутренний диалог, который позволяет различить в плане самосознания реальное, истинное и мнимое. Но разрешение конфликта «могу – не могу» требует выхода в область предметно-практической деятельности и реального человеческого общения.

Отметим также, что условием развивающего взаимодействия мы определили доверие к себе и окружающим. Вслед за Т.П. Скрипкиной [Скрипкина, 2002] мы понимаем под доверием рефлексивный феномен, позволяющий человеку занять определенную ценностную (пристрастную) позицию по отношению к самому себе и, исходя из этой позиции, строить собственную жизненную стратегию. Сущность этой позиции заключается в наличии у человека отношения к собственной субъектности как значимой для него. Как утверждает К.А. Абульханова-Славская, именно такая позиция позволяет человеку «быть субъектом собственной жизни» [Абульханова-Славская, 1991].

По мнению Т.П. Скрипкиной, человек настолько доверяет себе, насколько он способен «выйти за пределы» своего прошлого опыта, не входя в противоречие с собой, со своими внутренними ценностями и смыслами. При этом в одних сферах жизнедеятельности у человека может быть сформирована установка на доверие к себе, а в других – нет. Все зависит от того, какие возможности человек в себе осознает, и какую личную ценность, значимость имеют для него потребности, связанные с той или иной сферой жизнедеятельности.

Доверие к другому человеку можно рассматривать как частный случай взаимодействия человека с миром. Как справедливо отмечает Т.П. Скрипкина, «условием возникновения доверия является актуальная значимость объекта и его априорная безопасность». Дове-

рие реализуется не столько передачей «конфиденциальной» информации, сколько «вовлечением другого лица в собственный внутренний мир, а потому она выступает как значимая информация». Таким образом, можно говорить, что взаимное доверие субъектов друг другу предполагает такое отношение, которое строится на «взаимопроникновении взаимодействующих людей в смыслы друг друга и служит условием порождения новых смыслов».

Доверие к другому человеку – исходное условие человеческого общения и исходное психологическое отношение между людьми. Доверие как внутриличностный феномен в пространстве межличностных отношений осуществляет функцию связи между людьми, человек отражает в другом в каждый момент времени лишь то, что для него актуально и ситуативно имеет смысл и ценность. При условии доверия в момент взаимодействия людей происходит взаимоотражение тех смыслов и ценностей, которые актуальны для обоих.

На основе теоретической модели личностной готовности психолога к первичной профилактике наркомании нами совместно с Н.Ю. Самыкиной была разработана модель формирующего эксперимента [Самыкина, 2002].

В эксперименте приняло участие 117 человек – психологи центров социально-психологической помощи «Семья», реабилитационных центров, образовательных учреждений г. Самары, Самарской области, г. Муравленко Ханты-Мансийского АО. Контрольная группа – 52 человека, экспериментальная группа – 65 человек. Опыт работы психологов – от 1 до 7 лет, опыт работы по первичной профилактике наркомании – от 3 месяцев до 2 лет.

Формирующий эксперимент проводился по следующим этапам.

На первой стадии эксперимента с помощью экспертной оценки по разработанным критериям психодиагностических и социально-психологических методик определялась степень сформированности личностных качеств – элементов модели личностной готовности психологов к первичной профилактике наркомании. Экс-

пертная оценка проводилась в очной или заочной форме: эксперты либо присутствовали на одном-двух занятиях, проводимых участниками эксперимента со старшеклассниками, либо оценивали видеозапись таких занятий.

Таблица 8

Уровни сформированности личностно важных качеств психологов контрольной и экспериментальной групп по первичной диагностике

Компоненты	Критерии	Низкий		Средний		Высокий	
		Конт.	Эксп.	Конт.	Эксп.	Конт.	Эксп.
Интеллектуальный	Децентрация	27	35	24	24	1	6
	Рефлексия	22	23	28	16	2	26
	Критичность	24	33	22	25	6	7
Нравственный	Ответственность	4	5	23	27	25	33
Эмоциональный	Эмпатия	2	4	11	28	39	33
	Чувство юмора	23	31	20	19	9	15
Волевой	Саморегламентация	24	32	18	23	10	10
	Волевые качества	12	18	35	33	5	14
Организаторский	Самоорганизация	16	22	20	28	16	15
	Саморуководство	16	25	21	23	15	17

У большинства психологов в целом отмечен низкий уровень личностной готовности к первичной профилактике наркомании (таблица 8). Как в экспериментальной, так и в контрольной группе недостаточно сформированы децентрация, критичность, рефлексия, чувство юмора, саморегламентация, волевые качества личности, самоорганизация и саморуководство, однако выявлен достаточно высокий уровень ответственности, эмпатии. Яркая выраженность данных качеств объясняется тем, что они относятся к личностно важным качествам практического психолога вообще, а не только работающего по первичной профилактике наркомании, в то время как остальные качества отражают специфику личностной готовности психологов к первичной профилактике наркомании.

Мы определили, что высокий уровень личностной готовности к работе с подростками по профилактике наркомании отмечается у психологов с высокой неадаптивностью поведения и с опытом содействия в разрешении конфликтов взросления у участников психокоррекционных программ.

Низкий уровень децентрации, критичности, самоорганизации связан с тем, что проводимые психологами лекции, тренинги навыков, семинары по первичной профилактике наркомании реализуются по выстроенной и утвержденной программе, т.е. не требуют творческого, развивающего подхода. Чувство юмора у испытуемых ограничивается либо способностью шутить, либо способностью смеяться, причем в работе практически не используется. Как показал анализ результатов, низкий уровень децентрации, критичности, чувства юмора чаще встречается у психологов с большим опытом работы (68 % психологов с диагностированным низким уровнем личностной готовности имели стаж работы более 5 лет). Возможно, это связано с наличием у психологов профессиональной деформации, которая проявляется в ригидности, формальности, стереотипных формах мышления и работы.

Основным критерием неготовности психологов к первичной профилактике наркомании мы считаем низкую мотивацию данной деятельности, стремление к ее избеганию и формальному выполнению. Многие специалисты, принимавшие участие в исследовании, показали низкую мотивацию к работе по причине «бесмысленности», «непонятности», «скучности» их деятельности. Причиной низкой мотивации специалисты социально-психологических центров назвали большое количество программ и проектов, предлагаемых их вниманию и ориентированных скорее на тренировку отдельных навыков, чем на развитие личности ребенка и повышение наркоустойчивости. Недостатком этих программ, по мнению специалистов, является отсутствие критериев и способов оценки эффективности их работы, т.е. специалисты не имеют возможности

оценить свою работу и соответственно себя как специалиста. Отсутствие системы оценки эффективности профилактической деятельности порождает снижение мотивации и как следствие – ее эффективности. Помимо обозначенного выше критерия мы определили, что к критериям неготовности можно отнести также низкую или неадекватную оценку собственной деятельности, наличие симптомов синдрома сгорания у психологов.

Второй этап формирующего эксперимента был посвящен проведению с психологами экспериментальной группы социально-психологических и личностно ориентированных тренингов из программы первичной профилактики наркомании среди старшеклассников, разработанной на факультете психологии СамГУ. Сама программа разработана таким образом, что в результате у участников происходит, во-первых, разрешение актуальных конфликтов взросления (т.е. проблем, которые переживаются в данное время), а во-вторых, появляются самостоятельные способы разрешения конфликтов за счет формирования в личности самооценных форм активности – устремлений.

Особое внимание в процессе второго этапа эксперимента уделялось, во-первых, развитию компонентов личностной готовности, а во-вторых, установлению взаимосвязи между ними. Это достигалось, в первую очередь, предлагаемыми в процессе работы методиками развития устремлений, проблемными ситуациями, а также сочетанием работы в качестве участника программы и собственной практики. Усваиваемые испытуемыми методики и способы работы апробировались ими в практической деятельности и отличались неопределенностью, незавершенностью, а значит, требовали творческого, нестандартного подхода к их организации и проведению, а значит, актуализации в личности психологов устремлений. Кроме того, психологи-участники экспериментальной группы проводили занятия из опыта работы в присутствии супервизоров (супервизорами являлись специалисты, проводившие обучение). Как показал

анализ видеозаписи занятий, присутствие на тренингах ведущих обучающей программы значительно повышало активность психолога, актуализировало в нем большую поисковую, творческую активность. По самоотчетам участников, присутствие ведущего программы являлось, с одной стороны, «напрягающим» фактором, а с другой, оказывало поддержку и провоцировало поиск и нахождение новых методов и способов работы. Психологи контрольной группы в практических занятиях не участвовали. Их практические занятия проходили в виде проведения лекций и бесед в школах и центрах дополнительного образования.

Опыт психолого-педагогической работы показал, что оптимальный способ подготовки психологов сочетает в себе, помимо лекций и семинаров, личностно ориентированные и социально-психологические тренинги.

Повторная оценка уровней сформированности личностной готовности психологов контрольной и экспериментальной групп проходила на **третьем этапе формирующего эксперимента** (таблица 9).

Таблица 9

Уровни сформированности личностно важных качеств психологов контрольной и экспериментальной группы по вторичной диагностике

Компоненты	Критерии	Низкий		Средний		Высокий	
		Конт.	Эксп.	Конт.	Эксп.	Конт.	Эксп.
Интеллектуальный	Децентрация	25	22	25	22	2	21
	Рефлексия	24	14	26	22	2	29
	Критичность	25	21	21	25	6	19
Нравственный	Ответственность	3	4	24	26	25	35
Эмоциональный	Эмпатия	3	1	11	28	38	36
	Чувство юмора	20	14	23	28	9	23
Волевой	Саморегламентация	23	18	19	31	10	16
	Волевые качества	11	12	36	33	5	20
Организаторский	Самоорганизация	16	13	20	34	16	18
	Саморуководство	16	23	21	23	15	19

Как показал анализ результатов, в контрольной группе выявлены незначительные изменения в уровне организации личностной готовности. Нравственный компонент личностной готовности остался на неизменно высоком уровне, как в контрольной, так и в экспериментальной группе. Видимо, к деятельности по первичной профилактике наркомании склонны люди, отличающиеся ответственностью и высоким уровнем интернальности. В основном, незначительные изменения зафиксированы в организационном (саморупководство) и эмоциональном (эмпатия) компоненте. В интеллектуальной, волевой сфере сдвигов не произошло. В экспериментальной группе отмечены значимые изменения в интеллектуальном, эмоциональном (чувство юмора), волевом компоненте. Кроме того, у психологов обнаружен переход от фиксации на отдельных признаках наркориска (эмоциональная нестабильность, внушаемость, неустойчивость к стрессам и т.д.) к целостному восприятию личности подростка, пониманию взаимосвязи этих качеств, возможностей их взаимоусиления или ослабления, способов развития или минимизации. Это мы считаем важным результатом нашей работы.

Наличие устремлений (самоценных форм активности) в личности психолога является условием развития устремлений в личности подростков, что способствует разрешению их конфликтов взросления и обеспечивает снижение факторов наркотического риска.

Экспериментально выявлена взаимосвязь между эффективностью практической деятельности психолога по профилактике наркомании и наличием в структуре его личности устремлений, представленных в личностно значимых качествах: децентрации, рефлексии, критичности, ответственности, эмпатии, чувстве юмора, саморегламентации, волевых качествах, самоорганизации, саморупководстве.

Преимущественное развитие у психологов, работающих по первичной профилактике наркомании, имеют такие качества как, эмпатия и ответственность, в то время как недостаточно развиты

значимые в контексте первичной профилактики децентрация, критичность, рефлексия, чувство юмора, саморегламентация.

Наиболее значимые изменения в структуре личностной готовности психологов происходят в процессе сочетания практической деятельности и участия психологов в личностно развивающих тренингах, обеспечивающих интеграцию структуры личности и деятельности, что повышает эффективность профилактической деятельности.

Важным критерием повышения эффективности деятельности по первичной профилактике наркомании является переход от фиксации психологами внимания на отдельных признаках наркориска к целостному, системному восприятию профилактического процесса.

Дальнейшее развитие личностной готовности происходит в процессе развивающего взаимодействия, творческого отношения к процессу профилактики, условием которых является наличие в структуре личности психолога устремлений.

§ 3.12. Альтернативы зависимости – решение психологических задач взросления

В наших рассуждениях мы исходим из того, что рассматриваем человеческую личность как существо, устремленное к свободе (Сартр, Мамардашвили, Хайдеггер, Ницше и другие), важнейшим свойством которого является проявление своей субъектности (самопричинности).

Одновременно, субъектность может выступать как способ саморазвития и взросления человека. Субъектность переживается как своеобразное чувство «можения», как способность быть причиной происходящего, как наличие избыточной возможности произвольного влияния на жизненно важную ситуацию.

Противоположностью субъектного поведения является ролевое, в котором момент авторства (субъектности) отсутствует. Однако, как мы уже говорили ранее, субъектность может иметь как соб-

ственный источник, так и заимствованный. Во втором случае мы имеем дело с психологической зависимостью.

Ценностно-смысловая структура личности складывается в процессе образования и воспитания. Носителем ее «сверхчувственной» формы является «чувственный» индивид – живой человек [Леонтьев, 1983].

В процессе воспитания ценностно-смысловые отношения транслируются детям от взрослых, как правило, в когнитивной, логически завершенной форме. В свою очередь дети воспринимают все происходящее в контекстной, спонтанно творимой, событийной логике. В связи с этим, процесс формирования ценностно-смысловых отношений личности ребенка не может быть сведен к когнитивным процессам и поэтому не может быть полностью представлен в сознании. Онтологические и организмические аспекты воспитательного взаимодействия остаются невидимыми для воспитателей. Но именно онтологическое и организмическое переживание человека отражается и фиксируется в нем как переживание «само», самоидентичности, самопричинности, обеспечивая ему идеальную представленность себя в себе, создает основу внутриличностной системы самоподдержки и «онтологической укорененности» личности.

Онтологически укорененная личность – это личность с развитой системой внутренней самоподдержки, «истинный субъект жизни» [Рубинштейн, 1989]. Такой личности свойственны организмическое самопринятие, внешняя и внутренняя диалогичность, эмоциональная независимость, осмысленное отношение к смерти и бессмертию. Если это сформировать в виде онтологически значимых задач, мы получим перечень задач взросления.

Субъектность в качестве переживания определяет исходную «точку сборки субъекта», а также вектор его активности, хотя сама активность личности является результатом событийной динамики.

Главная онтологическая задача субъекта – это «прожить свою собственную жизнь, а не навязанную или предписанную извне», как ее определил И.Бродский в «Нобелевской лекции».

Подросток в период взросления сталкивается с собственными психологическими задачами, нерешенность которых искажает развитие личности на последующих возрастных этапах. Идея рассматривать период взросления как процесс решения возникающих в ходе развития личности проблем («возрастных задач развития») обсуждалась уже в начале XX века Е. Шпранглером (1926), Р. Хавигхерстом (1948), В. Штерном, К. Гаррисоном (1975), Х. Ремшмидтом (1979), Э. Эриксоном и др. В нашей стране эта тема обсуждалась в работах М.Р. Гинзбурга, И.С. Кона, В.С. Мухиной, Д.И. Фельдштейна и др. Сравнительно недавно появились исследования, в которых организация профилактики наркомании рассматривается с точки зрения содействия подросткам в решении их онтологически значимых задач взросления, развития субъектности личности (С.В. Березин, К.С. Лисецкий, Н.Ю. Самыкина, Е.В. Литягина, О.А. Ушмудина, М.Е. Серебрякова и др.).

Задачи развития личности традиционно связывают с нормами и своеобразными эталонами, которым подросток должен соответствовать. Это могут быть требования общества, взрослых, подростковой субкультуры, а также требования, предъявляемые подростком самому себе. Однако, задачи взросления имеют свою специфику. Их принципиальное отличие заключается в том, что задача взросления не всегда имеет образец решения, а условием ее выполнения являются неопределенность и рискованный выбор в ситуации противоборствующих мотивов и ценностей личности.

Попытки развития личности по предписаниям часто вызывает эффект, обратный взрослению – инфантилизацию. Инфантилизация прогрессирует, если личностно-психологическое взросление, включающее процесс саморазвития личности подростка, существенно отстает от его ролевого развития. Инфантильная личность, оказы-

ваясь в условиях «ролевой взрослости», взрослых требований, взрослых решений, жестких предписаний, вынуждена постоянно испытывать неудовлетворенность собой. Это состояние становится «валовым чувством» неблагополучия – генерализованной неудовлетворенностью личности. Для него характерным является постоянное, трудно преодолимое переживание либо беспокойства, либо скуки. Наркотики всегда способны обеспечить человека устойчивой мотивацией и универсальными средствами снятия такого рода неудовлетворенности.

Задачи ролевого и личностного взросления выглядят одинаково (могут быть одинаковыми), но результаты их решения могут быть совершенно противоположными. Практика показывает, что личность может опережать свой хронологический возраст, а может заметно отставать от него. Более того, знания, умения, навыки социального поведения, которые соответствуют требованиям, предъявляемым обществом к каждому конкретному возрасту, могут быть освоены только на внешнем, ролевом уровне, оставив минимальный след в личностно-психологической организации человека. Соответственно, если за возрастную характеристику человека принять его способность справляться с задачами соответствующего уровня, то эти задачи необходимо будет разделить на два класса: ролевые задачи возраста и личностно-психологические задачи взросления.

Способы решения ролевых задач возраста индивид осваивает по образцам в условиях управления извне. Личностно-психологические задачи взросления невозможно научиться решать вне самодвижения, без проявления своей субъектности в условиях неопределенности, непредсказуемости, неповторимости. Термин «субъектность», вслед за В.А.Петровским, мы понимаем как ответственность за непредрешенность. Роль можно выбрать и в дальнейшем придерживаться ее в той или иной мере, личность придумать невозможно – **человек может быть счастлив, только будучи собой**. Период взросления неизбежно отмечен непредсказуемостью, поэтому-то ее «снятие» по

подсказке воспитателя может приводить к результатам, противоположным ожиданиям воспитывающих взрослых.

Мы считаем, что выбор правильного подхода к проблеме возрастных особенностей старшеклассников чрезвычайно важен, поскольку имеющаяся сегодня педагогическая практика показывает недостаточность опыта, которым располагают воспитатели, особенно если речь идет о профилактике различного рода негативных зависимостей (курение, алкоголь, наркотики).

Взрослеющий человек в отличие от взрослого вынужден в короткий промежуток времени находить варианты решения основных задач своего дальнейшего развития, одновременно развивая свое «Я» как субъекта выбора себя, то есть как постановщика задач.

Главная проблема заключается в том, что **эти задачи**, при множестве различных социальных институтов, призванных оказывать помощь, **каждый человек в период взросления должен решать самостоятельно**. «Движение» личности подростка в процессе решения этих задач всегда противоречиво, конфликтно, парадоксально, индивидуально неповторимо. Подросток находится в положении маргинальной личности (принадлежащей двум культурам), **он не хочет больше принадлежать сообществу детей и в то же время знает, что он еще не взрослый**.

Наши исследования показали, что программы профилактики не должны и не могут строиться на основе представлений взрослых о ценностях жизни, на их воспоминаниях о перипетиях их собственного детства. Профилактические программы должны быть обращены к периоду взросления как самоценному периоду в жизни человека с только ему присущими ценностями, конфликтами и проблемами. Воспитателям важно понять, что привлекательными для подростка является не психоактивное вещество, а новые возможности, которые открываются ему при употреблении наркотиков [Лисецкий, Литягина, 2004].

Ранее доказанное положение о том, что у наркомании нет специфических причин [Березин, Лисецкий и др., 1998], позволяет нам утверждать, что поводом для употребления подростками наркотических веществ может быть все, что угодно, тогда как зависимость от них возникает и формируется там и тогда, где и когда «субъект» получает средства, соединяющие новые возможности с новым отношением к себе (к миру) в момент «снятия» состояния генерализованной неудовлетворенности. Если же состояние генерализованной неудовлетворенности, свойственное подростковому возрасту, циклически возвращается к своему владельцу через определенный промежуток времени, то мотив ее преодоления приобретает форму зависимости, так как оказывается ненасыщаемым, а субъектность без ответственности – незавершенной.

Самостоятельная локализация неудовлетворенности, преодоление себя на фоне переживания избыточных возможностей являются атрибутами процесса взросления подростка. С точки зрения педагогической практики, содержание процесса взросления удобнее всего представить в виде комплекса задач развития и саморазвития личности. Задачи развития имеют образцы, четкие критерии и методы решения. Задачи личностного саморазвития, по сути дела, являются задачами взросления, онтологического укоренения личности в себе и в мире, и потому более неопределенны и многозначны.

Возможность действовать, не связанная с какими-либо внешними требованиями, порождает новый мотив, предметом которого является переживание особого состояния «множественности исходов», избыточности возможностей. Условием возникновения этого состояния является наличие неопределенности и непредсказуемости событий. Процессом и результатом – саморазвитие. Устремление – новая динамическая константа личности, которая, возникнув однажды, продолжает оказывать влияние на дальнейшую эмоциональную и творческую активность человека [Петровский, 1992; 1996а].

Результаты наших исследований позволяют утверждать, что профилактика наркотизма и других видов негативных зависимостей без развития устремлений и содействия подросткам в решении их задач взросления бесполезна и сверхзатратна. Ролевое поведение подростка, выученное на «отлично», но не укорененное личностно, еще больше нарушает целостность его «Образа Я», обостряет противоречия в его «Я-концепции».

Французский психолог Б. Заззо во второй половине XX века, изучая подростков из различных социально-экономических слоев общества, выявила, что начало отрочества как правило относят к 14 годам, связывая его с половым созреванием, а верхняя граница этого периода оказывается более размытой: 19, 20, 21 год. Л.И. Божович, характеризуя подростковый возраст как самый сложный и длительный, разделяет его на две фазы: в первой фазе (12-14 лет) возникает способность ориентироваться на цели, выходящие за пределы сегодняшнего дня («способность к целеполаганию»); вторая фаза (15-17 лет) связана с осознанием своего места в будущем, т.е. с рождением «жизненной перспективы», которая включает представление о своем желаемом «я», и о том, что он хочет совершить в своей жизни [Божович, 1995].

Сегодня наиболее распространенными формальными ориентирами – границами возрастных стадий принято называть следующие [Ремшмидт, 1994].

Детство: от рождения до 12 лет.

Подростковый возраст: от 12 до 18 лет.

Юность: от 18 лет до 21 года, в некоторых периодизациях – до 25 лет.

Термином «период взросления», как правило, обозначают время подростничества и юности, вместе взятых, т.е. период с 12 до 21 (25) лет. Однако по некоторым признакам эти границы могут быть изменены. *Календарное взросление не всегда соответствует личностно-психологическому.*

Под *психологическими задачами взросления мы понимаем особый вид задач развития, в результате решения которых появляется взрослость как системная характеристика личности, способной к самореализации*. Критериями психологической взрослости в эмоциональной сфере является чувство ответственности, в когнитивной – рефлексивность, в волевой – конструктивное действие в условиях онтологической неопределенности (как способность действовать в соответствии с моральными критериями). Психологические задачи взросления – это объективные ситуации неопределенности периода взросления, в результате субъектного преодоления которых у подростка появляется, проявляется и формируется взрослость [Литягина, 2004].

Взрослость личности, по нашему мнению, характеризуется «онтологической укорененностью» [Лэнг, 1995], собственной, а не заимствованной целостностью, развитой субъектностью, готовностью к проявлению ответственной самопричинности в ситуациях онтологической неопределенности, наличием системы внутриличностной самоподдержки.

Своевременно решенные подростком онтологически значимые задачи взросления составляют основу его внутриличностной системы самоподдержки. Система самоподдержки необходима взрослеющей личности для обеспечения надежной, устойчивой связи между полаганием себя в изменчивых неопределенных условиях неоднозначного жизненного выбора и полаганием на себя в момент принятия окончательного решения. В старшем подростковом возрасте наиболее значимыми сферами, где решаются психологические задачи взросления, являются отношения с родителями и другими взрослыми, со сверстниками и группой, полоролевое самоопределение, постижение вечных истин и конечности личной жизни.

Если подросток избегает решений задач собственного взросления (а взрослые всячески его поддерживают в этом), то ребенок остается инфантильным и привыкает быть беспомощным. В ре-

зультате без внешнего покровительства, без помощи окружающих такой ребенок в дальнейшем будет испытывать значительные трудности в самостоятельном решении любых задач, связанных с личным выбором.

Косвенно нерешенность задач взросления среди наркозависимых была подтверждена нами в простом эксперименте. В ходе практических занятий с наркозависимыми мы иногда просили их отметить свое положение на неградуированном отрезке длиной в 100 мм, на котором начало отрезка символизирует начало жизни (рождение), а конец отрезка – конец жизни (смерть). Расстояние от начала отрезка до отметки испытуемого является косвенным показателем воспринимаемого психологического возраста. Собрав некоторое количество экспериментальных данных для наркозависимых в возрасте 17-20 лет и 34-38 лет, мы сравнили полученные результаты с контрольной группой.

Таблица 10

Сравнение воспринимаемого психологического возраста испытуемыми, употребляющими и не употребляющими ПАВ

	Расстояние от начала отрезка		Значение t-критерия Стьюдента	Степень свободы	p-уровень
	Среднее значение	Стандартное отклонение			
МОЛОДЕЖЬ В ВОЗРАСТЕ 17-20 ЛЕТ					
группа наркозависимых (35 чел.)	16,78	6,98	2,60	78	0,011
контрольная группа (45 чел.)	19,84	3,27			
ВЗРОСЛЫЕ В ВОЗРАСТЕ 34-38 ЛЕТ					
группа наркозависимых (17 чел.)	28,12	7,84	9,58	45	>0,00001
контрольная группа (30 чел.)	46,65	9,12			

Обращает на себя внимание тот факт, что уже в юности лица, употребляющие наркотические вещества, воспринимают себя не-

сколько моложе, чем сверстники, при существенно большем (более чем в два раза!) разбросе оценок. Однако в среднем возрасте, при переживании кризиса середины жизни, картина получается совсем драматическая: средняя оценка величины прожитой жизни у взрослых людей, употребляющих ПАВ, оказывается даже ближе к оценкам юношей и девушек, чем к средней величине оценок своих сверстников!

В соответствии с классификацией задач, предложенной Н.Н. Нечаевым, задачи взросления можно отнести к задачам, в которых решение не согласуется с данными условия, когда наряду с недостающими имеются избыточные и (или) частично неверные сведения [Нечаев]. Сталкиваясь с задачами взросления, подросток попадает в ситуацию «двойного зажима». С одной стороны, он хочет повзрослеть (решить задачи), с другой – он не знает, каков будет результат. Это ситуация, когда цель и результат не только не совпадают, но и могут быть противоположны [Бейтсон, 2003]. Поэтому задачи взросления не решаются адаптивными средствами. Для решения такого рода задач подростку необходимо проявить неадаптивную активность [Петровский, 1994].

В. Штерн указывает, что подростковому возрасту свойственны «серьезные игры», в которых подросток учится использовать свои силы и возможности, ставить и добиваться целей, примерять на себя различные роли и др. Он выделяет три основных задачи самоопределения в подростковом возрасте: 1) в сексуальной сфере; 2) в психологической (интеллектуальной, эмоциональной, личностной); 3) в социальной сфере.

Х. Ремшмидт указывает шесть основных потребностей, для удовлетворения которых подросток прямо или косвенно проявляет активность, изыскивает и осваивает новые пути: 1) физиологическая – запускающая физическую и сексуальную активность; 2) потребность в безопасности, удовлетворяемая через принадлежность к группе; 3) потребность в независимости и эмансипации от семьи;

4) потребность в привязанности; 5) потребность в успехе, в проверке своих возможностей; 6) потребность в самореализации и развитии своего «Я».

Согласно Р. Хавигхерсту [Гинзбург, 1998; Ремшмидт, 1994], юношескому возрасту соответствуют следующие задачи развития.

- Принятие собственной внешности и эффективное использование своего тела, необходимость осознания его особенностей и научение осмысленно управлять своим телом.

- Усвоение мужской или женской роли: необходимость индивидуально выбрать структуру полового поведения и «образ» своей половой роли.

- Установление новых и более зрелых отношений с ровесниками обоих полов. Важным становится влияние группы.

- Завоевание эмоциональной независимости от родителей и других воспитателей, при объективно существующем сопротивлении взрослых.

- Подготовка к профессиональной карьере.

- Подготовка к браку и семейной жизни: приобретение знаний и социальной готовности, необходимых для выполнения задач, связанных с партнерством и семьей.

- Формирование социально ответственного поведения: подготовка к участию в деятельности на пользу общества и усвоение политической и общественной ответственности гражданина.

- Построение системы ценностей и этического сознания как ориентиров собственного поведения: критический анализ ценностей окружающей культуры должен привести к формированию собственной системы ценностей, которая регулировала бы поведение.

К. Гаррисон (1975), формулируя задачи взросления, сходные с теми, которые выделил Р. Хавигхерст, предлагает разделять ранний и поздний периоды взросления с постепенным переходом от одного к другому, не носящие характера качественного скачка.

Х. Ремшмидт описывает следующие задачи развития Я в период взросления.

– Достижение большей волевой независимости (независимость в планировании своего времени и принятии решения; усвоение новых ценностных представлений на основе их собственной значимости, независимо от взглядов родителей или других референтных личностей; рост доверия к внесемейным группам и влияниям; большой реализм в формировании целей и стремлении к новым ролям; усиление потребности влиять на других).

– Изменение целей на основе ценностных представлений (потребность в самостоятельной приобретенной идентичности; повышение требовательности к самому себе; углубление самооценки).

– Смена гедонистических мотивов более отдаленными целями, направленными на достижение определенного статуса.

– Возрастание способности к действиям.

– Принятие на себя моральной ответственности с учетом ценностей общества.

В глубинной психологии и интеракционизме процесс отделения от семьи обязательно включается в задачи, требующие решения в период взросления [Ремшмидт, 1994].

Е.С. Калмыкова указывает на необходимость оказывать помощь молодым людям в решении задач развития [Калмыкова, 2001]. Она считает, что невротические конфликты в сочетании с неразрешенными задачами развития затрудняют преодоление подростками объективного возрастного кризиса и обуславливают застревание в подростковой фазе.

Е.С. Калмыкова, используя классификацию нормальных задач развития О. Кернберга, называет следующие задачи развития подростков:

- 1) консолидация ощущения эго-идентичности;
- 2) утверждение нормальной сексуальной идентичности;

3) ослабление привязанности к родителям и выбор гетеросексуального объекта;

4) замещение инфантильного регулируемого поведения суперэго интернализированной и гибкой системой морали.

Т.И. Шульга, В. Слот на основе работ зарубежных авторов (Achenbach (1990), Waters, Sroufe (1983), Masten, Braswell (1991), Selman (1980) и De Geus (1995)) сформулировали возрастные задачи для подростков и юношей (13 лет-21 год) [Шульга, Слот и др., 2001].

1. Освобождение от зависимости, приобретение автономии – умение становиться менее зависимым от родителей и определять свое место в семье и среди родственников при изменяющихся взаимоотношениях:

- уметь строить бесконфликтные отношения, договариваться с родителями (13-15 лет);

- найти свое место в семье, определить свои отношения с родственниками и родителями, уметь решать проблемы без конфликтов (16-18 лет).

2. Здоровье и внешность – подросток должен заботиться о хорошем физическом состоянии, внешнем виде, хорошем питании и избегать излишнего риска:

- самостоятельно следить за своим весом, физическим состоянием и развитием (13-15 лет);

- вести здоровый образ жизни, вовремя остановиться при наличии вредных привычек (16-18 лет).

3. Свободное время – устраивать интересные мероприятия, полноценно проводить время, свободное от обязанностей:

- уметь выбирать для свободного времени нужные, полезные дела, приносящие удовольствие (13-15 лет);

- полноценно проводить свободное время (16-18 лет).

4. Интимность и сексуальность – открытие для себя возможностей и желаний в сфере интимных и сексуальных отношений:

- открытие телесных изменений, сексуальности (13-15 лет);
- половая идентификация, выбор партнера для любви и продолжения отношений с ним (16-18 лет).

5. Учеба или работа – приобретение знаний и умений, дающих возможность выбирать себе работу и хорошо работать по выбранной профессии:

- учеба, направленная на выбор профессии (13-15 лет);
- самостоятельный выбор учебы для приобретения профессии, самостоятельность в учебе (16-18 лет).

6. Социальные контакты и дружба – установление и поддержание контактов и умение оценить, что могут дать контакты с другими, готовность к дружбе, умение доверять другому и вызывать доверие к себе, принятие друг друга:

- готовность к дружбе, умение показывать свои чувства и видеть, как другие реагируют на твои чувства (13-15 лет);
- умение оценить другого, умение выразить свои чувства, ухаживать за другим и т.д., постоянство чувств (16-18 лет).

7. Авторитет и инстанции – принятие факта, что определенные лица и инстанции поставлены над тобой, умение постоять за себя в рамках действующих правил и законов:

- неподчинение власти, протест против требований (13-15 лет);
- осознание необходимости подчинения требованиям и властям (16-18 лет).

8. Создание и поддержание в порядке собственных жилищных условий – поиск или создание места для проживания и умение обращаться с домашними или соседями по квартире:

- уметь подчиняться установленным правилам (13-15 лет);
- уметь самостоятельно строить взаимоотношения с теми, с кем живешь (16-18 лет).

С.В. Пятова, изучая особенности личностного развития подростков с тяжелыми хроническим соматическим заболеванием (муко-

висцидоз), описывает нарушения процесса разрешения нормальных возрастных задач развития, среди которых называет:

- 1) автономизацию от родителей, переоценку и перестраивание отношений с ними;
- 2) разрешение трудностей в интимно-личностном общении;
- 3) осознание соматических изменений, их включение в схему тела, в том числе, становление половой идентичности;
- 4) осознание временной протяженности своего «Я», включающей проекцию себя в будущее;
- 5) профессиональное самоопределение [Пятова, 1997].

Таким образом, большинство исследователей подросткового и юношеского возраста считают, что в период взросления подросток неизбежно сталкивается вынужден решать две главные задачи:

- достижение некоторой автономии и независимости от родителей/взрослых;
- формирование идентичности, создание целостного Я, гармонично сочетающего различные элементы личности.

Термин «идентичность» (от лат. Identitas – тождественность) в психологической литературе не имеет однозначного толкования. Это один из многих терминов, у которых отсутствует четкое определение. Словарь дает следующие определения идентичности [Климова, 2002]:

- Свойство сущности или явления, для которого характерно совпадение, тождественность с одним или несколькими другими реальными или абстрактными сущностями или явлениями по основным или общим признакам.
- Совокупность самобытных характерных особенностей человека, составляющих личность индивида – индивидуальность.
- Самоидентичность – самосознание, понимание своей самобытности, неповторимости, отличия от других объектов. Субъективный эквивалент «Я».

– Отношения, устанавливаемые при психологической идентификации.

В своем исследовании мы используем определение идентичности Т. Марковой. **Идентичность – это твердо усвоенный и лично принимаемый образ себя во всем богатстве отношений личности к окружающему миру, выражающийся, во-первых, в адекватности и стабильности владения личностью собственным «Я» независимо от изменений «Я» и ситуации и, во вторых, в способности личности к полноценному решению задач, возникающих перед ней на каждом этапе развития [Климова, 2002].**

Таким образом, идентичность – это показатель зрелой (взрослой) личности, истоки и тайны организации которой, согласно Э. Эриксону, скрыты на предшествующих стадиях онтогенеза.

Формирование идентичности называют центральной задачей периода взросления. Э. Эриксон перечисляет важнейшие конфликты этого периода: диффузия идентичности (неспособность «Я» сформировать идентичность); диффузия времени (нарушение чувства времени); застой в работе (часто связан с диффузией идентичности, проявляется как неспособность выбрать и конструктивно разрешать задачи развития); отрицательная идентичность проявляется в отрицании принятых ролей, которые способствуют формированию идентичности (возможно принятие ролей, которые характеризуются как опасные и нежелательные).

Дж. Марсия (1980), разрабатывая собственную теорию на основе эпигенетической теории Э. Эриксона, выделяет 4 варианта, или статуса идентичности в соответствии с основными конфликтами [Элкинд, 1996; Эриксон, 1996]:

– предрешенность (статус идентичности тех, кто принял на себя обязательства, не проходя через кризис идентичности, как правило, переняв ценности родителей);

– диффузия (статус идентичности тех, кто не прошел через кризис идентичности и не принял на себя никаких обязательств);

- мораторий (статус идентичности тех, кто находится в самом центре кризиса идентичности);
- достижение идентичности (статус идентичности тех, кто прошел через кризис и принял на себя обязательства вследствие самостоятельных решений).

Мы полагаем, что эмпирическим референтом достижения идентичности может служить появление у подростка внутриличностной системы самоподдержки. Основу этой системы составляет субъективный опыт личности, полученный в результате решения своих онтологически значимых задач взросления. Решение каждой отдельной задачи должно быть «выстрадано» и отрефлектировано личностью не только когнитивно, но и «организмически», чувственно-телесно. Гносеологическая субъектность должна быть «онтологически укоренена» (Р. Лэнг).

Перечень психологических задач взросления:

- принятие подростком своего имени;
- принятие собственной внешности и тела;
- достижение новых и более зрелых отношений со сверстниками обоего пола;
- достижение полоролевой идентичности;
- достижение эмоциональной независимости от родителей;
- построение системы ценностей,
- выбор способа бессмертия;
- выбор профессиональной перспективы;
- принятие себя.

Содействие подросткам в решении задач взросления целесообразно сочетать с вариативным выстраиванием личностно-профессиональной перспективы их жизни.

Принятие своего имени. Имя собственное рассматривается как первое звено в структуре самосознания человека (В.С. Мухина). Посредством имени человек с первых дней жизни накапливает положительные (или отрицательные) эмоции по отношению к себе со

стороны ближайшего окружения, при этом формируется чувство базового доверия к людям и ценностное отношение к самому себе [Абульханова-Славская, 1991; Мухина, 2000; Абдульманова, Минкина, 2002].

На последующих этапах онтогенетического развития этот структурный элемент самосознания прорастает сложными интегративными связями и определяет ценностные ориентации человека в его притязаниях на признание, в особенностях половой идентификации, в характере построения жизненных перспектив, а также в системе прав и обязанностей [Бурменская и др., 1990; Мухина, 1991].

Имя собственное определяет человека как представителя социума, конкретного этноса, дает возможность занять свое место в системе общественных отношений, причисляет его к определенному полу. Благодаря имени и местоимению «Я» ребенок научается выделять себя как персону, отличную от других; со сходными с другими детьми качествами, но и обладающую индивидуальными особенностями. Имя рано приобретает глубоко личностный смысл для человека.

Для младшего подросткового возраста характерны эксперименты с именем, которые проявляются в виде придумывания прозвищ себе и своим товарищам. Подросток изучает реакцию и поведение, в том числе и собственное, на изменение имени. Эти эксперименты могут закончиться отторжением собственного имени, а это будет означать внутриличностный «раскол», нарушение психологической целостности, неприятие части себя.

Принятие собственной внешности и тела. Оценивая свое тело как норму, неполноценность или физическое превосходство, подросток тем самым делает вывод о своей социальной ценности [Исаев, 1999; Костенок, 1995; Лаврова, 2001; Тхостов, 2002]. Принятие собственных телесных изменений является одной из важнейших задач для подростка. Понимание своего тела – это прелом-

ление в сознании собственных способностей, а также восприятий и оценок окружающих, которые могут способствовать как развитию уверенности в себе и самопринятию, так и бурным аффектам по поводу своей внешности (тела и лица) и искажению поведения.

Рост тела и изменение его пропорций опережают осознание и принятие этих изменений, вследствие чего подросток не знает, как использовать то, что имеет. Чтобы понять, на что он теперь способен, подросток подвергает себя различным испытаниям (идет на риск). И.П. Павлов назвал это явление «рефлексом свободы», В.А. Петровский – «неадаптивной активностью», «потребностью быть личностью», быть субъектно представленным и продолженным в значимых других и самом себе. М. Цукерман определяет эту тенденцию как «поиск ощущений», В. Ротенберг, В.В. Аршавский называют ее «поисковой активностью» [Мастеров, 1996; Петровский, 1992; Ротенберг, 2002]. *Поисковое поведение* – это активное поведение в условиях неопределенности, когда человек не имеет возможности с полной уверенностью прогнозировать результаты своей активности. В отличие от панического поведения, которое тоже осуществляется в условиях неопределенности, человек с поисковым поведением способен адекватно оценить каждый промежуточный результат на пути достижения главной цели и соответственно скорректировать свое поведение. Поисковое поведение толкает человека на поиск новых, необычных, даже опасных переживаний, но пока он сохраняет поисковое поведение (даже, если при этом испытывает страх или гнев), его здоровью, по мнению В. Ротенберга, ничто не угрожает. «Здоровье – это золотая монета, которой природа расплачивается за готовность к риску».

Однако, как указывает В.С. Мухина, отсутствие ценностного отношения к своему телу, аутоагрессивные действия в отношении себя являются сигналом дефекта в личностном развитии. Природа аморальна, и для здоровья безразлично, в каком направлении развивается поисковое поведение. Сам процесс поиска имеет большее

значение для здоровья, чем его прагматический результат. Об этом же говорит в своей теории М. Чиксентмихайя: наслаждение процессом осуществляемой деятельности оказывается значительно ценнее, чем ее результат [Буюкас, 1995].

Именно поэтому остается неэффективным данный подход в воспитании детей и подростков – «формирование навыков здорового образа жизни» как принципа профилактики аддиктивного поведения. Для подростка ценнее рисковать и ощущать новые эмоции «здесь и сейчас», чем не рисковать, надеясь на вознаграждение в будущем.

Достижение новых и более зрелых отношений со сверстниками обоего пола, с группой. В старшем подростковом возрасте референтной для личности становится группа сверстников, в отличие от более ранних периодов, когда определяющими для ребенка являлась семья и взаимоотношения с родителями [Белинская, 1997, 1999; Бодалев, 1995; Кондратьев, 1997].

Большинство подростков включаются в субкультуру, характеризующуюся определенными, присущими только ей особенностями. Принадлежность к той или иной субкультуре дают возможность подростку противостоять актуальной жизненной ситуации, в таких формах, как:

- бегство от общества (наркотики, секты, медитация и др.);
- развитие и культивирование альтернативных, прежде всего социальных и творческих, интересов (борьба за мир, защита окружающей среды, альтернативные производства и др.);
- цинизм: направления, связанные с культурой и модой, выделение себя из толпы посредством внешнего вида, музыки, сленга и т.п.;
- агрессивные стычки (рокеры, футбольные «фанаты» и т.д.);
- традиционные формы самоорганизации (союзы, группы по увлечениям) [Ремшмидт, 1994].

Достижение полоролевой идентичности. Становление половой идентичности включает в себя биологический процесс созревания и усвоение личностью своей половой роли. Формирование женской или мужской идентичности осуществляется под влиянием семейного воспитания. Существенное воздействие на полоролевые позиции оказывают нормы и представления общества.

Исследования американских подростков, проведенные в 1987 году Б. Роско, показали, что свидания в период взросления выполняют 7 основных функций: *развлечение* (возможность развлечься, повеселиться со сверстником противоположного пола), *социализация* (возможность узнать особенности противоположного пола и получить навыки общения), возможность поднять свой *статус* среди сверстников, *выбор брачного партнера* (испытание себя в роли будущего мужа или жены), *интимность* (установление близких эмоциональных отношений, доверие к человеку противоположного пола), приобретение *сексуального* опыта, *товарищеские* отношения (возможность приобрести друга противоположного пола) [Кривцова и др., 1997; Крайг, 2000].

Достижение эмоциональной независимости от родителей и других взрослых. В период взросления подросток ощущает острую необходимость выйти из-под родительской опеки, стать независимым человеком, иметь все права, которые есть у взрослых (при этом он еще не задумывается, что права означают и обязанности).

В процессе отделения от семьи Ф. Найдхард (1970) выделяет четыре области взаимоотношений между родителями и взрослеющими детьми: 1) взаимодействие в сфере общения; 2) нормативный контроль родителей над детьми; 3) эмоциональная связь и солидарность; 4) экономическая зависимость (или независимость) [Ремшмидт, 1994].

Как указывают исследователи подросткового и юношеского возраста Е. Douvan, J. Adelson (1966), M. Ratter, R. Graham, O. Chad-

wick, W. Yule (1976), в процессе изменения отношения подростка к семье можно в период взросления выделить следующие этапы:

- критика образа жизни взрослых, их ценностей вследствие созревания когнитивных структур и появления идеальных моделей;
- «обесценивание» родителей по причине возрастающего влияния референтной группы сверстников;
- ослабление эмоциональных связей с родителями и замена их отношениями со сверстниками, перенос центра социализации из семьи в группу сверстников (и как следствие – принятие норм этой группы, формирующих поведение подростка);
- отказ от родительского дома отражается не на всех формах поведения, взглядах и установках (нельзя сказать, что подростки отвергают абсолютно все, что относится к родителям. Идентификация с родителями отступает на задний план лишь в некоторых областях жизни) [Ремшмидт, 1994].

Семья в период взросления продолжает оставаться важнейшей референтной группой. Именно поэтому автономность и стремление к самостоятельности не означают полную независимость от родителей, т.к. родители продолжают влиять на детей на протяжении всего периода взросления (а иногда и взрослости).

Дж. Хилл (1987) предлагает понимать подростковое стремление к независимости и автономии как саморегуляцию. Подросток, переоценивая усвоенные правила и нормы, учится быть независимым, оставаясь одновременно взаимозависимым. По мере взросления подростки развивают способность сочетать обязательства перед другими, лежащие в основе взаимозависимости, с чувством Я, составляющим основу независимости [Каплан и др., 1993; Крайг, 2000].

Построение системы ценностей. Принадлежность к группе сверстников способствует переструктурированию усвоенных (прежде всего родительских) и ассимиляции новых ценностей. При этом подросток перенимает как положительные, так и отрицательные ценности референтной группы, усваивает модели поведения, в

том числе и девиантные с точки зрения взрослых. Построение и переоценка ценностей являются основным процессом морального развития в подростковом и юношеском возрасте. Главная цель переоценки ценностей состоит в развитии способности взглянуть на мир другими глазами и построить свою систему ценностей, отличную от родительской [Андреев, 1991; Балл, 1997].

Л.И. Божович и другие отечественные психологи считают, что переходный подростковый период завершается возникновением особого личностного новообразования, которое обозначают термином «самоопределение» [Божович, 1995]. Самоопределившийся человек имеет относительно устойчивую систему ценностей, знает чего хочет и более или менее представляет, как этого добиться.

Выбор способа бессмертия, построение отношений со временем (будущим, смертью, жизнью) и Абсолютом (Богом). Важной составляющей кризиса идентичности в подростковом возрасте являются отношения со временем, которые являются одним из показателей зрелой личности (А. Маслоу, Ф. Перлз, Р. Мэй). Подавляющее большинство подростков не умеют рационально использовать собственное время. Они не видят связи прошлого с сегодняшним днем, в результате не умеют думать о дне завтрашнем [Белинская, 1999]. В настоящем подросток ощущает постоянный цейтнот, ничего не успевает, а его собственная необязательность приводит к снижению его самоуважения. Достижение гармоничных отношений со временем означает для подростка:

– во-первых, способность жить настоящим, т.е. переживать настоящий момент своей жизни во всей своей полноте, а не как подготовку к абстрактному будущему или фатальное следствие прошлого;

– во-вторых, способность ощущать неразрывность прошлого, настоящего и будущего, т.е. видеть свою жизнь целостной [Кривцова, 1997].

Важная задача при обучении подростка рационально использовать собственное время – научить его самостоятельно планировать события собственной жизни, ставить и достигать цели, используя ресурсы своей личности.

Проблема смысла жизни, обостряющаяся в подростковом возрасте, неразрывно связана с осознанием и принятием, а зачастую с мучительным поиском некой внутренней точки, стрелы, позволяющего удерживаться в изменяющемся внешнем полном противоречий мире и сохранять стабильность собственного внутреннего мира. Таким стержнем становится «обретение» Бога (в религиозном понимании) или Абсолюта (как некой субстанции, «мудреца» внутри самой личности). Это помогает подростку частично понять ограниченность его личной жизни, конечность своего «Я», осознать без психотравматических последствий онтологическую сущность понятий «время», «смерть», «жизнь», «бесконечность» и «трансцендентность мира».

Выбор профессиональной перспективы. После определения профессиональной перспективы или поступления на работу идентичность личности начинает определяться скорее не семьей, досугом или группой сверстников, а работой и профессией. Выполнение каких-либо производственных функций позволяет молодому человеку чувствовать себя взрослым полноправным членом общества, вне зависимости от материального вознаграждения за выполняемую деятельность [Башев, 2000; Миронова, 1999].

Принятие себя. Период взросления (или, как его часто называют, кризис подросткового возраста) существенно отличается от предыдущих этапов развития личности. В младшем возрасте депривация вновь возникающих потребностей связана, прежде всего, с внешними препятствиями (запретами взрослых, изменившимся образом жизни, сковывающим его активность, и др.). В периоде взросления ведущую роль в депривации потребностей начинают играть внутренние факторы: запреты, накладываемые подростком

на самого себя, ранее сформировавшиеся психологические новообразования (привычки, черты характера и др.), которые создают состояние противодействия мотивов и ценностей личности, мешают достижению желаемого образа Я, целостного и согласованного [Карвасарский, 1990; Кривцова и др., 1997; Крайг, 2000; Хорни, 1997а].

Главным психологическим достижением ранней юности является открытие своего внутреннего мира (И.С. Кон). Развитие когнитивной сферы актуализирует у подростка стремление к самопознанию, дает возможность анализировать собственные мысли и чувства, строить планы и др. Задача принятия себя как личности, как целостного субъекта, способного к зрелой и целенаправленной активности является самой важной, интегральной задачей периода взросления [Кон, 1984]. Подросток «знает» себя за счет оценок, поступивших из окружающего мира, и желаемых (зачастую, иллюзорных) представлений о себе. В этой задаче наиболее ярко проявляется особенность всех задач взросления, в отличие от задач развития, – отсутствие образца, эталона, «картинки», завершенной формы. Узнавание себя не может состояться по чужому образцу. Задача заключается в познании своей собственной и истинной сущности. Этот процесс интегрирует в себе все предыдущие задачи взросления.

Психологические задачи взросления субъективно ценны и онтологически значимы для подростка. Для описания фактов научного знания В.А. Петровский выделил три параметра, которые, по нашему мнению, могут характеризовать в том числе задачи взросления: нетривиальность, информативность, экзистенциальная значимость [Петровский, 1992].

Информативность задач взросления понимается нами как устранение неопределенности в самопринятии подростка. В процессе актуализации и решения задач взросления подросток накапливает знания о собственной личности, начинает осознавать причины соб-

ственных психологических проблем и «открывать» пути их решения [Лисецкий, Литягина, 2004].

Задачи взросления *нетривиальны*, в том смысле, что подросток в своей жизни впервые сталкивается с необходимостью их решения. Осознавая несоответствие собственных желаний и стремлений с противоречивыми требованиями взрослого окружения, он вынужден находить новые способы решения возникающих трудностей, в том числе используя неприменяемые до этого возраста способы.

Экзистенциальная значимость задач взросления проявляется в высоком уровне заинтересованности в самопознании и самораскрытии. В случае нерешенности или нерешаемости психологические задачи взросления ведут к накоплению внутреннего напряжения, утрате целостности, противоборству внутриличностных мотивов и ценностей, онтологической энтропии личности. Личность, которая не может справиться с напряжением, используя свои внутренние ресурсы, будет искать другие способы избавления от неудовлетворенности.

Даже такой краткий обзор задач взросления позволяет понять их онтологическое значение для взрослеющей личности. Приведенный выше перечень задач взросления сведен в оптимальную систему, удобную для научного анализа и практической личностно ориентированной работы с подростками.

1. Организмическое (чувственно-телесное) принятие подростком своего имени, внешности, тела.

2. Развитие способности к преодолению мотивационных и ценностных противоречий.

3. Построение приемлемых отношений со сверстниками обоего пола.

4. Достижение эмоционального равенства (психологической независимости) во взаимоотношениях с родителями и другими значимыми взрослыми.

5. Осознание своего отношения к вечности, бесконечности, Абсолюту, ограниченности жизни. Выбор способа бессмертия.

На основе разработанной модели задач взросления мы создали психопрофилактическую программу формирования у подростка системы внутриличностной самоподдержки и развития субъектности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализируя опыт, выявляя скрытые противоречия в основаниях некоторых подходов к пониманию психологической зависимости от наркотических веществ, можно значительно помочь всем заинтересованным людям, стремящимся оказывать противодействие наркотизму.

Заблуждение первое. Формирование здорового образа жизни (ЗОЖ) на основе ценностного отношения подростка к своему здоровью – ошибочно! Значение ЗОЖ для подростка и взрослого человека, как показывают психосемантические исследования, принципиально противоположны [Лисецкий, Литягина, 2003; 2004]. *Если для взрослого человека здоровье – ценность, то для подростка – средство самоиспытания.* Здоровье для взрослого человека – ценность, для подростка – средство самоиспытания. Здоровье для взрослого – то, что нужно беречь, для подростка – то, что требует проверки на прочность.

Заблуждение второе. Взрослые, как правило, считают, что подростки начинают пробовать наркотики от личной неуверенности и страха перед реальностью жизни. Придерживаясь данного положения, взрослые одновременно фиксируют «страшность» реальности, от которой подростку нужно «убегать».

На самом деле подросток чаще действует наперекор общественному мнению воспитателей, которые, желая облегчить ему жизнь, ограничивают его социальную и экономическую самостоятельность. Подростки пробуют наркотики не от бессилия, а от бестрашия, ради избыточной возможности стать причиной себя и происходящего.

Заблуждение третье. Уже много лет ученые пытаются выявить основные признаки и характеристики так называемой «преднаркотической личности», найти главные причины возникновения наркомании. В зависимости от сферы исследований они постоянно

открывают их то в социальных условиях, то в психических отклонениях, то в биологических особенностях индивида.

При этом мало кто задумывается, почему люди, благополучные во всех отношениях, начинают употреблять наркотики, а те, у кого есть все причины их употреблять, даже не пробуют. Мы давно пришли к выводу, что не существует преднаркотической личности и монопричины возникновения наркомании. Любая жизненно важная проблема человека может стать поводом для пробы наркотических веществ [Лисецкий, 2002]. Наркомания – **мультипричинна!** Определяющим пунктом ее возникновения становится выбор самого человека [там же]. Поэтому способы повышения эффективности профилактики наркомании нужно искать не только в сфере психопатологии личности, но и в сфере психологии субъектности.

Заблуждение четвертое. Ориентация многих профилактических программ на развитие адаптивных способностей личности подростка изначально однобока, ущербна, а значит малоэффективна. Быть адаптивным в изменчивом мире, полном противоречий – вряд ли такое по силам взрослому человеку, а тем более взрослому подростку [Березин, Лисецкий и др., 2005б].

Копинг-стратегии – это когнитивно изученные подростком стратегии поведения по совладанию с проблемными ситуациями и своими чувствами. К сожалению, для онтологически неукорененной личности они способствуют формированию адаптивного, приспособительного, избегающего наказания поведения, а не саморазвитию личности. Как показывает анализ работ по проблеме копинг-стратегий и копинг-поведения [Нартова-Бочавер, 1997; Козлов, Дмитриева, 2005], основное различие между копинг-стратегиями и психологическими защитами, а также эффективным и неэффективным копингом, проводится различными авторами по критерию их эффективности для личностного функционирования. Сами по себе копинг-механизмы, по всей видимости, не являются ни эффективными, ни неэффективными, и могут быть использованы человеком

как себе во благо, так и во вред. В результате подросток обучается скрывать свои негативные чувства и стыдится позитивных.

Заблуждение пятое. Многие исследователи пытаются объяснить наркоманию с точки зрения гедонистического подхода, не учитывая, что жизнь наркомана значительно опаснее и сложнее, чем у человека, не употребляющего наркотики. Объяснить стремление к такой жизни с помощью принципа психологической сообразности вряд ли перспективно и правильно.

Заблуждение шестое. Подросток, попавший в зависимость от наркотиков, больше всего на свете боится «ломки», абстинентного синдрома в случае их отсутствия и поэтому вынужден постоянно употреблять наркотические вещества.

Нами исследовано большое количество случаев, когда потребители наркотиков неоднократно прекращали их употребление, но в дальнейшем, когда уже ни о какой абстиненции не могло быть и речи, вновь возвращались к употреблению. Наиболее вероятной причиной «возвращения в ад» мы считаем стремление человека к «переживанию избыточных возможностей», «онтологической неразрывности» в личной жизни, которые воспроизводятся в состоянии наркотического опьянения.

Несовпадение физических возможностей и социальных запретов, постоянное противоборство мотивов и ценностей, «онтологическая неукорененность» (Р. Ленг) личности фиксируют у него состояние генерализованной неудовлетворенности, внутренней «рассогласованности», чувственно-телесной отчужденности [Лисецкий, Литягина, 2003; 2004].

Как известно, наркотическое опьянение изменяет в организме человека психофизическую чувствительность, «растворяет» хронические напряжения, как в чувственной, так и в телесной сфере. Это открывает доступ к переживанию состояния избыточных возможностей и «организмической целостности» личности.

Заблуждение седьмое. Подросток употребляет наркотики, подвергая себя смертельной опасности, не понимая смысла и вреда того, что он делает.

При систематическом употреблении наркотиков развивается психологическая зависимость, которая подчиняет всю мотивационно-смысловую сферу личности подростка, становится точкой отсчета в определении смысла тех или иных действий, ориентиром в решении всех проблем, связанных с личным выбором. Нужно признать, что зависимость приносит потребителю наркотиков «психологический выигрыш», который проявляется в состоянии определенности в любой неопределенной ситуации. Он всегда точно знает, что нужно делать в любой момент жизни, в любой ситуации. Он все время находится в «творческом» поиске денег или наркотиков, демонстрируя при этом различное поведение. «Тотальное» понимание своего предназначения снижает у подростка онтологическую энтропию (неопределенность собственного бытия), возвращает целостность его личности и самопричинность существования. Иначе невозможно объяснить предпочтение саморазрушительных, смертельно опасных действий человека в отношении себя, своих близких, своего будущего [Лисецкий, 2002].

Как показывает практика, стремление к переживанию избыточных возможностей может стать для подростка сильнее правовых санкций, морального сдерживания и даже самой жизни. Это переживание может продолжаться очень долго при полном отсутствии беспокойства и скуки. Его самоценность исключает его исчерпаемость. Однако, самодетерминация, самопричинность личности, как правило, возникает только в ситуации неопределенности, непредрешенности, неоднозначного выбора. Если личность в условиях такого рода проявляет свою субъектность, то она не только приобретает новый опыт, но и развивает свою «Я-концепцию», психологически взрослеет.

В ситуации определенности, предсказуемости, «прозрачности», отсутствия выбора, необходимость в проявлении субъектности у личности отсутствует, но тогда ее *целостность не наступает никогда, потому что личность не имеет возможности стать причиной себя.*

ЛИТЕРАТУРА

1. Bower G.H., Rinck M. Selecting one among many referents in spatial situational models // Journal of experimental psychology: learning, memory, and cognition. 2001. V.27. №1. P.81-98.
2. Csikszentmihalyi, M. Beyond Boredom and Anxiety. Experiencing flow in work and play. San Francisco: Jossey-Bass, 2006.
3. Erikson E.H. Childhood and Society, 2nd ed., New York: W.W. Norton, 1963, Part 1.
4. Freud A. The Ego and the mechanisms of Defence. N-Y, 1946.
5. Hartmann H. Ego psychology and the Problem of adaptation. N-Y.,1958.
6. Hill J.P. Research on adolescents and their families past and present. New Directions for Child Development, USA, 1987. P. 13-32/
7. Kaplan R.M., Sallis J.F., Patterson T. L. Health and human behavior. USA, 1993. P. 56-58.
8. Marsh H.W., Parada R.H., Yeung A.S., Healy J. Aggressive school troublemakers and victims: a longitudinal model examining the pivotal role of self-concept // Journal of educational psychology. 2001. V.93. №2. P.411-419.
9. Philips L. Human adaptation and his failures. Academic Press, N-Y&London, 1968
10. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. – М.: Мысль, 1991.
11. Агафонов А.Ю. Человек как смысловая модель мира. – Самара, 2000.
12. Адлер А. Очерки по индивидуальной психологии. – М., 2002.
13. Адлер А. Практика и теория индивидуальной психологии. – М.: Фонд «За экономическую грамотность», 1995.

14. Андреев В.И. Диалектика воспитания и самовоспитания творческой личности. – Казань: Изд-во Казанского университета, 1991.
15. Андреева Г.М. Социальная психология. – М., 1980.
16. Анциферова Л.И. К психологии личности как развивающейся системе // Психология формирования и развития личности. – М., 1981.
17. Асмолов. Психология личности: принципы общепсихологического анализа. – М.: Академия, 2002.
18. Ассоджиоли Р. Нервные заболевания при духовном росте // www.max-mag.narod.ru
19. Ассоджиоли Р. Психосинтез. – М.: Рефлекс-бук, 1997.
20. Бабаян Э.А. Гонопольский М.Х. Наркология: Учеб. пособие. 2-е изд. – М.: Медицина, 1990.
21. Балл Г.А. Психологическое содержание личностной свободы: сущность и составляющие // Психологический журнал. 1997. – Том 18. № 5.
22. Бандура А., Уолтерс Р. Подростковая агрессия. Изучение влияния воспитания и семейных отношений. – М.: Апрель Пресс, ЭКСМО-Пресс, 1999.
23. Башев В.В. Психологические условия формирования ответственного действия в подростковом возрасте: Автореф. дис... канд. психол. наук. М., 2000.
24. Бейтсон Г. Экология разума: Избранные статьи по антропологии, психиатрии, эпистемологии / пер. с англ. – М.: Смысл, 2003.
25. Белинская Е.П. Временные аспекты Я-концепции и идентичности // Мир психологии. – 1999. – № 3. – С. 40-46.
26. Белинская Е.П. Я – концепция и ценностные ориентации старших подростков в условиях быстрых социальных изменений // Вестник МГУ. 1997. – Серия 14. №4.
27. Белогуров С.Б. Наркотики и наркомания. – СПб.: Университетская книга, 1997.

28. Березин С.В., Лисецкий К.С. и др. Профилактика наркотизма: теория и практика / Под ред. С.В.Березина, К.С.Лисецкого. – Самара: Изд-во «Перспектива», 2005б.

29. Березин С.В., Лисецкий К.С., Серебрякова М.Е. Предпосылки подростковой наркозависимости. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2001а.

30. Березин С.В., Лисецкий К.С., Назаров Е.А. Психология наркотической зависимости и созависимости. – М.: МПА, 2001б.

31. Березин С.В., Лисецкий К.С., Назаров Е.Н. Психология наркотической зависимости и созависимости. – М.:МПА, 2001. – 213с.

32. Березовский А.Э. Некоторые социально-психологические особенности аддиктивного поведения // www.psycheya.ru

33. Берн Э. Введение в психиатрию и психоанализ для непосвященных. – СПб.: Питер, 1992.

34. Берн Э. Игры, в которые играют люди: психология человеческих взаимоотношений. Люди, которые играют в игры: психология человеческой судьбы / Под общ. ред. М.С. Мацковского. – М.: Прогресс, 1988.

35. Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание. – М., 1986.

36. Битенский В.С., Херсонский Б.Г., Дворяк С.В., Глушков В.А. Наркомании у подростков. – Киев: Здоровье, 1989.

37. Блейхер В.М., Круг И.В. Толковый словарь психиатрических терминов / Под общ. ред. к.м.н. С.Н.Бокова: В 2-х томах. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1996.

38. Блум Г. Психоаналитические теории личности. – М.: Изд-во «КСП», 1996.

39. Бодалев А.А. Личность и общение. – М.: Международная педагогическая академия, 1995.

40. Божович Л.И. Избранные психологические труды. Проблемы формирования личности / Под. ред. Д.И. Фельдшейна. – М.: Международная педагогическая академия, 1995.

41. Борисов И.Ю. Механизм «гедонистического риска» и его роль в отклоняющемся поведении молодежи // Мир психологии и психология в мире. – 1995. – №3. – С. 63-74.
42. Братусь Б.С. Аномалии личности. – М.: Мысль, 1988.
43. Брушлинский А.В. Субъект: мышление, учение, воображение. – Воронеж, 1996.
44. Буякас Т.М. О феномене наслаждения процессом деятельности и условиях его возникновения (по работам М.Чиксентмихайи) // Вестник МГУ. – 1995. Серия 14. – №2.
45. Василюк Ф.Е. Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций). – М.: МГУ, 1984.
46. Василюк Ф.Е. Типология переживания различных критических ситуаций // Психологический журнал. – 1995. Том 16. – №5.
47. Выготский Л.С. Проблема культурного развития ребенка // Вестник Московского университета. – 1991. Серия 14. – № 4. – С.5-18.
48. Выготский Л.С. Собрание сочинений. – М. 1882-1884.
49. Гарбузов В.И. Практическая психотерапия, или как вернуть ребенку и подростку уверенность в себе, истинное достоинство и здоровье. – СПб.: АО «Сфера», 1994.
50. Гегель Г.В.Ф. Система наук. – СПб.: Наука, 1992.
51. Генайло С.П. Особенности преобладания больных наркоманиями // Журнал невропатологии и психиатрии. – 1990. – № 2. – С. 42-47.
52. Гинзбург М.Р. Использование метафоры изменения при работе со старшими подростками // Психологическая наука и образование. – 1997. – № 1. – С. 66-76.
53. Гинзбург М.Р. Сформированность личностной идентичности как показатель успешности социализации в старшем подростковом возрасте // Мир психологии. – 1998. – №1.
54. Гинзбург М.Р. Сформированность личностной идентичности как показатель успешности социализации в старшем подростковом возрасте / Мир психологии. – №1. – 1998. – 160 с.

55. Гроф К. Жажда Целостности. – М.: Институт трансперсональной психологии, 2003.
56. Гроф С. Психология будущего: Уроки современных исследований сознания. – М.: ООО «Издательство АСТ» и др., 2001.
57. Гульдман В. В., Романова О.Л. Подросток-наркоман и его окружение // Вопросы психологии. – 1993. – №2. – С. 26-32.
58. Данилин А. LSD, галлюциногены, психоделия и феномен зависимости. – М. ЗАО Изд-во «Центрполиграф», 2003
59. Деркач А.А. Акмеология. – М.: РАГС, 2002.
60. Зейгарник Б.Б. Теория личности К.Левина. – М: Изд-во МГУ, 1981.
61. Изард К. Эмоции человека. – М.: МГУ, 1980.
62. Исаев Д.Н. Девиантное поведение детей и подростков, 1999 // www.narcom.ru
63. Калмыкова Е.С. Анализ в кредит: уступка реальности или бегство от реальности // Журнал практической психологии и психоанализа. – 2001. – №1-2.
64. Климова Т. Идентичность, или «десятки проблем, неотделимых друг от друга», 2002 // www.antropotok.archipelag.ru
65. Ковалев С.В. «Семь шагов от пропасти» НЛП – терапия наркотических зависимостей. – М., 2001.
66. Козлов Д. Д., Дмитриева И. В. О возможности и необходимости идиографического исследования копинг-механизмов // Ананьевские чтения-2005. Материалы научно-практической конференции. – СПб., 2005.
67. Кон И. С. «Открытое Я». – М., 1978
68. Кон И.С. В поисках себя. – М.: Изд-во политической литературы, 1984.
69. Кон И.С. Девиантное поведение. Психология ранней юности. – М.: Просвещение, 1992.
70. Кон И.С. Дружба: Этико-психологический очерк. – М.: Политиздат, 1989.

71. Кондратьев М.Ю. Особенности психосоциального развития подростков // Вопросы психологии. – 1997. – №3.

72. Кондрашенко В.Т. Девиантное поведение у подростков: социально-психологические и психиатрические аспекты. – Минск, 1988.

73. Корольков А.А., Петленко В.П. Философские проблемы теории нормы в биологии и медицине. – М.: Медицина, 1977.

74. Костенок П.И. Формирование умений физического самосовершенствования у учащихся старшего подросткового возраста общеобразовательной школы: Автореф. дисс... канд. пед. наук. – Челябинск, 1995.

75. Крайг Г. Психология развития. – СПб.: Издательство «Питер», 2000.

76. Кривцова С.В. и др. Подросток на перекрестке эпох. – М.: Генезис, 1997.

77. Кричевский Р.Л., Дубовская Е.М. Психология малой группы. – М., 1991.

78. Кузьмина Н.В. Предмет акмеологии. – СПб, 2002.

79. Куликов Л.В. Психология настроения. – СПб, 1997.

80. Курек Н.С. Медико-психологический подход к диагностике повышенного риска заболеваний наркоманией у подростков и коррекция их эмоциональных нарушений // Вопросы наркологии. – 1993. – №1. – 158 с.

81. Лаврова О.В. Глубинная топологическая психотерапия: идеи трансформации. Введение в философскую психологию: Монография (Серия «Новые идеи в психологии»). – СПб.: Издательство «ДНК», 2001.

82. Лапшова О. А. Психологическое содержание текста и его оценивание методами интен-анализа и психосемантики наук: Дисс. ... канд. психол. наук, М., 2001.

83. Левин К. Определение понятия «поле в данный момент» / Хрестоматия по истории психологии. – М.: Изд-во МГУ, 1980.

84. Левитов Н.Д. О психических состояниях человека. – М. 1964.
85. Лекции по клинической наркологии/ Под ред. Н.Н. Иванца. – М., 1995.
86. Леонтьев А.Н. Избранные психологические труды. Том 11. – М., Педагогика, 1983.
87. Леонтьев А.Н. Философия психологии: из научного наследия / Под ред. А.А. Леонтьева, Д.А. Леонтьева. – М.: МГУ, 1994.
88. Лисецкий К.С. Культура вынужденных желаний // Известия Самарского научного центра РАН. – Самара, 2003а.
89. Лисецкий К.С. Психолог как субъект наркопрофилактики // Известия самарского научного центра Российской академии наук, декабрь 2002.
90. Лисецкий К.С. Факторы и причины наркотизации // Вестник Самарского университета, 2003б.
91. Лисецкий К.С., Литягина Е.В. Психология негативных зависимостей. – Самара: Изд-во «Универс групп», 2005.
92. Лисецкий К.С., Литягина Е.В. Психология не-зависимости. – Самара.: Изд-во «Универс-групп», 2004.
93. Литягина Е.В. Конфликт как фактор изменения семантического пространства индивидуального сознания // Международная научно-практическая конференция «Межличностный конфликт: проблемы и перспективы исследования». Тезисы докладов. – Самара, 1997.
94. Литягина Е.В. Нерешенные задачи взросления как психологические условия формирования аддиктивного поведения старшеклассников. Автореф.канд.диссер. – Калуга, 2004.
95. Литягина Е.В., Лисецкий К.С. Критика общепринятой концепции профилактики наркотизма // Ежегодник Российского психологического общества: Материалы III Всероссийского съезда психологов 25-28 июня 2003: В 8 т. – СПб: Изд-во СПбГУ, 2003. Т.5.

96. Литягина Е.В., Черемушкина Н.В. Психосемантический анализ причин наркотизации // Тезисы докладов XXX научной конференции студентов. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 1999.

97. Личко А.Е., Битенский В.С. Подростковая наркомания. – Л.: Медицина, 1991.

98. Лэнг Р. Расколотое «Я». – М.: «Академия», 1995.

99. Магомедов Н.М. Дифференцированный подход к обучению и воспитанию школьников: проблемы и перспективы. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 1993.

100. Макеева А.Г. Педагогическая профилактика наркомании в школе. – М.: Сентябрь, 1999. – 54 с.

101. Максимова С.В. Творческая активность у лиц с наркотической зависимостью // Вопросы психологии. – 2006. – №1.

102. Мамардашвили М.К. Психологическая топология пути. – М., 1997.

103. Маслоу А. Мотивация и личность. – СПб.: Евразия, 1999.

104. Маслоу А. Психология бытия. – М.: Рефл-бук. – Киев: Ваклер, 1997.

105. Менегетти А. Система и личность. – М.: Серебряные нити, 1996.

106. Мид М. Культура и мир детства. – М., 1988.

107. Мясищев В.Н. Психология отношений. – М., 1997.

108. Наркомания глазами семейного психолога / Под ред. С.В. Березина, К.С. Лисецкого. – СПб.: Речь, 2005а.

109. Нартова-Бочавер С.К. «Coping-behavior» в системе понятий психологии личности // Психологический журнал. – 1997. – Т. 18, – № 5.

110. Научно-методические основы первичной профилактики детской наркомании: для работников центров социально-психологической помощи семье и детям / Под ред. С.В. Березина, К.С. Лисецкого. – М.: Государственный НИИ семьи и воспитания, 2000.

111. Нечаев Н.Н. Классификация задач развития // www.msmsu.ru/kafedra/f_stom.
112. Обухова Л. Детская психология: теории, факты, проблемы. – М.: Тривола, 1995.
113. Олпорт Г.В. Личность в психологии. – М: КСП+; – СПб: Ювента, 1998.
114. Омельченко Е.А. Молодежные культуры и субкультуры. – М.: Институт социологии РАН, 2000.
115. Омельченко Е.А. Подростки и наркотики. – М., 2003.
116. Паршутин И.А. Социальные и личностные особенности подростков, влияющие на формирование антинаркотических установок при проведении профилактического тренинга // Школа здоровья. – 2003. – №1.
117. Перлз Ф. Внутри и вне помойного ведра. – М., 2002.
118. Петракова Т.И., Лимонова Д.Л., Меньшикова Е.С. Ситуационная мотивация употребления наркотиков у подростков // Вопросы психологии. – 1999. – № 5.
119. Петровский В.А. Личность в психологии: парадигма субъектности. – Ростов-на-Дону: Изд-во «Феникс», 1996а.
120. Петровский В.А. Очерк теории свободной причинности // Вестник Самарского университета. – 1996б. – №1.
121. Петровский В.А. Психология неадаптивной активности. Российский открытый ун-т. – М.: ТОО «Горбунок», 1992.
122. Петровский В.А. Феномены субъектности в развитии личности. – Самара, 1996в.
123. Предупреждение подростковой и юношеской наркомании / Под ред. С.В. Березина, К.С. Лисецкого. – М.: Изд-во Института Психотерапии, 2001в.
124. Психологические основы профилактики наркомании в семье / Под ред. С.В. Березина, К.С. Лисецкого. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2001г.

125. Психологические особенности наркоманов периода взросления (опыт комплексного экспериментально - психологического исследования) / Под ред. С.В. Березина, К.С. Лисецкого. – Самара: Самарский университет, 1998.

126. Психология воспитания / Под ред. Петровского В.А. – М.: Аспект-Пресс, 1995.

127. Психология личности в трудах зарубежных психологов / Сост. и общая ред. А.А. Реана. – СПб.: Изд-во «Питер», 2000.

128. Пути и методы предупреждения подростковой и юношеской наркомании / Под ред. С.В. Березина, К.С. Лисецкого, И.Б. Орешниковой. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 1999.

129. Пятницкая И.Н. Наркомания. – М.: Медицина, 1994.

130. Пятова С.В. Исследование особенностей личностного развития подростков с тяжелым хроническим соматическим заболеванием (муковисцидоз) // psychology.ru/lomonosov/tesis.

131. Раттер М. Помощь трудным детям / Под общ. ред. А.С. Спиваковской. – М.: Прогресс, 1997.

132. Реан А.А., Баранов А.А. Факторы стрессоустойчивости учителей // Вопросы психологии. – 1997. – №1.

133. Ремшмидт Х. Подростковый и юношеский возраст: Проблемы становления личности. – М.: Мир, 1994.

134. Роджерс К. Взгляд на психотерапию. Становление человека. – М., 1994.

135. Роджерс К. Клиентцентрированная терапия. – М.: Рефлбук. – Киев: Ваклер, 1997.

136. Розанов В.В. Сумерки просвещения. – М., 1990.

137. Розенбаум М. Безопасность прежде всего. Подростки, наркотики и образовательные программы: реалистичный подход. – М., 2002.

138. Ротенберг В. Добиться успеха и умереть, 2002 // www.narcom.ru.

139. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – М., 1989.
140. Самыкина Н.Ю. Формирование личностной готовности психологов к первичной профилактике наркомании в среде старшеклассников: Автореф. дисс. канд. псих. наук. – Калуга, 2002.
141. Селигман М. Новая позитивная психология. – М.: София, 2006.
142. Сеченов И.В. Биография. Главные труды. – М.: Изд-во «Деан», 2004.
143. Сирота Н.А., Ялтонский В.М. Профилактика наркомании и алкоголизма: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2003.
144. Сирота Н.А., Ялтонский В.М., Хажиллина И.И., Видерман Н.С. Профилактика наркомании у подростков: от теории к практике / Под науч. ред. Л.И. Шипициной и Е.И. Казаковой. – СПб.: Изд-во «Питер», 2001.
145. Скрипкина Т.П. Доверие к миру как фундаментальное условие толерантности. – Ростов-на-Дону, 2002.
146. Собкин В.С., Абросимова З.Б. и др. Проявление девиации в подростковой субкультуре // Вопросы психологии. – 2004. – №3.
147. Справочник по психологии и психиатрии детского и подросткового возраста. – СПб.: Изд-во «Питер», 2000.
148. Сухарев А.В. Этнофункциональный подход к проблемам психопрофилактики и воспитания // Вопросы психологии. – 1996. – № 4.
149. Сухарев А.В., Брюн Е.А. Сравнительное психологическое исследование этнофункциональных рассогласований у страдающих героиновой наркоманией, алкоголизмом и аффективными расстройствами // Психологический журнал. – 1998. – Т. 19. – N 3.
150. Теории личности в западноевропейской и американской психологии. – Самара: Издательский Дом «Бахрах», 1996.
151. Технология формирования социальных навыков. Методическое пособие для психологов и социальных педагогов ИТУ / Под

общ. ред. С.В. Березина, К.С. Лисецкого. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2001.

152. Торндайк Э. Принципы обучения, основанные на психологии. Основные направления психологии в классических трудах. Бихевиоризм. – М.: ООО «Изд-во АСТ-ЛТД», 1998.

153. Тхостов А.Ш. Влияние современных технологий на развитие личности и формирование патологической форм адаптации: обратная сторона социализации // Психологический журнал, т.26. – 2005. – № 6.

154. Тхостов А.Ш. Телесность человека в контексте культурно - исторического подхода // Вестник Московского университета. Серия 14. – 2002. – № 4. – С. 34-40.

155. Уотсон Дж. Психология как наука о поведении // Основные направления психологии в классических трудах. Бихевиоризм. – М.: ООО «Изд-во АСТ-ЛТД», 1998.

156. Фельдштейн Д.И. Психология становления личности. – М.: Международная педагогическая академия, 1994.

157. Фельдштейн Д.И. Трудный подросток. – Душанбе, 1972.

158. Франкл В. Человек в поисках смысла. – М.: Прогресс, 1990.

159. Францелла Ф., Баннистер Д. Новый метод исследования личности. – М.: Прогресс, 1987.

160. Фрейд З. Введение в психоанализ. Лекции. – М.: Наука, 1989.

161. Фромм Э. Душа человека. – М.: ООО «Издательство АСТ-ЛТД», 1998.

162. Фромм Э. Иметь или быть? – М.: Прогресс, 1990.

163. Фромм Э. Психоанализ и этика. – М.: Республика, 1994.

164. Фуко М. Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности. – М.: Магистериум, 1996.

165. Фуко М. Рождение клиники. – М.: Смысл, 1998.

166. Фурман Б. Терапевтическое консультирование. Беседа направленная на решение проблем. – СПб: Речь, 2001.

- 167.Хараш . Психология одиночества. – М., 2000.
- 168.Хейзинга Й. Homo ludens. – М., 1992.
- 169.Холодная Когнитивные стили: О природе индивидуально-го ума. –СПб: Питер, 2004.
- 170.Хорни К. Ваши внутренние конфликты. Конструктивная теория невроза. – СПб.: Лань, 1997а.
- 171.Хорни К. Собрание сочинений: В 3-х томах. Том 1. Психология женщины: Невротическая личность нашего времени. – М.: Смысл, 1997б.
- 172.Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. – СПб.: Питер, 2005.
- 173.Цукерман Г.А. Психология саморазвития: задача для подростков и их педагогов. – М.: Интерпракс, 1994.
- 174.Чеснокова И.И. Проблема самосознания в психологии. – М., 1977.
175. Шабалина В.В. Психология подростка, 2001 // www.narcom.ru.
- 176.Шибутани Т. Социальная психология. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1998.
- 177.Шульга Т.И., Слот В., Спаниард Х. Методика работы с детьми группы риска. – М.: РАО, 2001.
- 178.Элкинд Д. Эрик Эриксон и восемь стадий человеческой жизни. – М., 1996.
- 179.Эриксон М. Мой голос останется с вами. – М.: Институт общегуманитарных исследований, 2003.
- 180.Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / Общ. ред. и предисловие А.В. Толстых. – М.: Издательская группа «Прогресс», 1996.
- 181.Юнг К.Г Конфликты детской души. – М.: Канон, 1995.
- 182.Юнг К.Г. Психология бессознательного. – М.: Университетская книга, 1994.

Научное издание

Константин Сергеевич Лисецкий

**ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ
ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ НАРКОТИЧЕСКОЙ
ЗАВИСИМОСТИ ЛИЧНОСТИ**

Корректор Н.В. Голубева

Компьютерная верстка, макет В.И. Никонов

Подписано в печать 29.11.07

Гарнитура Times New Roman. Формат 60x84/16. Бумага офсетная. Печать оперативная.

Усл.-печ. л. 19,25. Уч.-изд. л. 13,21. Тираж 1000 экз. (1-й завод 300 экз.) Заказ № 734

Издательство «Универс групп», 443011, Самара, ул. Академика Павлова, 1

Отпечатано ООО «Универс групп»